

Федеральное агентство по образованию
Байкальский государственный университет экономики и права

**СИБИРСКИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ
И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ**

Выпуск 1

Иркутск
Издательство БГУЭП
2008

УДК 343(06)
ББК 67.408
С 34

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Байкальского государственного университета экономики и права*

Главный редактор В. И. Шиканов, д-р юрид. наук, проф.

*Редакционная коллегия: Д. А. Степаненко, д-р юрид. наук, доц. (зам.
главного редактора), В. Н. Китаева, канд. юрид. наук, Р. В. Мазюк,
канд. юрид. наук*

С 34 Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические
чтения: сб. науч. тр.: вып. 1. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2008.
– 175 с.
ISBN 978-5-7253-1865-4

Настоящий сборник подготовлен на кафедре уголовного процесса и криминалистики Байкальского государственного университета экономики и права. В сборник включены статьи по уголовному процессу, криминалистике, оперативно-розыскной деятельности и судебной экспертизе, предоставленные ведущими российскими учеными, а также аспирантами и соискателями соответствующих специальностей. Статьи публикуются в авторской редакции.

ББК 67.408

ISBN 978-5-7253-1865-4

© Издательство БГУЭП, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Рыжяков А.П.* Рассуждения по поводу закрепленного в ч. 4 ст. 164 УПК РФ общего правила 5
- Мазюк Р.В.* О содержании института уголовного преследования.....11
- Зеленская Т.В.* Значение задач оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве 20
- Рукавишников П.П.* Убеждение государственного обвинителя как общее условие отказа от обвинения в суде.....27
- Степанова В.Г.* Вопросы процессуальной ответственности частного обвинителя в уголовном судопроизводстве 33
- Корнакова С.В.* Логическая и правовая природа и значение презумпций 37
- Смирнов О.М.* Юридическое значение законодательного закрепления принципов российского уголовного судопроизводства 44
- Магданов П.А.* Контроль и надзор за осуществлением оперативно-розыскной деятельности как одно из условий обеспечения личных тайн.....50
- Базюк М.Л.* О некоторых аспектах обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства как элемента принципа охраны прав и свобод человека и гражданина.....59
- Кузнецова А.П.* Собираение и фиксация доказательств при расследовании преступлений в сфере высоких информационных технологий 64

КРИМИНАЛИСТИКА

- Турчин Д.А.* Основные проблемы следствия.....72
- Образцов В.А.* К вопросу о парных категориях в криминалистике 82
- Китаев Н.Н.* «Криминалистическая астрология» в раскрытии серийных убийств – разновидность современного шарлатанства.....95

<i>Карепанов Н.В., Карепанов Г.Н.</i> Криминалистическая классификация преступлений. Порядок построения, определение понятия преступления, его криминалистические признаки и существенные элементы	102
<i>Фойгель Е.И.</i> Криминалистическая характеристика вымогательства, совершенного членами этнических организованных преступных групп азиатского типа	109
<i>Фойгель Е.И.</i> Криминалистическая характеристика «рейдерства»	116
<i>Архинова А.Н.</i> Полезная технология для судебно-медицинских экспертов	121
<i>Андреева Т.А.</i> Типичные ошибки следователей при назначении комплексных судебных экспертиз с участием психолога	124
<i>Бокарев М.А.</i> Особенности расследования уклонений от уплаты налогов организациями	128
<i>Асатрян Х.А.</i> Проблемы, возникающие при следственном осмотре по делам о фальшивомонетничестве, и пути их преодоления	135
<i>Васильева М.В.</i> Тактика проведения проверочных действий на стадии возбуждения уголовного дела по факту незаконного банкротства кредитной организации	141
<i>Кунижев А.Х.</i> Понятие раскрытия незаконного предпринимательства в теории оперативно-розыскной деятельности	147

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

<i>Ражков Р.А.</i> Об антикоррупционной экспертизе в законодательном процессе	153
---	-----

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ

<i>Смолькова И.В.</i> Великие и знаменитые о предварительном расследовании	160
--	-----

Сведения об авторах	170
Приглашение к сотрудничеству	172

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

А. П. Рыжаков

РАССУЖДЕНИЯ ПО ПОВОДУ ЗАКРЕПЛЕННОГО В Ч. 4 СТ. 164 УПК РФ ОБЩЕГО ПРАВИЛА

В ч. 4 ст. 164 УПК РФ закреплено требование «при производстве следственных действий недопустимо применение насилия, угроз и иных незаконных мер, а равно создание опасности для жизни и здоровья участвующих в них лиц». Буквально получается, указанный запрет касается лишь тех действий и решений, которые осуществляются и принимаются во время¹ производства следственного действия.

Этимологически «насилие» есть «принудительное воздействие на» кого-нибудь, что-нибудь². И что же при производстве следственных действий недопустимо принудительное воздействие на участвующих в нем лиц? Конечно же, нет. Производство ряда следственных действий предполагает реализацию (возможность и правомерность таковой) мер обеспечения процесса доказывания. Допустимо вскрытие помещения при производстве обыска (выемки), если владелец отказывается добровольно его открыть (ч. 6 ст. 182, ч. 2 ст. 183 УПК РФ), изъятие предметов (документов) в ходе производства осмотра, если для производства осмотра требуется продолжительное время или осмотр на месте затруднен (ч. 3 ст. 177 УПК РФ), принудительное освидетельствование (ст. 179 УПК РФ) и др.

Привлечение к участию в следственном действии тех или иных лиц также обеспечено государственным принуждением, а значит, содержит в себе элементы принудительного воздействия на таковых.

Соответственно мы вынуждены отказаться от буквального толкования запрета применения насилия при производстве следственного действия. Недопустимо не вообще любое, а лишь выходящее за пределы уголовно-процессуальных дозволений (правил и требований) принудительное воздействие на участвующих в следственном

---

¹ Ожегов, С. И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / Под ред. Чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. - 18-е изд., стереотип. - М.: Рус. яз., 1986. - С. 506–507.

² Там же. – С. 334.

действию лиц. Таким насилием, к примеру, бесспорно, является осуществление пытки допрашиваемого. Именно так нами рекомендуется толковать запрет применения насилия, закрепленный в ч. 4 ст. 164 УПК РФ.

Законодатель также не разрешает применение «угроз» при производстве следственного действия. Этимологически «угроза» не только «запугивание», но и «обещание причинить» кому-нибудь «неприятность, зло»¹. Большинство следственных действий трудно представить без осуществления действий, которые могли бы быть расценены, как обещание возникновения у участника определенных неприятностей, если им будут нарушены собственные обязанности.

Также как обстояли дела с применением насилия, в той или иной форме применение угроз не только допускается, но и в ряде случаев выступает обязанностью следователя (дознателя и др.). Так, при производстве допроса (очной ставки) свидетеля (потерпевшего) предупреждают об уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных ст. ст. 307 и 308 УК РФ. Участников следственных и иных процессуальных действий предупреждают об ответственности за разглашение данных предварительного расследования (ст. 310 УК РФ) и т.д. Тем самым следователь (дознатель и др.) обещает, в случае нарушения ими предусмотренного законом требования (дача заведомо ложных показаний, отказ от дачи показаний и т.п.), нарушителю не избежать «неприятности», выражающейся в привлечении его к уголовной ответственности.

«Неприятности», которые грозят участвующим в следственном действии лицам, нарушающим те или иные требования закона, — это не только уголовная ответственность за совершение некоторых преступлений против правосудия. Следователь (дознатель и др.) вправе предупредить подозреваемого (обвиняемого и др.), что в случае появления доказательств того, что последний может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу (иных фактических оснований избрания меры пресечения), к нему может быть применена мера пресечения, при нарушении порядка при производстве следственного действия участник-нарушитель может быть предупрежден о применении к нему мер уголовно-процессуальной ответственности и т.п.

---

¹ Ожегов, С. И. Указ. соч. - С. 716.

Таким образом, и «угроза» может иметь место при производстве следственного действия. Но только в предусмотренных законом рамках. Причем эта угроза не обязательно может исходить от следователя (дознателя и др.). Ни кто из присутствующих при производстве следственного действия лиц не вправе применять не обусловленные процессуальной формой «насилие» и «угрозы». А в рамках своего процессуального статуса применение принуждения, а тем более обещание обеспечения неприятностей нарушителям законности вполне допустимо. Не запрещено, к примеру, защитнику (иному лицу), участвующему в предъявлении для опознания обещать следователю (дознателю и др.), что те наводящие вопросы, который последний задает, приведут к такой «неприятности», как признание протокола следственного действия недопустимым доказательством, так как следователем (дознателем и др.) нарушен закрепленный в ч. 7 ст. 193 УПК РФ запрет.

Такой подход к толкованию запрета применения насилия и угроз при производстве следственного действия не только допустим, но единственно возможен, потому что буквально законодатель запрещает применение не «насилия и угроз», а «насилия, угроз и иных незаконных мер». Иначе говоря, им признается недопустимым применение лишь тех форм насилия и угроз, которые являются «незаконными мерами». Причем особенность уголовного процесса, где все, что не урегулировано уголовно-процессуальным законодательством, выходит за его пределы, накладывает определенную специфику и на толкование уголовно-процессуального понятия «насилие и угроза», как «незаконные меры». Под «насилием и угрозами», о которых идет речь в ч. 4 ст. 164 УПК РФ, думается, правильнее понимать как то «насилие и угрозы», которые прямо запрещены законом, так и все иные факты принудительного воздействия (обещания причинить неприятности) на участвующих в следственном действии лиц не предусмотренные уголовно-процессуальным законом.

Исходя из такого толкования понятия «иные незаконные меры», мы бы к числу таковых рекомендовали относить: обман, не предусмотренное законом психическое давление, шантаж, совершение незаконных действий, посягающих на неприкосновенность личности, совершение незаконных действий, унижающих честь и достоинство личности, совершение незаконных действий, нарушающих иные конституционные права (свободы) человека и гражданина.

Никакие благородные цели не могут оправдать факт применения к участнику следственного действия пыток, жестокого или унижающему человеческое достоинство обращения, непредусмотренного законом насилия, а также иных неадекватных мер воздействия.

Часть 4 ст. 164 УПК РФ помимо применения «незаконных мер», запрещает при производстве следственного действия «создание опасности для жизни и здоровья участвующих в них лиц».

«Опасность» есть «возможность, угроза» чего-нибудь «опасного»¹, «несчастья, катастрофы»². «Опасный», в свою очередь, означает «способный вызвать, причинить» какой-нибудь «вред, несчастье»³. «Несчастье» — «событие, которое заставляет страдать; горе, беда»⁴. Кто-то мог бы заметить, что вызов гражданина в правоохранительный орган для участия в следственном действии, а тем более производство у него, к примеру, обыска зачастую заставляет его «страдать» и мало кем воспринимается как благо. Предвещая такое замечание, напомним, в нашем случае речь идет не о любой опасности и соответственно не любое событие, которое может заставить кого-либо, пусть даже и кандидата в участники следственного действия, страдать может послужить фактическим основанием отказа от производства следственного действия с его участием. В ч. 4 ст. 164 УПК РФ речь идет об опасности лишь «для» (соответственно — «в отношении»⁵) «жизни и здоровья» «участвующих» в следственном действии «лиц».

То обстоятельство, что законодатель в ч. 4 ст. 164 УПК РФ говорит о жизни и здоровье определенных «лиц», позволяет сделать следующие выводы. Первое. Законом не запрещено создание при производстве следственного действия опасности для жизни и (или) здоровья иных, помимо людей живых существ (животных, растений и др.). Второе. Обязательно, чтобы указанного рода опасность касалась именно тех лиц, которые участвуют в следственном действии. В анализируемом месте речь идет не о людях вообще, как, к примеру, го-

---

¹ Ожегов, С. И. Указ. соч. – С. 388.

² Краткий толковый словарь русского языка / Сост. И. Л. Городецкая, Т. Н. Поповцева, М. Н. Судоплатова, Т. А. Фоменко; Под ред. В. В. Розановой. – 4-е изд., стереотип. - М.: Рус. Яз., 1985. - С. 116.

³ Ожегов, С. И. Указ. соч. - С. 388.

⁴ Краткий толковый словарь русского языка... - С. 107.

⁵ Ожегов, С. И. Указ. соч. - С. 144.

ворится в ч. 3 ст. 170 УПК РФ, и даже не о присутствующих при производстве следственного действия, а только об «участвующих в нем» лицах. Соответственно, если в ходе следственного действия создана опасность для жизни и (или) здоровья каких-либо людей, не являющихся участвующими в следственном действии лицами (прохожих, посторонних наблюдателей и т.п.), буквально требование ч. 4 ст. 164 УПК РФ нарушено не будет. И, наконец, третье. При производстве следственного действия не должна создаваться опасность для жизни и (или) здоровья двух и более лиц. Если бы законодатель пожелал запретить создание опасности для жизни и (или) здоровья каждого отдельно взятого участника следственного действия (для одного человека), то он так бы и написал. Ведь в ч. 2 ст. 202 УПК РФ он употребляет словосочетание «опасные для жизни и здоровья человека», а в ч. 4 ст. 164 УПК РФ — «для жизни и здоровья участвующих в них лиц».

И еще один значимый момент. В ч. 4 ст. 164 УПК РФ закреплен запрет создания «опасности для жизни и здоровья участвующих в» следственном действии лиц «при производстве следственных действий». Как это не странно, тем не менее, вынуждены заметить, что указанное правовое положение не является препятствием для производства следственных действий, в процессе осуществления которых никто из участников следственного действия сам специально не создает опасности другому участнику, но, исходя из места, времени, обстановки и т.п. производства следственного действия, таковая (опасность) реально существует на момент принятия решения о производстве следственного действия и остается на момент производства такового.

О каких следственных действиях мы ведем речь? Вот вам пример. Нам представляется недопустимым, но редакция ч. 1 ст. 9, ч. 4 ст. 164 и ч. 3 ст. 170 УПК РФ позволяет производить осмотр внутренней части склада горюче смазочных материалов, когда пожар в таком еще не потушен. Создавать опасность «для жизни и здоровья участвующих» в следственном действии «при» его производстве лиц в этом случае следователь не будет. Создаст такую опасность он чуть раньше — приняв решение о производстве такого следственного действия в указанное время. А затем, к тому же, осуществит процессуальное действие, создающее опасность для жизни и здоровья участвующих в нем лиц.

В юридической литературе к числу следственных действий, связанных с опасностью для жизни и здоровья людей, процессуалисты относят осмотр или обыск жилого помещения, где скрываются вооруженные члены преступной группы, имеется взрывное устройство, которое может быть приведено ими в действие¹, а также те следственные действия, которые производятся «в условиях проведения боевых операций»², «в шахте, в которой произошел взрыв, в горах с лавиноопасными склонами»³, «при работе с материалами, представляющими повышенную опасность для окружающих, в условиях вооруженных конфликтов, в особых климатических условиях, в обстановке чрезвычайной ситуации, вызванных природными и техногенными факторами и т.п.»⁴.

Нам представляется, что в некоторых из указанных «примеров» могут быть произведены следственные действия, как связанные с опасностью для жизни и здоровья людей, так и таким образом организованные, когда опасность жизни и здоровью людей исключена. Если опасность исключена, то и действие перестает быть связанным с опасностью для жизни и здоровья человека. Если угроза жизни и (или) здоровью человека не исключена, то стоит подумать вообще об оправданности производства такого процессуального действия.

Удивительно, как еще законодатель «соизволил» «разрешить» следователю (дознавателю и др.) в подобного рода случаях не приглашать понятых (ч. 3 ст. 170 УПК РФ)? Будь наша воля, мы бы, конечно, категорически запретили осуществление подобных процессуальных действий и принятие соответствующих процессуальных ре-

---

¹ Шейфер, С. А. Глава 22. Предварительное следствие / С. А. Шейфер // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации в редакции Федерального закона от 29 мая 2002 года / Под общ. и научн. ред. А. Я. Сухарева. – М.: НОРМА, 2002. – С. 294.

² Федулов, А. В. Глава 22. Предварительное следствие / А. В. Федулов // Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В. И. Радченко; научн. ред. В. Т. Томин, М. П. Поляков. – М.: Юрайт-Издат, 2004. С. 417.

³ Павлов, Н. Е. Глава 22. Предварительное следствие / Н. Е. Павлов // Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общей ред. В. И. Радченко. – М.: Юстицинформ, 2003. – С. 403.

⁴ Шевчук, А. Н. Глава 22. Предварительное следствие / А. Н. Шевчук // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Новая редакция. – М.: ЭКМОС, 2002. – С. 311; и др.

шений. Думается, кощунственно процессуальной целесообразностью оправдывать постановку под угрозу самого дорогого, что есть у человека — его жизни и здоровья. Поэтому мы бы рекомендовали отказаться от проведения любых следственных действий, производство которых сопряжено с опасностью для жизни и (или) здоровья человека. Надеемся, на данное обстоятельство обратит свой взор законодатель и внесет соответствующие изменения как в ч. 4 ст. 164 УПК РФ, так и в некоторые другие статьи закона.

Р. В. Мазюк

О СОДЕРЖАНИИ ИНСТИТУТА УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Включение в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации категории «уголовное преследование» создало предпосылки для оформления в российском уголовно-процессуальном праве нового правового института, регламентирующего порядок изобличительной деятельности, осуществляемой стороной обвинения в отношении подозреваемого, обвиняемого, что предоставило процессуалистам повод начать активно использовать понятие «институт уголовного преследования»¹. Однако еще Л. И. Дембо указывал на то, что в лите-

---

¹ Еникеев, З. Д. Уголовное преследование / З. Д. Еникеев. – Уфа: Изд-во Башкирского гос. ун-та, 2000. – С. 5; Мартынчик, Е. Г. УПК Российской Федерации: достижения и нереализованные возможности / Е. Г. Мартынчик // Российский судья. – 2002. – № 4. – С. 3-6; Петрова, Н. Наделить потерпевшего правом уголовного преследования / Н. Петрова // Российская юстиция. – 2002. – № 12. – С. 55; Ворончихин, М. А. Субъекты уголовного преследования (понятие, виды, правовая культура): Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / М. А. Ворончихин. – Ижевск: Удмуртский гос. ун-тет, 2002. – С. 6; Картохина, О. А. Начало и прекращение уголовного преследования следователями органов внутренних дел: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / О. А. Картохина. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД, 2003. – С. 3-4; Деришев, Ю. В. Досудебное уголовное преследование по УПК РФ / Ю. В. Деришев // Государство и право. – 2004. – № 12. – С. 45; Шишкина, Е. В. Институт уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве / Е. В. Шишкина, С. Г. Бандурин, Н. А. Громов // Право и политика. – 2004. – № 12. – С. 89; Королев, Г. Н. Прокурорское уголовное преследование в российском уголовном процессе / Г. Н. Королев. – М.: Юрлитинформ, 2006. – С. 6.

ратуре «принято злоупотреблять этим термином, применять его очень широко, к любому правовому явлению, не вкладывая в этот термин по существу какого-либо конкретного содержания»¹.

В настоящее время институт уголовного преследования на теоретическом уровне только формируется. Отдельным отраслям права, а также системе права в целом свойственен «процесс постепенного накопления нормативного материала и распределения его по структурным блокам – институтам»². Думается, что аналогичный процесс в уголовно-процессуальном праве должен привести к образованию полноценного института уголовного преследования, представляющего собой совокупность относительно самостоятельных правовых норм, регулирующих процессуальные отношения между субъектами стороны обвинения и подозреваемым, обвиняемым.

Анализ положений УПК РФ позволяет выявить ряд проблем, связанных с признанием самостоятельности уголовного преследования как правового института. Уголовное преследование, являясь процессуальной деятельностью, включает возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица, применение мер процессуального принуждения, проведение следственных действий и другие процессуальные действия, которые сами по себе всегда рассматривались в качестве самостоятельных институтов уголовно-процессуального права. В связи с этим, институт уголовного преследования следовало бы признать дублирующим по отношению к уже существующим (институт возбуждения уголовного дела, институт мер пресечения, институт обвинения и т.п.). В этом заключается проблема юридико-технического оформления института уголовного преследования в УПК РФ.

В литературе указывается, что «все институты права подразделяются на простые и сложные (включающие в свой состав другие институты)»³. Кроме того, в теории государства и права выделяются так называемые «общие правовые институты», которые регулируют не

---

¹ Дембо, Л. И. О принципах построения системы права / Л. И. Дембо // Советское государство и право. – 1956. – № 8. – С. 93.

² Теория государства и права / Под ред. В. М. Корельского и В. Д. Перевалова. – М.: НОРМА – ИНФРА-М, 1999. – С. 321.

³ Теория государства и права: Учебник для вузов / Под ред. М. М. Рассолова, В. О. Лучина, Б. С. Эбзеева. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2000. – С. 257.

какой-то самостоятельный вид общественных отношений, а «отдельные стороны» отношений в рамках существующих правовых институтов, в которых «нет какого-то особого предмета правового воздействия», но имеются «общие моменты»¹. Таким образом, специфика правового института уголовного преследования заключается в нестандартной форме его юридико-технического закрепления в УПК РФ. Институт уголовного преследования является сложным, комплексным, общим институтом российского уголовного судопроизводства, который включает в свою структуру иные процессуальные институты, регулирующие отдельные аспекты процессуальной деятельности стороны обвинения в процессе изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

Правовые институты, входящие в структуру общего института уголовного преследования, составляют его содержание. Рассмотрение непосредственно содержания уголовного преследования как института права первым предпринял З. Д. Еникеев. К таким институтам автор отнес: «институт разъяснения понятий уголовного преследования и его элементов, институты принципов и субъектов уголовного преследования, институт возбуждения уголовного преследования, институт подозрения и обвинения, институты подследственности и общих условий уголовного преследования, институт отказа в уголовном преследовании, институты приостановления, окончания уголовного преследования и возмещения ущерба, причиненного преступлением, институты мер процессуального принуждения, доказывания, предупреждения и пресечения преступлений»².

Представляется спорным мнение З. Д. Еникеева о том, что все перечисленные процессуальные институты «обслуживают только сферу уголовного преследования»³. Так, возникает вопрос, какие именно из процессуальных понятий следует считать «понятиями уголовного преследования», которые не имели бы общепроцессуального значения? Что касается «института принципов уголовного преследования», то они выработаны автором самостоятельно и не предусмотрены УПК РФ, поэтому не могут образовывать «совокупность право-

---

¹ Якушев, В. С. О понятии правового института / В. С. Якушев // Известия вузов. Правоведение. – 1970. – № 6. – С. 63.

² Еникеев, З. Д. Механизм уголовного преследования / З. Д. Еникеев. – Уфа: Изд-во Башкирского гос. ун-та, 2002. – С. 29.

³ Там же. – С. 29.

вых норм», а должны рассматриваться только как теоретические рекомендации (вплоть до их законодательного закрепления). «Институт подследственности» не может рассматриваться как элемент уголовного преследования, так как подследственность обычно определяется еще до возбуждения уголовного дела (а значит, до начала уголовного преследования). «Институт мер процессуального принуждения» также выходит за рамки исключительно уголовного преследования как процессуальных отношений между стороной обвинения и подозреваемым, обвиняемым, так как данные меры могут применяться и в отношении иных участников уголовного судопроизводства. Наконец, «институт доказательств» имеет связь с уголовным преследованием только в той части, в какой собранные по делу доказательства устанавливают виновность лица в совершении преступления, форму его вины и мотивы (п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ).

Другие авторы пишут о содержании уголовного преследования как процессуальной деятельности. Однако, учитывая, что такая деятельность сама по себе регулируется отдельными, как правило, одноименными, правовыми институтами, представляется возможным рассматривать ее именно как содержание института уголовного преследования.

Так, З. З. Зинатуллин указывает, что «по своему содержанию уголовным преследованием охватывается весь возможный комплекс действий и отношений, связанных с задержанием лица по подозрению в совершении преступления, применением мер уголовно-процессуального пресечения, производством комплекса действий, связанных с собиранием, исследованием и оценкой средств доказывания (доказательств, их источников и способов получения и использования доказательств), направленных на его изобличение, обоснование уголовной ответственности и осуждения, а также обеспечение правового режима отбывания назначенного по приговору суда наказания»¹. Соглашаясь с таким подходом, нельзя согласиться с включение в содержание института уголовного преследования правовых

---

¹ Зинатуллин, З. З. Общие проблемы обвинения и защиты по уголовным делам / З. З. Зинатуллин, Т. З. Зинатуллин. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Ижевск: Детектив-информ, 1997. – С. 7–8.

норм, обеспечивающих правовой режим отбывания наказания¹. Цель уголовного преследования на данном этапе, совершенно очевидно, уже достигнута — лицо, изобличено в совершении преступления; дальнейшее правовое воздействие на такое лицо осуществляется в целях исправления осужденных и предупреждения совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами (ч. 1 ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации²). Как справедливо указывает О. Д. Жук, «режим фактического отбывания наказания... не может входить в содержание уголовного преследования, а представляет собой его результат»³.

А. Г. Халиулин в содержание уголовного преследования включает следующие действия и решения:

- 1) возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица;
- 2) производство следственных действий, направленных на соби-
рание в отношении конкретного лица обвинительных доказательств;
- 3) выдвижение в отношении конкретного лица подозрения в со-
вершении преступления;
- 4) формулирование и предъявление обвинения в преступлении;
- 5) производство следственных действий, направленных на дока-
зывание выдвинутого обвинения;
- б) направление дела в суд с обвинительным заключением;
- 7) поддержание обвинения перед судом⁴.

О. Д. Жук поддерживает мнение А. Г. Халиулина, отмечая, что «функция уголовного преследования не реализуется на так называемых проверочных стадиях, а также в рамках стадии исполнения приговора и стадии возобновления производства ввиду новых или вновь

---

¹ Обеспечение правового режима отбывания наказания в содержание уголовного преследования также включает М. А. Ворончихин (См.: Ворончихин, М. А. Указ. соч. – С. 17.).

² Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 2. – Ст. 198.

³ Жук, О. Д. О понятии и содержании функции уголовного преследования в уголовном процессе России / О. Д. Жук // Законодательство. – 2004. – № 2. – С. 85.

⁴ Халиулин, А. Г. Уголовное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации (проблемы осуществления в условиях правовой реформы): Дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / А. Г. Халиулин. – М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ, 1997.– С. 47.

открывшихся обстоятельств»¹. По мнению автора в содержание уголовного преследования входит:

1) принятие решений, которыми лицу предоставляется статус подозреваемого и обвиняемого;

2) производство следственных действий, в результате которых были получены обвинительные доказательства;

3) избрание в отношении лица мер пресечения;

4) санкционирование прокурором решений следователя (дознателя) о производстве следственных действий, в результате которых были получены обвинительные доказательства;

5) санкционирование прокурором ходатайств следователя (дознателя) об избрании меры пресечения, если это возможно не иначе как по судебному решению;

6) утверждение прокурором обвинительного заключения (обвинительного акта);

7) участие представителей стороны обвинения (уголовного преследования) в производстве в суде первой и апелляционной инстанции².

В содержание уголовного преследования О. Д. Жук включает также деятельность прокурора при кассационном рассмотрении дела³ и при рассмотрении дела в порядке надзора. Как считает автор, «во всех этих ситуациях прокурор представляет доводы, подтверждающие виновность (или большую виновность) лица»⁴.

О продолжении уголовного преследования при **апелляционном и кассационном рассмотрении дела**, как представляется, можно говорить только в случае неполного, по мнению стороны обвинения, изобличения лица в совершении преступления в суде первой инстанции. Цель уголовного преследования — изобличение лица в совершении преступления — по своему содержанию тождественно понятию «установление виновности»; для стороны обвинения свидетель-

---

¹ Жук, О. Д. Указ. статья. - С. 86.

² Там же. – С. 87.

³ См., напр.: Жук, О. Д. Осуществление прокурором уголовного преследования в суде кассационной инстанции по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 210 УК РФ / О. Д. Жук // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2004. – № 2. – С. 340-348.

⁴ Жук, О. Д. О понятии и содержании функции уголовного преследования... – С. 87.

ством достижения цели своей деятельности является обвинительный приговор, в котором суд признает лицо виновным по всем пунктам обвинения, предъявленного органами уголовного преследования. Если по какому-либо эпизоду или квалифицирующему признаку совершенного преступления суд не соглашается со стороной обвинения, цель уголовного преследования нельзя считать достигнутой. Анализ оснований отмены или изменения судебных решений в кассационном (апелляционном) порядке позволяет заключить, что дальнейшее установление виновности осужденного лица может происходить только при обжаловании приговора в связи с несоответствием выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой или апелляционной инстанции (ст. 380 УПК РФ).

Уголовное преследование при *рассмотрении дела в порядке надзора*, как представляется, не осуществляется. Назначение надзорного производства заключается в исключительности данной стадии как дополнительного средства устранения ошибок, допущенных судами первой и второй инстанций, что не должно означать возможности повторного изобличения лица в совершении преступления, за которое оно уже было осуждено.

Институт мер процессуального принуждения, как уже указывалось, полностью не входит в содержание института уголовного преследования. В частности, иные меры процессуального принуждения могут применяться не только должностными лицами уголовного преследования, но и судом. Согласно ч. 1 ст. 111 УПК РФ целью применения таких мер является обеспечение установленного Кодексом порядка уголовного судопроизводства. Вместе с тем, применение данных мер дознавателем, следователем или прокурором *в досудебном производстве* означает установленного порядка уголовного преследования; более того, применение иных мер процессуального принуждения, в соответствии с п. 5 ч. 3 ст. 49 УПК РФ влечет возникновения у лица права на защиту и свидетельствует о начале уголовного преследования. Такая мера процессуального принуждения, как наложение ареста на имущество (ст. 115 УПК РФ), как представляется, не охватывается целью уголовного преследования, так как применяется не для обеспечения самой процессуальной деятельности по изобличению лица, а для обеспечения исполнения приговора, что осуществляется уже после прекращения уголовного преследования. Также

данные меры направлены на обеспечение поддержания обвинения в *судебном производстве* (например, привод подсудимого, не содержащегося под стражей). Кроме того, по крайней мере, одна мера процессуального принуждения не может применяться к подозреваемому, обвиняемому ни в досудебном, ни в судебном производстве. Речь идет о денежном взыскании, предусмотренном п. 3 ч. 2 ст. 111 УПК РФ и регламентированной ст.ст. 117 и 118 УПК РФ. Меры процессуального принуждения следует считать факультативным элементом уголовного преследования, зависящим от оказания противодействия органам уголовного преследования со стороны подозреваемого, обвиняемого; сами по себе они не способствуют установлению виновности лица, однако обеспечивают процессуальную деятельность стороны обвинения, направленную на изобличение подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

В содержание уголовного преследования отдельные авторы также включают:

1) формулирование в отношении определенного лица подозрения, формулирование обвинительного заключения, утверждение обвинительного заключения прокурором¹;

2) проведение иных процессуальных действий, допускаемых в уголовном процессе без регламентации их производства уголовно-процессуальным законом (истребование документов, получение объяснений, производство ревизий, инвентаризаций и иные)²;

3) установление отягчающих и смягчающих вину обстоятельств³;

4) принятие мер по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением; реализация мер по ликвидации причин и условий, способствовавших совершению преступления⁴;

---

¹ Донской, Д. Д. Функция уголовного преследования на этапе досудебного производства: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Д. Д. Донской. – Ростов на Дону, 2005. – С. 63.

² Картохина, О. А. Указ. соч. – С. 35.

³ Лобанов, А. П. Функции уголовного преследования и защиты в российском судопроизводстве: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / А. П. Лобанов. – М.: Научно-исследовательский институт МВД России, 1996. – С. 12.

⁴ Кучин, А. Ф. Правовой механизм публичного уголовного преследования: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А. Ф. Кучин. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД РФ, 2004 – С. 9.

5) обращение в суд и поддержание обвинения частными лицами, пострадавшими от преступления, по делам частного обвинения¹.

Резюмируя все вышеизложенное, в содержание института уголовного преследования необходимо включать правовые нормы, регулирующие производство следующих процессуальных действия и принятие следующих процессуальных решений:

1) возбуждение уголовного преследования (посредством возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица либо привлечения лица к уголовному преследованию в результате наделения его процессуальным статусом подозреваемого, обвиняемого);

2) доказывание причастности подозреваемого к совершению преступления и установление основания для обвинения лица в совершении преступления путем производства следственных и иных процессуальных действий;

3) привлечение лица в качестве обвиняемого на предварительном следствии (вынесение обвинительного акта на дознании), предъявление обвинения (обвинительного акта);

4) доказывание виновности обвиняемого в совершении преступления, форм его вины и мотивов путем производства следственных и иных процессуальных действий;

5) применение к подозреваемому, обвиняемому мер процессуального принуждения, обеспечивающих изобличение подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления;

6) обобщение всего объема предъявленного по уголовному делу обвинения в обвинительном заключении, утверждение обвинительного заключения (обвинительного акта) прокурором и направление им дела в суд;

7) поддержание обвинения в суде (путем участия государственного обвинителя в предварительном слушании, судебном следствии и прениях сторон);

8) обращение в суд и поддержание обвинения частными лицами, пострадавшими от преступления, по делам частного обвинения;

9) обжалование участниками со стороны обвинения приговора в апелляционном (кассационном) порядке по основанию несоответст-

---

¹ Никитин, Е. Л. Актуальные проблемы прокурорской деятельности при осуществлении уголовного преследования: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Е. Л. Никитин. – СПб.: Санкт-Петербургский юрид. ин-тут Ген. прок-ры РФ, 2000. – С. 102.

вия выводов суда фактически обстоятельствам уголовного дела;

10) прекращение уголовного преследования (в досудебном и судебном производствах).

В процессе осуществления указанной процессуальной деятельности прокурор как руководитель уголовного преследования также принимает процессуальные решения о санкционировании отдельных процессуальных действий следователя и дознавателя.

Таким образом, институт уголовного преследования необходимо рассматривать как сложный, комплексный, общий институт уголовно-процессуального права, регулирующий производство следственных и иных процессуальных действий, а также принятие процессуальных решений дознавателем, следователем, прокурором и частным обвинителем по установлению причастности подозреваемого к совершенному преступлению, виновности обвиняемого в его совершении, поддержанию обвинения в суде и обеспечению данной деятельности мерами процессуального принуждения.

Т. В. Зеленская

ЗНАЧЕНИЕ ЗАДАЧ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Задачи оперативно-розыскной деятельности определены в федеральном Законе «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее ФЗ «Об ОРД») для решения вопросов государственно-правовой формы защиты: жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, безопасности общества и государства от преступных посягательств. Таковыми согласно ст. 2 ФЗ «Об ОРД» являются: *выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений*, а также *установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших*; осуществление *розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания*, а также *розыска без вести пропавших*; *добывание информации о событиях или действиях, создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности Российской Федерации*.

В юридической литературе высказаны различные суждения о понимании каждой в отдельности задачи, так же предприняты попытки, систематизировать задачи с точки зрения последовательности,

значимости и самостоятельности. Однако все задачи оперативно-розыскной деятельности взаимосвязаны и взаимозависимы, вместе с тем каждая из них автономна, имеет конкретное содержание, обусловленное способом решения, влекущее определенное юридическое значение.

Кроме того, смысловое выражение задач ОРД предопределяет не только рассмотрение их во взаимосвязи, но и в соотношении с уголовно-процессуальной деятельностью, так как значение одних задач — играть обеспечительную роль в уголовном судопроизводстве, а других — либо предопределять обеспечительную роль первых, либо автономно оказывать влияние на обеспечение защиты человека, гражданина, собственности и государства от преступных посягательств.

В данном случае интерес указанной тематики представляют задачи ОРД первого направления. К ним целесообразно отнести комплекс задач: *выявление, раскрытие* преступлений, а также установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, осуществление *розыска* лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда. Решение указанных задач предполагает проведение оперативно-розыскных мероприятий, направленных на поиск и установление признаков криминальных событий и противоправных действий отдельных лиц для уголовного процесса. Как справедливо полагает А. Н. Гуцин, данное положение служит правовой основой для осуществления оперативными аппаратами органов внутренних дел поисковой работы, являющейся важнейшим направлением ОРД¹, при этом, необходимо рассмотреть каждую задачу ОРД отдельно, для определения ее оригинальности и значимости.

Выявление преступлений как самостоятельная задача ОРД предполагает установление фактов совершения, прежде всего латентных преступлений², информация о которых в правоохранительные органы официально не поступает. Механизм образования латентности многообразен, однако задача ОРД состоит в выявлении скрытых преступных действий, например, создаваемых путем маскировки, унич-

---

¹ Гуцин, А. Н. Оперативно-розыскная деятельность: совершенствования форм вхождения ее результатов в уголовный процесс: учебно-практическое пособие / А. Н. Гуцин, Н. А. Громов, Н. П. Царева. - М.: Изд-во И. И. Шумиловой, 2003. - С. 11.

² См.: Латентная преступность. Познание, политика, стратегия: сборник материалов международного семинара. – М.: Изд-во ВНИИ МВД России, 1993.

тожения следов преступления и т.п.; выявлении латентных преступлений из числа незаявленных гражданами; в раскрытии преступных деяний, причиняющих ущерб гражданам, общественным или государственным интересам. К числу последних относятся незаконный оборот наркотиков, оружия, взрывчатых веществ, многие экономические преступления, отдельные виды мошенничества и другие.

В процессе реализации данной задачи проводится комплекс поисковых действий, как гласным, так и негласным методом, устанавливаются как лица, подготавливающие, совершающие или совершившие преступления, так и факты преступных деяний, что позволяет рассматривать выявление преступлений только в тесной взаимосвязи с уголовно-процессуальной деятельностью.

Таким образом, выявление преступлений — это непроцессуальные действия оперативных подразделений, осуществляемых путем оперативного поиска (проводится инициативный сбор первичной оперативно-розыскной информации о признаках преступлений и причастных к ним лиц), влекущего за собой процессуальную форму правоприменения. «Выявление преступлений» как задача ОРД — самостоятельна и реализуется только тогда, когда о совершенном преступлении ранее не было известно правоохранительным органам. Вследствие ее решения может быть возбуждено уголовное дело, что даст право субъектам уголовно-процессуальной деятельности применить к виновному уголовно-процессуальные меры.

В зависимости от характера выявленного преступления, ОРД либо представляет законченность, реализовавшуюся в задаче «выявления преступлений», либо продолжается, начиная реализацию задачи «раскрытия преступлений». Именно поэтому в юридической литературе термин «выявление» традиционно рассматривают, как составную часть «раскрытия преступления» или как тождественный термину «раскрытие».

Этому способствует, во-первых, понимание некоторыми учеными термина «раскрытие преступления», исходящими из того, что он объединяет самостоятельные задачи по обнаружению (выявлению) преступного деяния и установлению лиц, его совершивших¹. Во-вторых, слова «раскрытие» и «выявление» в Словаре русского языка

---

¹ Гуцин, А. Н. Указ. соч. - С. 12.

являются синонимами¹. В-третьих, органическая связь между выявлением и раскрытием очевидна, т.к. при обнаружении преступного деяния предполагается установление оперативно-розыскным способом события преступления (времени, места, способа и других обстоятельств совершения преступления) и лиц, его совершивших². Кроме того, если преступление совершено или совершается организованной группой лиц, то должны быть установлены все эти лица и роль каждого в осуществлении преступной деятельности. Выявлению и раскрытию подлежат также все факты и эпизоды преступления и причиненный им материальный ущерб. В случаях следственной необходимости усилия оперативных подразделений должны быть направлены на установление личности потерпевшего, его местонахождения, обстоятельств, характеризующих потерпевшего.

Однако задачи «выявление преступлений» и «раскрытие преступлений» могут решаться и в самостоятельной форме. В частности, когда речь идет об «очевидных» преступлениях, поскольку обнаружение преступного деяния влечет за собой возбуждение уголовного дела и не требуется последующего оперативного сопровождения (лицо поймано с поличным при сбыте наркотиков, продаже оружия, получении взятки и т.д.). Задача «раскрытие преступлений» также может реализовываться самостоятельно и не требовать решения предварительной задачи «выявление преступлений», например, при совершении «неочевидного» преступления, когда остается неустановленным лицо, его совершившее; место происшествия; потерпевший и другое.

Итак, под раскрытием преступлений следует понимать систему мер по установлению лиц, совершивших преступления, и обеспечению возможности их привлечения к уголовной ответственности путем сбора информации, имеющей ориентирующее или доказательственное значение для предварительного расследования. Необходимость решения такой задачи ОРД возникает в случаях, когда потерпевшей стороне и правоохранительным органам неизвестна личность

---

¹ Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. - 4-е изд., допол. - М.: Азбуковник, 1999. - С. 123.

² См.: Шумилов, А. Ю. Новая редакция оперативно-розыскного закона России: открытый проект: научно-справочное пособие / А. Ю. Шумилов. - М.: Изд-во И. И. Шумиловой, 2004. - С. 17.

виновного лица или иные обстоятельства совершенного преступления.

Выполнение задачи «раскрытие преступлений» должно осуществляться параллельно с расследованием уголовного дела до тех пор, пока не будет составлено обвинительное заключение. Располагая полученными оперативным путем материалами, где содержится самая различная информация, следователь вправе ею воспользоваться при подготовке и осуществлении следственных действий, при условии предоставления этой информации оперативным подразделением согласно установленному порядку.

Розыск лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, — эта задача оперативно-розыскной деятельности не только состоит в тесной связи с уголовно-процессуальной деятельностью, но и напрямую зависит от нее. Правовым основанием для розыска лиц (обвиняемого, подсудимого), скрывающихся от органа дознания, следствия и суда, служит постановление следователя об объявлении розыска (ст. 210 УПК РФ). Участие оперативных подразделений в осуществлении розыска имеет место только в случаях, когда с помощью процессуальных действий установить место нахождения обвиняемого не удастся и следователь поручает его розыск органам дознания¹.

Розыскная деятельность представляет собой функцию как органов дознания, так и предварительного следствия. Однако розыскные мероприятия, осуществляемые следователем, входят в процесс расследования как элемент этого процесса, а оперативно-розыскная деятельность представляет специфический вид розыскной деятельности как непроцессуальной, осуществляемой преимущественно негласными средствами.

При этом розыск обвиняемого (подсудимого) — это система согласованных действий между розыскной деятельностью следователя и действиями органов дознания, основанная на единстве цели розыскных мероприятий и следственных действий.

Отдельно хочется остановиться еще на двух задачах оперативно-розыскной деятельности, таких как пресечение и предупреждение преступлений.

---

¹ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. Д. Н. Козак., Е. Б. Мизулина. — М.: Юрист, 2003. — С. 422.

Итак, *пресечение преступлений* — это задача ОРД по применению оперативно-розыскных мер к конкретному лицу или группе лиц с целью лишить их реальной возможности завершить начатое преступление, довести его до конца, не допустить вредных последствий. Способы ее решения могут быть различными: захват лица, совершающего преступление, возбуждение уголовного дела, применение мер пресечения с целью воспрепятствования преступлению и другие.

Пресечению преступлений в большинстве случаев предшествует решение задачи по выявлению лица, его замышляющего или подготавливающего, и она реализуется в том случае, если невозможно предупредить заранее планируемое деяние.

Пресечение преступления — это недопущение преступных действий лица (лиц) путем их прерывания по независящим от лица (лиц) обстоятельствам в стадии реализации умысла виновного на совершение преступления в части приготовления к преступлению или покушения на преступление (ст. 29 УК РФ). Значение этих мер, трудно переоценить, поскольку в ходе их применения пресекается общественно опасная деятельность нарушителя, обеспечивается возможность привлечения его к ответственности.

Предупреждение преступлений — задача оперативно-розыскной деятельности, цель которой состоит в том, чтобы предотвратить наступление преступного поведения еще до того, как соответствующее лицо (лица) приступит к его непосредственному осуществлению. Основанием для предупреждения преступлений служат сведения о намерении подготовки определенного лица (лиц) к совершению преступления.

Предупреждение преступлений оперативно-розыскными мерами позволяет субъектам ОРД, с одной стороны, искать новые подходы к изучению преступности, с другой, — прослеживать постоянно меняющуюся криминальную ситуацию.

Предупреждение преступлений как задача ОРД — это деятельность по эффективному использованию оперативно-розыскных мер, оперативных учетов и криминалистической техники в профилактике тяжких преступлений: по разобличению устойчивых криминальных группировок, в том числе с участием подростков и молодежи; в пресечении преступлений со стороны преступников-гастролеров; в обеспечении контроля за особо опасными рецидивистами, неоднократно судимыми за тяжкие преступления, и иными лицами с устойчивым

противоправным поведением, при этом, как справедливо отметил С. С. Галахов, оперативно-розыскные мероприятия используются не в качестве средства, обеспечивающего привлечение лица к уголовной ответственности, а, наоборот, в целях недопущения наступления условий привлечения к ней¹. В связи с этим для осуществления оперативно-розыскной профилактики необходимо изучение обстоятельств (причин и условий), способствующих совершению преступлений, которое позволяет предупредить еще не совершенные общественно опасные деяния. Вместе с тем, основным объектом такого изучения являются уголовные дела расследуемых и расследованных преступлений.

В процессе решения задач оперативно-розыскной деятельности могут быть получены важнейшие сведения, имеющие отношение к устанавливаемым обстоятельствам по уголовному делу называемые результатом оперативно-розыскной деятельности (ст. 11 ФЗ «Об ОРД»).

Значение результатов ОРД определяется с учетом направления их использования, где важное место занимают результаты ОРД, используемые в уголовном судопроизводстве, для подготовки и осуществления следственных и судебных действий; служащие поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, а также используемые в доказывании по уголовному делу.

Также необходимо отметить, что ориентированность задач оперативно-розыскной деятельности позволяет систематизировать их по значимости для таких отраслей права, как уголовное, уголовно-процессуальное. Таким образом, ОРД как необходимый инструмент государственной системы подчинена интересам государства и общества. ОРД на правовом поле обусловлена невыполнимостью решения тех или иных задач по обеспечению защиты человека, общества и государства от преступных посягательств исключительно только процессуальными действиями, т.е. в рамках уголовного судопроизводства.

Задачи ОРД, обеспечивающие уголовное судопроизводство, предусматривают осуществление комплекса действий, с помощью которого: устраняется определенная часть латентных преступлений (в

---

¹ Подробнее об этом см.: Галахов, С. С. Теоретико-правовые проблемы оперативно-розыскной профилактики как функции криминальной милиции / С. С. Галахов. - Домодедово: Изд-во РИПК работ. МВД России, 1997. - С. 16–44.

процессе выявления преступлений собранная информация оперативно-розыскным путем дает основания для возбуждения уголовного дела); устанавливается по уголовному делу событие преступления и лицо (лица), его совершившее, обеспечивается розыск подозреваемого, обвиняемого или подсудимого, пресекается преступная деятельность на стадии совершения преступления.

В этой связи, роль оперативно-розыскных задач в уголовном судопроизводстве неопределима, так как существует реальная возможность с их помощью обеспечить уголовно-процессуальную деятельность соответствующей информацией, создать условия и предпосылки для обеспечения получения практически всех видов доказательств.

П. П. Рукавишников

УБЕЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ КАК ОБЩЕЕ УСЛОВИЕ ОТКАЗА ОТ ОБВИНЕНИЯ В СУДЕ

Главным общим условием заявления государственным обвинителем отказа от обвинения является наличие у него убеждения в том, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение (ч. 7 ст. 246 УПК РФ).

В толковых словарях русского языка «убеждение» раскрывается как «твердый взгляд на что-нибудь, сложившийся на основе каких-нибудь идей»¹; «прочно сложившееся мнение, уверенный взгляд на что-н., точка зрения»². По образному выражению французского писателя XVIII в. Н. Шамфора, «убеждение — это совесть разума»³. Г. Гегель обращал внимание на нравственную ценность убеждения и считал, что «чтобы мой поступок имел моральную ценность, с ним должно быть связано мое убеждение»⁴.

---

¹ Толковый словарь русского языка. В 3 т. / Сост. Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, Д. Н. Ушаков; Под ред. Д. Н. Ушакова. — М.: Вече, Мир книг. — Т. 3. — С. 427.

² Ожегов, С. И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / С. И. Ожегов / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. — 18-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 1986. — С. 712.

³ Таранов, П. С. Философская афористика / П. С. Таранов. — М.: Остожье, 1996. — С. 504.

⁴ Там же. — С. 505.

Действительно, термин «убеждение» многогранен, включает различные стороны деятельности человеческого сознания и психики. При этом, как верно отмечает В. И. Телятников, «термин убеждение, принятый законодателем в целях регулирования субъективного начала в деятельности суда по содержанию полилогичен, широко и хорошо понимаем, так как является выражением твердых, последовательных, уверенных взглядов субъекта деятельности»¹. Несмотря на то что В. И. Телятников исследовал значение данного термина применительно к процессуальной деятельности суда, его выводы, думается, абсолютно релевантны и к внутреннему убеждению государственного обвинителя.

По справедливому мнению Д. П. Туленкова, в сфере уголовно-процессуального познания внутреннее убеждение познающего субъекта является критерием правовой истины; при этом, «внутреннее убеждение субъекта познания представляет собой единство субъективного (убеждения как такового) и объективного (совокупности доказательств), которые предполагают и дополнительные регуляторы познания в виде закона, совести и здравого смысла... Для внутреннего убеждения характерен переход от области чувств к области интеллекта, тесное взаимодействие логической и психологической, рациональной и эмоциональной составляющих»².

Вместе с тем, убеждение это в большей степени результат рациональной, познавательной деятельности, которая в уголовном судопроизводстве заключается в исследовании доказательств и иных материалов уголовного дела. В этой связи представляется верным мнение Н. А. Кирилловой о том, что «убеждение в виновности – это определенная психологическая характеристика качества подвергнувшихся оценке доказательств. Появление у государственного обвинителя внутреннего убеждения обычно свидетельствует о наличии в деле убедительных, достоверных доказательств виновности. Чувство уверенности, убежденности, как правило, не бывает беспочвенным, в основе него лежит объективный, не зависящий от данного субъекта, истинный результат его познавательной деятельности. И наоборот,

---

¹ Телятников, В. И. Проблемы формирования внутреннего убеждения судьи в уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / В. И. Телятников. – СПб.: С.-Петербург. юрид. ин-т Ген. прок. РФ, 2003. – С. 9.

² Туленков, Д. П. Внутреннее убеждение как критерий истины в уголовном процессе / Д. П. Туленков // Российский судья. – 2007. – № 2. – С. 31-32.

отсутствие убеждения в виновности, не устраненные сомнения по поводу существенных обстоятельств совершенного преступления, сигнализируют о серьезных пробелах в доказательственном материале, о необъективности и односторонности проведенного расследования, о том, что нет достаточных оснований для поддержания государственного обвинения»¹.

Ю. В. Корневский сравнивает убеждение субъектов доказывания с наглядным представлением о совершенном преступлении: «в уголовном процессе в конце концов наступает момент, когда на основе собранных и проверенных доказательств следователь, прокурор, судья создают мыслительную картину, мысленный образ преступления, остаются, так сказать, наедине с этим представлением. И каждый из них должен решить, правильно ли это представление, соответствует ли оно действительности, не ошибся ли он в своих выводах»².

Формирование внутреннего убеждения государственного обвинителя начинается с ознакомления с материалами уголовного дела, что обычно связано с поступлением уголовного дела в суд. Формирование внутреннего убеждения не связано ни позицией по уголовному делу следователя или дознавателя, осуществлявших предварительное расследование, ни позицией прокурора, утверждавшего обвинительное заключение (обвинительный акт). На стадии предварительного слушания утверждать о наличии у государственного обвинителя полноценного убеждения в недоказанности обвинения полностью или в части в большинстве случаев преждевременно. Это связано с тем, что государственным обвинителем лично еще не исследовались доказательства, положенные в основу обвинения. Вместе с тем, нельзя не согласиться с утверждением о том, что предварительное убеждение прокурора, основанное на изучении материалов уголовного дела, является «нравственно-психологической предпосылкой участия в судебном процессе в качестве государственного обвинителя»³.

---

¹ Кириллова, Н. А. Отказ государственного обвинителя от обвинения: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Н. А. Кириллова. – СПб.: С.-Петербург. юрид. ин-т Ген. прок. РФ, 2007. – С. 60-61.

² Корневский, Ю. В. Доказывание в уголовном процессе (закон, теория, практика) / Ю. В. Корневский // Доказывание в уголовном процессе: традиции и современность / Под ред. В. А. Власихина. – М.: Юристъ, 2000. – С. 154.

³ Емельянова, И. В. Внутреннее убеждение государственного обвинителя / И. В. Емельянова // Суд и применение закона: сб. статей. – М.: Изд-во Инт-та гос-ва и права Акад. наук СССР, 1982. – С. 146.

В целях процессуального подтверждения наличия такой предпосылки участия государственного обвинителя в судебном рассмотрении конкретного уголовного дела В. С. Зеленецкий предлагал предусмотреть вынесение государственным обвинителем постановления о принятии обвинения к поддержанию и постановление об отказе в принятии обвинения к поддержанию в суде¹. Данное предложение представляется достаточно обоснованным, так как указанное постановление можно рассматривать как аналог постановления о принятии следователем уголовного дела к своему производству (ч. 2 ст. 156 УПК РФ).

Данную идею в современных условиях Н. Ю. Букша предлагает реализовать посредством заблаговременного составления в письменном виде «заключений (справок) государственных обвинителей о необходимости отказа в поддержании государственного обвинения, завизированных окргормежрайпрокурорами и списанных в надзорные производства до рассмотрения судом уголовного дела»². Между тем, предлагаемое заключение (справка) не имеет правового значения как самостоятельное процессуальное решение, принятое участником уголовного судопроизводства, а носит исключительно ведомственный характер.

Очевидно, что в настоящее время принятие государственным обвинителем уголовного дела для поддержания обвинения основано на ведомственных началах организации и деятельности прокуратуры как единой централизованной системы. Так, в соответствии с п. 1.6 Приказа Генерального прокурора РФ от 20 ноября 2007 г. № 185 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» наделение прокуроров полномочиями по поддержанию государственного обвинения в суде оформляется письменным поручением вышестоящего прокурора. Вместе с тем, принятие уголовного дела для поддержания обвинения в суде осуществляется государственным обвинителем без вынесения какого-либо процессуального акта. Как представляется, выделение государственных обвинителей в самостоятельную службу повлечет неизбежную необходимость в разра-

---

¹ Зеленецкий, В. С. Отказ прокурора от государственного обвинения / В. С. Зеленецкий. – Харьков: Изд-во Харьк. юрид. ин-та, 1979. – С. 18-19.

² Букша, Н. Ю. Назначение института прекращения уголовного дела и уголовного преследования: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Н. Ю. Букша. – Краснодар: Краснодар. акад. МВД России, 2005. – С. 155-156.

ботке новых процессуальных документов, посредством которых будут оформляться правоотношения между прокурорами и государственными обвинителями. В этом случае постановление о принятии обвинения к поддержанию в суде, а также постановление об отказе в принятии постановления к поддержанию в суде, думается, станут обязательными.

Решающее значение для формирования убеждения государственного обвинителя имеет судебное следствие, на котором, с одной стороны, осуществляется проверка истинности первоначального убеждения государственного обвинителя, основанного на предварительном изучении материалов уголовного дела, а, с другой, – убеждение государственного обвинителя проходит качественно новый этап развития, основанный на личном участии в исследовании доказательств по уголовному делу.

В целом, следует согласиться с мнением о том, что внутреннее убеждение по основным вопросам уголовного дела может быть сформировано только при реализации принципа непосредственности¹, выражающемся в непосредственном исследовании доказательств по уголовному делу (ч. 1 ст. 240 УПК РФ).

Необходимо отметить, что в целях повышения осведомленности государственного обвинителя о ходе и результатах предварительного расследования по уголовному делу, по которому ему предстоит поддерживать обвинение, в науке уголовно-процессуального права выдвигаются различные предложения.

Так, Н. П. Кириллова предлагает назначать должностное лицо органа прокуратуры в качестве государственного обвинителя по уголовному делу в момент утверждения обвинительного заключения, наделяя государственного обвинителя, при этом, полномочием давать согласие на такое утверждение. Как полагает автор, «назначение государственного обвинителя в момент утверждения обвинительного заключения, предоставление ему возможности наряду с надзирающим прокурором (когда эти две процессуальные фигуры не совпадают в одном лице) оценивать материалы дела с точки зрения судебной

---

¹ Теория доказательств в советском уголовном процессе / Отв. ред. Н. В. Жогин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрид. лит., 1973. – С. 497; Громов, Н. А. Принципы уголовного процесса, их понятие и система / Н. А. Громов, В. В. Николайченко // Государство и право. – 1997. – № 7. – С. 38.

перспективы снизили бы число некачественно расследованных дел, направляемых в суд»¹.

Н. Ю. Букша отмечает, что в большинстве районов Краснодарского края уже сложилась «устойчивая практика заблаговременного назначения государственных обвинителей и своевременного изучения ими уголовных дел с тем, чтобы до момента рассмотрения дела в суде разрешить все возникшие вопросы, связанные с поддержанием государственного обвинения, в том числе, по квалификации преступлений и доказанности вины лиц, привлеченных к уголовной ответственности»².

Необходимо отметить, что прокурор Иркутской области в своих Указаниях от 20 апреля 2004 г. № 31-12 ««Об организации работы прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства и эффективном взаимодействии органов предварительного следствия и государственных обвинителей» также предписывал «по наиболее сложным, актуальным уголовным делам гособвинителей назначать заблаговременно, на стадии расследования, при наличии возможности закреплять их за отдельными следователями для совместной работы по уголовным делам, не подменяя при этом надзор за процессуальной деятельностью» (п. 4).

Предписание о заблаговременном назначении государственных обвинителей получило свое закрепление и в приказе Генерального прокурора РФ от 20 ноября 2007 г. № 185 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства». Так, в соответствии с п. 1.3 приказа следует «назначать государственных обвинителей заблаговременно, чтобы обеспечить тщательное изучение ими материалов уголовного дела. При этом учитывать характер, объем и сложность дела, квалификацию и опыт работы прокурора, которому поручается поддержание обвинения».

Однако наиболее действенные меры были предприняты в Челябинской области, где в августе 2002 г. в ряде прокуратур был проведен эксперимент по отработке новой модели организации надзора за уголовно-процессуальной деятельностью и поддержанием государственного обвинения. В прокуратурах были созданы группы прокуро-

---

¹ Кириллова, Н. П. Институт поддержания обвинения в России и за рубежом: перспективы развития / Н. П. Кириллова // Известия вузов. Правоведение. – 2003. – № 4. – С. 152.

² Букша, Н. Ю. Указ. соч. – С. 155.

ров, на которых возлагались как функции надзора за расследованием уголовных дел на досудебных стадиях, так и поддержание обвинения в суде по этим делам. В результате, по данным уголовным делам фактов полного отказа от обвинения не имело места, значительно сократились случаи переквалификации действий подсудимых, оправдательных приговоров было вынесено в 10 раз меньше, чем в прокуратурах, работающих по традиционной системе¹.

Всеобщее внедрение практики участия государственных обвинителей в досудебном производстве по уголовному делу с надзорными полномочиями, безусловно, повысило бы как качество предварительного расследования, так и эффективность поддержания обвинения в суде, что в целом сказалось бы на снижении случаев отказа от обвинения. Однако, к сожалению, данное предложение потребует увеличение штата государственных обвинителей, как минимум, в 2 раза, что представляется невыполнимым со стороны государства.

В. Г. Степанова

ВОПРОСЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЧАСТНОГО ОБВИНИТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Наблюдающиеся в последние десятилетия тенденции дифференциации уголовного судопроизводства находят отражение в действующем УПК РФ в виде различных форм ускоренных, упрощенных производств по уголовным делам. Наряду с иными порядками уголовного судопроизводства, к особым производствам, в последнее время привлекающим к себе повышенное внимание, относится и производство по уголовным делам частного обвинения.

Ведущиеся научные дискуссии отражают общественную потребность в усилении позиций частного обвинения в российском уголовном судопроизводстве. Но в то же время необходимо отметить, что вопрос о предоставлении частному лицу полномочий обвинителя имеет и оборотную сторону. Его проблематичность заключается в опасности злоупотреблений потерпевшим правами частного обвинителя. Особая значимость этого вопроса становится очевидной при

---

¹ Брагин, А. Прокурор в уголовном процессе / А. Брагин, П. Чеурин // Законность. – 2004. – № 4. – С. 26–28.

учете зависимости возникновения, продолжения или прекращения уголовного(!) судопроизводства всего лишь от волеизъявления частного лица. Ведь общеизвестно, что на практике нередки случаи, когда «потерпевший» провоцирует другое лицо на конфликт и возбуждает уголовное дело частного обвинения с целью шантажа, вымогательства денег, требуя исполнения своих требований (чаще всего материальных) в качестве условия прекращения уголовного судопроизводства.

О необходимости установления гарантий от злоупотреблений потерпевшим своим правом частного обвинения писали многие ученые-процессуалисты. Так, И. Я. Фойницкий отмечал, что такой гарантией «может быть только строгая ответственность обвинителей»¹. В. К. Случевский в качестве такого рода гарантий выделял возлагаемые на частного обвинителя обязательства оплатить судебные издержки в случае оправдания подсудимого².

До недавнего времени российским уголовно-процессуальным законодательством прямо не была предусмотрена уголовная ответственность частного обвинителя за привлечение к уголовной ответственности заведомо невиновного лица. В содержании ст. ст. 318, 319 УПК РФ, регламентирующих процедуру возбуждения уголовного дела, не было ни прямого упоминания об обязанности мирового судьи предупредить заявителя об уголовной ответственности за заведомо ложный донос в соответствии со ст. 306 УК РФ, ни ссылки на ст. 141 УПК РФ, где оговаривается общий порядок принятия заявления о преступлении. Однако это упущение было устранено законодателем, и теперь ч. 6 ст. 318 УПК РФ прямо указывает на обязательство мирового судьи предупредить заявителя об уголовной ответственности в соответствии со ст. 306 УК РФ³.

В то же время решение законодателя о введении в текст ст. 318 УПК РФ вышеуказанного положения об ответственности за заведомо ложный донос не решает в полном объеме проблемы защиты граждан

---

¹ Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т.2. / И. Я. Фойницкий. – СПб.: б.и., 1897. – С. 5.

² См.: Случевский, В. К. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство. – Ч.1 / В. К. Случевский. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1891. – С. 229.

³ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 12 апреля 2007 г. № 47-ФЗ // Российская газета. – 2007. – 17 апр. – № 80 (4343).

от необоснованного обвинения, возбужденного в частном порядке. Представляется вполне оправданным положение, закрепленное в ч. 1 ст. 133 УПК РФ о том, что в случае возникновения у лица права на реабилитацию вред, причиненный ему в результате уголовного преследования, возмещается государством в полном объеме, независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда. Однако, по моему мнению, в полной мере эта норма объяснима только лишь применительно к случаям осуществления уголовного судопроизводства в публичном порядке, ведь лица, осуществляющие расследование, рассмотрение и разрешение уголовных дел, являются должностными лицами правоохранительных и судебных органов, специально уполномоченных государством на защиту прав и свобод своих граждан, по сути являются представителями государства. Это объясняет ответственность государства за действия своих делегатов в осуществлении правоохраны и правосудия. Однако остается непонятным принятие на себя государством повышенной ответственности также и за частного обвинителя в случаях предъявления им необоснованного обвинения. В соответствии с ч. 5 ст. 132, ч. ч. 1 и 2 ст. 133 УПК РФ при вынесении мировым судьей по делу частного обвинения оправдательного приговора возмещать вред, причиненный необоснованно обвиненному в результате уголовного преследования, придется государству.

Историко-правовой экскурс показывает, что эта проблема, имевшая место и во времена Российской Империи, была уже тогда успешно разрешена законодателем. Так, ст. 121 Устава уголовного судопроизводства содержала правило, согласно которому в случае, если судебное разбирательство покажет недобросовестность обвинения, судья приговаривал обвинителя к уплате судебных издержек, а по просьбе обвиняемого – к вознаграждению последнего за понесенные убытки¹.

---

¹ Щегловитов, С. Г. Судебные уставы императора Александра II с законодательными мотивами и разъяснениями. Устав уголовного судопроизводства с включением изменений и дополнений по продолжению свода законов 1908 года, новых законов о введении суда присяжных в некоторых окраинных местностях и о уголовном досрочном освобождении, правил о судебной отчетности по уголовным делам и о судебно-медицинском вскрытии трупов и разъяснений, касающихся надзора за чинами судебного ведомства, присяжными и частными поверенными, а также дисциплинарной их ответственности / С. Г. Щеглови-

Обращение к опыту других стран также показывает, что зарубежное законодательство, предусматривая диспозитивное право потерпевшего осуществлять уголовное преследование в частном порядке, также закрепляет гарантии добросовестности такого обвинения. Так, УПК Польши предусмотрено, что в случае вынесения по делу частного обвинения оправдательного приговора с обвинителя взыскивается судебная пошлина в установленном размере за каждую пройденную инстанцию¹.

В этой связи заслуживает поддержки высказываемое правоведами предложение о возложении на частного обвинителя в случае незаконного или необоснованного уголовного преследования обязанности возместить причиненный реабилитированному лицу вред (имущественный, моральный)². Полагаю, что аналогичное правило следовало бы ввести в наше действующее законодательство, поместив его в главе 18 УПК РФ «Реабилитация», и в обязательном порядке знакомить с его положениями частного обвинителя при приеме его заявления. Таким образом, представляется целесообразным:

1. Часть 5 ст. 132 УПК РФ изложить в следующей редакции: «В случае реабилитации лица процессуальные издержки возмещаются за счет средств федерального бюджета *или взыскиваются с частного обвинителя в случаях обвинения им заведомо невиновного лица, установленного вступившим в законную силу приговором суда по ст. 306 УК РФ.*»;

2. В ч. 1 ст. 133 УПК РФ необходимо внести дополнения и изложить в следующей редакции: «Право на реабилитацию включает в себя право на возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах. Вред, причиненный гражданину в результате уголовного преследования, *осуществляемого в публичном*

тов. – 10-е изд., перераб. и доп. по 1 января 1910 г. – СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1910. – С. 140.

¹ См.: Усиевич, Б. Б. Процессуальная деятельность потерпевшего в уголовном судопроизводстве Польской Народной Республики / Б. Б. Усиевич // Потерпевший от преступления. Тематический сборник. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1974. – С. 158.

² Касаткина, С. А. Публичность и диспозитивность в российском уголовном процессе: Дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / С. А. Касаткина. – М., 2002. – С. 117; Шабанов, Н. Тернистый путь дел частного обвинения / Н. Шабанов, Н. Петрова // Российская юстиция. – 1998. – № 5.

порядке, возмещается государством в полном объеме независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда, а вред, причиненный в гражданину в результате частного уголовного преследования, возмещается частным обвинителем в случаях обвинения им заведомо невиновного лица, установленного вступившим в законную силу приговором суда по ст. 306 УК РФ.».

3. Представляется целесообразным изложить п. 1 ч. 2 ст. 133 УПК РФ в следующей редакции: «подсудимый по уголовному делу публичного обвинения, в отношении которого вынесен оправдательный приговор;».

4. Представляется целесообразным дополнить ч. 2 ст. 133 УПК РФ пунктом 1.1 следующего содержания: «подсудимый по уголовному делу частного обвинения, в отношении которого вынесен оправдательный приговор, в случаях вступления в законную силу обвинительного приговора суда в отношении частного обвинителя по обвинению его в совершении преступления, предусмотренного ст. 306 УК РФ.».

5. Часть шестую ст. 318 УПК РФ целесообразно изложить в следующей редакции: «Заявитель предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложный донос в соответствии со ст. 306 УК РФ, а также знакомится с положениями ч. 5 ст. 132 УПК РФ, о чем в заявлении делается отметка, которая удостоверяется подписью заявителя».

С. В. Корнакова

ЛОГИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ЗНАЧЕНИЕ ПРЕЗУМПЦИЙ

Презумпция (от латинского *praesumptio* — предположение) — это общее правило, на основании которого заранее постулируется (пре-

зюмируется) какой-то факт¹. Первоначально у древних римлян понятие «презумпция» («*praesumptio*», «*praesumere*») означало нечто вперед взять или принять. В широком смысле оно значило: верить, думать, полагать, держаться чего-либо без доказательства, предвидеть, догадываться. «*Praesumere*» употреблялось у римлян также в значениях: преждевременно употреблять, наперед желать, предвидеть, решиться на что-либо². В настоящее время используется единственное, обобщенное значение этого понятия — «предположение, признаваемое истинным, пока не доказано обратное»³.

С логической точки зрения презумпции относятся к суждениям популярной индукции, т.е. обобщению через простое перечисление. Более полно и точно индукцию через простое перечисление можно выразить так: индукция посредством перечисления частных случаев, подтверждающих обобщение, пока не встретится случай, противоречащий ему⁴. Индуктивный переход от знания частных случаев к обобщению не может претендовать на логическую необходимость, поскольку повторяемость признаков может оказаться результатом простого совпадения, поэтому для популярной индукции характерно ослабленное логическое следование — истинные посылки обеспечивают получение не достоверного, а лишь правдоподобного или вероятного заключения. В основе индуктивного метода познания лежит подтверждаемое многовековой практикой положение о проявлении необходимых признаков явлений через их всеобщность и устойчивую повторяемость. Именно эти методологические положения оправдывают логическую состоятельность и эффективность индуктивных выводов в процессе познания.

Любая наука, утверждал Э. Гуссерль, опирается на «круг уверенностей, выполняющих некую предпосылочную, презумптивную функцию, к которым относятся с давно сложившимся доверием и которые в человеческой жизни до всех потребностей научного обосно-

---

¹ Теория доказательств в советском уголовном процессе / Под ред. Н. В. Жогина. – 2-е изд. – М.: Юрид. лит., 1973. – С. 343.

² Дормидонтов, Г. Ф. Юридические фикции и презумпции. Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций / Г. Ф. Дормидонтов. – Казань, 1895. – С. 23.

³ Ожегов, С. И. Словарь русского языка. Изд. 8-е, стереотип. / С. И. Ожегов. – М.: «Сов. энциклопедия», 1970. – С. 573.

⁴ Рузавин, Г. И. Логика и основы аргументации. Учебник для вузов / Г. И. Рузавин. – М.: Проект, 2003. – С. 183.

вания приняты в качестве безусловно значимых и практически апробированных»¹. В данном определении следует подчеркнуть именно «практическую апробированность» или, другими словами, проверку опытом, эмпирическим путем. Поэтому обоснованность презумпции зависит от обоснованности того эмпирического закона, из которого они выведены. М. С. Строгович указывал, что «эмпирический закон — это «установленная опытным путем постоянная связь явлений, причины которой нам неизвестны или известны не в полной мере», поэтому «эмпирический закон всегда будет иметь приблизительный, вероятный характер»². Значит, предположение вообще есть вероятное заключение о неизвестном факте, выведенное из общеизвестного на основании опыта, а презумпция — это предположение, основанное на вероятности.

В связи с этим представляется неверным определение фактических презумпций, данное Л. М. Васильевым, по мнению которого, «фактические презумпции в уголовном судопроизводстве — это выработанные общественно-исторической практикой человечества истинные и достоверные знания о развитии природы, общества и мышления, сознательно используемые следователем и судьей в форме дедуктивного движения мысли для исследования обстоятельств, необходимых для осуществления правосудия по уголовным делам»³. Поскольку презумпция — это предположение, а предположение, в свою очередь, означает догадку, предварительную мысль⁴, то речь не может идти об истинности закрепленного в ней знания и, тем более, о его достоверности. Существенный признак презумпций подчеркивал еще в 1854 году Д. И. Мейер, профессор Казанского университета, автор монографии о фикциях и предположениях: «признание факта существующим *по вероятности*, что он существует, называется предположением»⁵. Презумпции закрепляют вероятное знание, до-

¹ Цит. по: Ильин, В. В. Теория познания. Введение. Общие проблемы / В. В. Ильин. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – С. 70.

² Строгович, М. С. Логика: учебное пособие для вузов / М. С. Строгович. – М.: Госполитиздат, 1949. – С. 192.

³ Васильев, Л. М. Фактические презумпции в советском уголовном судопроизводстве. Тексты лекций / Л. М. Васильев. – Кубанский гос. ун-т, 1977. – С.22-23.

⁴ Ожегов, С. И. Словарь русского языка. – С. 571.

⁵ Мейер, Д. И. О юридических вымыслах, предположениях, о скрытых и притворных действиях / Д. И. Мейер. – Казань, 1854. – С. 44.

пускающее опровержение, даже высокая степень вероятности которого не дает основания признавать его достоверным.

Несмотря на то, что процесс образования презумпций происходит индуктивным путем, между презумпциями и индуктивными обобщениями имеется существенное различие. Так, в процессе индуктивного обобщения ход мысли можно выразить так: «Насколько нам известно, исключений из данного положения не встречалось, следовательно, оно может иметь общее значение». Обоснованием общего вывода служит незнание противоречащих случаев¹, при этом обнаружение хотя бы одного случая, противоречащего обобщению, делает индуктивный вывод несостоятельным. Использование же презумпций, закрепляющих обобщение жизненной практики, предполагает заранее известные случаи, противоречащие этому обобщению, которые могут опровергнуть презумпцию, но понятие «опровержение презумпции» следует понимать в том смысле, что опровергается ее применимость не вообще, а к данному конкретному случаю. Значит, презумпция, в отличие от популярной индукции, не только допускает опровержение, но и не существует без него. Вывод же о том, соответствует ли презюмируемый факт конкретным обстоятельствам в каждом отдельном случае делает субъект познания.

Авторы «Теории доказательств в советском уголовном процессе» подразделяют презумпции, применяемые в доказывании, на два вида: правовые (легальные, законные) и фактические².

Фактические или общечеловеческие презумпции составляют предположения, которые субъект доказывания делает по своему внутреннему убеждению, выводя из одних фактов заключение о существовании других фактов в соответствии с обстоятельствами дела. Фактические презумпции в большинстве случаев выражают действительно существующее положение вещей, не зависящее от субъекта, поэтому являются объективными по своему содержанию, хотя и не исключают своего опровержения. Д. Мейер, приводит следующее высказывание французского юриста Дома (1753 год) о *praesumptiones hominis*: «все, что случается естественно и обыкновенно предполагается истинным, и напротив, необыкновенное и неестественное, не будучи доказано, не считается истинным. На этом основано предполо-

---

¹ Михалкин, Н. В. Логика и аргументация в судебной практике: Учебник для вузов / Н. В. Михалкин. – СПб.: Питер, 2004. – С. 126.

² Теория доказательств в советском уголовном процессе... – С. 344.

жение, что отец любит своих детей, что каждый заботится о своих детях..., что люди действуют сообразно правилам своим и привычкам, что каждый поступает по указаниям рассудка... Никогда затем не следует предполагать, т.е. допускать бездоказательно, что отец ненавидит своих детей, что человек пренебрегает своими интересами, что рассудительный человек совершил действие, недостойное его обычного поведения...»¹.

Фактические презумпции основаны на обобщении многовекового опыта предшествующих поколений, поэтому закрепленное в них знание является в высокой степени вероятным, т.е. вероятность истинности такого знания больше вероятности его ложности. Именно этим обосновывается возможность и оправданность использования презюмируемых фактов в процессе доказывания по уголовному делу. Существенным признаком фактических презумпций, таким образом, является их высокая вероятность.

Законным презумпциям в юридической литературе давались различные определения. По справедливому мнению В. И. Каминской, обобщения общественной практики, будучи положенными в основу юридических норм, приобретают правовой характер и с момента обращения их законодателем в правовые нормы по своему значению становятся правовыми презумпциями².

По определению указанного автора, под правовой презумпцией понимается такое «положение, выраженное прямо или косвенно в правовой норме, которым какой-либо порядок явлений в области отношений, возникающих из человеческого поведения, признается обычным, постоянным, нормальным и не требующим, в силу этого, специальных доказательств»³. В данном определении верно отмечено, что правовые презумпции относятся именно к явлениям «в области отношений, возникающим из человеческого поведения», а в этой области, как ни в какой другой, невозможно установить какие-либо закономерности, поскольку общество тем и отличается от природы, что в нем действуют люди, наделенные сознанием и волей, и ничего подобного нет в природе, где действуют бессознательные силы.

---

¹ Майер, Д. Указ. соч. – С.52-53.

² Каминская, В. И. Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе / В. И. Каменская. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – С. 35.

³ Каминская, В. И. Указ. соч. – С. 3.

А. Ф. Клейнман предположения, используемые в сфере действия права, называл юридическими доказательственными презумпциями. Автор справедливо отмечал, что «предположение имеет значение постольку, поскольку закон устанавливает в связи с наличием определенного факта предположение о существовании другого факта. Такая презумпция называется юридической потому, что она установлена нормой права, потому что с ней связаны правовые последствия. Она называется доказательственной презумпцией, так как освобождает сторону от обязанности доказывать презюмируемый факт»¹.

Я. Л. Штутин определял презумпцию (законное предположение) как «логический прием, с помощью которого можно вывести существование (несуществование) неизвестного искомого факта из другого достоверно известного факта, если неизвестный искомый факт по предположению, основанному на обобщениях практики, является прямой причиной (следствием) достоверно известного факта и не опровергнут в ходе судебного разбирательства»².

Данное определение, на мой взгляд, содержит неточность, заключающуюся в том, что «предположение, основанное на обобщении практики», во-первых, не может быть достоверным, и, во-вторых, может являться только наиболее вероятной причиной известного факта, но никак не «прямой», поскольку причина — это явление, порождающее другое явление, и обязательными свойствами причинной связи, кроме последовательности во времени, являются всеобщность, необходимость и однозначность. Использование причинной связи (именно от причины к следствию, но не наоборот) ведет к однозначному, достоверному выводу, имеет принудительный характер, тем самым, исключая предположение.

Верно отражающее природу презумпций определение дано авторами «Теории доказательств в советском уголовном процессе». Презумпция — «общее правило, отображающее устойчивые, неоднократно наблюдаемые связи между фактами, событиями, явлениями, состояниями, свойствами. Применение презумпций состоит в том, что при наличии (установлении) одного из фактов, связь которых выражена презумпцией, делается вывод о существовании другого факта;

---

¹ Советский гражданский процесс / Под. ред. А. Ф. Клейнмана. — М., 1964. — С. 145.

² Штутин, Я. Л. Предмет доказывания в гражданском процессе / Я. Л. Штутин. — М.: Юрид. лит., 1951. — С. 94.

последний, таким образом, выводится из презумпции (презюмируется)»¹.

Законные презумпции можно определить как предположения, санкционированные нормами права, поэтому обязательные для суда, пока они не опровергнуты надлежащими доказательствами. Практическое значение такого предположения, — справедливо указывал Д. Мейер, — главным образом заключается в том, что факт предполагаемый не нуждается в доказательстве, что потому кем следует должно быть доказано несуществование факта, чтобы устранить юридические последствия, связанные с предполагаемым фактом², т.е. назначение презумпций состоит в распределении бремени доказывания.

Логический прием индуктивного обобщения, свойственный познавательной деятельности вообще, в сфере действия права приобретает способность вызывать специальные правовые, а не просто познавательные последствия. Следовательно, законные презумпции кроме логического значения, основанного на эмпирическом обобщении взаимосвязи явлений, побуждающем искать наиболее вероятную причину или следствие известного обстоятельства, имеют и правовое значение, заключающееся в способности законных презумпций оказывать влияние на разрешение дела. Эта способность заключается в роли законных презумпций — служить приемом обоснования знания об обстоятельствах уголовного дела, способом перераспределения обязанностей по доказыванию.

Для законных презумпций, таким образом, характерно:

- 1) они либо прямо санкционированы законом, либо вытекают из его смысла;
- 2) не исключают своего опровержения;
- 3) предметом презюмирования являются юридические факты, вызывающие правовые последствия.

Для законных презумпций высокая вероятность закрепленного в них знания не является необходимым признаком. Действительно, нельзя утверждать, что презумпция невиновности, например, основана на высокой степени вероятности невиновности обвиняемого, в большинстве случаев эта презумпция опровергается доказательствами того, что обвиняемые действительно совершили преступление. Необходимость существования этой презумпции основана на том, что

---

¹ Теория судебных доказательств. – С. 343.

² Мейер, Д. Указ. соч. – С.61.

высшей ценностью для общества в целом и законодателя в частности является человек, его права и свободы, незаконное и необоснованное ограничение которых недопустимо.

Таким образом, значение использования презумпций в процессе уголовно-процессуального доказывания заключается в следующем:

- презумпции выступают способом, облегчающим достижения истины, так как, являясь продуктом многовековой практики, освобождают от необходимости их доказывать вновь;
- создают возможность их использования при оценке аналогичных явлений и ситуаций, поскольку отражают объективно существующие связи и зависимости;
- служат средством обоснования знания об обстоятельствах уголовного дела, способом перераспределения обязанностей по доказыванию.

Для фактических презумпций, как отмечалось, существенным признаком является высокая вероятность закрепленного в них знания, т.е. большее значение имеет логическая природа таких презумпций. Для правовых (законных) презумпций, в отличие от фактических, преобладающей является их правовая, а не логическая природа, т.е. прямая или косвенная закрепленность в правовых нормах, порождающая правовые последствия. Вероятность истинности закрепленного в правовых презумпциях знания может быть меньше вероятности их ложности. Правовые презумпции служат единообразному правовому регулированию, стабильности правопорядка, защите прав граждан, помогают установить рациональный и справедливый порядок доказывания обстоятельств уголовного дела¹.

О. М. Смирнов

ЮРИДИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПРИНЦИПОВ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В юридической науке принципы уголовного судопроизводства подверглись основательному рассмотрению.

В науке уголовного процесса приемлемой является точка зрения, согласно которой принципы правосудия — это основополагаю-

---

¹ Теория доказательств в советском уголовном процессе. – С. 345.

щие, руководящие начала, имеющие нормативно-правовой характер, которые отражают наиболее существенные стороны уголовного судопроизводства, его задачи, характер и систему процессуальных форм, стадий и институтов¹. Кроме того, в уголовном судопроизводстве принципы характеризуют реальную гарантированность прав и свобод человека и гражданина, важнейшие черты предмета и метода процессуального воздействия и, по утверждению В. О. Белоносова и Е. В. Колесникова, детерминируют сущность и содержание уголовно-процессуального права². Бесспорна и связь государственной политики в сфере уголовного судопроизводства с принципами уголовного процесса, поскольку последние направляют уголовно-процессуальную деятельность на достижение целей и задач, поставленных государством перед уголовным судопроизводством³.

В целом соглашаясь с пониманием принципов как основных начал, идей права, юристы различались во мнениях относительно обязательности фиксирования принципов уголовного судопроизводства в норме права, а также в вопросе о способах их нормативного закрепления.

М. С. Строгович указывал, что принципами советского уголовного процесса являются те уголовно-процессуальные нормы наиболее общего, определяющего и руководящего значения, в которых выражены правовые идеи, правовые воззрения относительно требований, предъявляемых к советскому суду при осуществлении им правосудия по уголовным делам⁴. Развивая данную точку зрения, Т. Н. Добровольская особенно подчеркивает обязательность закрепления в уголовно-процессуальном законе его исходных положений⁵.

В. Т. Томин, напротив, определяет принцип уголовного процесса как мировоззренческую идею максимально высокой степени общности относительно сущего и должного в уголовном судопроизводст-

---

¹ Громов, Н. А. Принципы уголовного процесса, их понятие и система / Н. А. Громов, В. В. Николайченко // Государство и право. – 1997. – №7. – С.33.

² Белоносов, В. О. Принцип законности при производстве по уголовному делу и его интерпретация Конституционным Судом РФ / В. О. Белоносов, Е. В. Колесников // Журнал российского права. – 2004. – №5. – С.51.

³ Громов, Н. А. Указ. статья. – С.35.

⁴ Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса / М. С. Строгович. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. – С. 73.

⁵ Добровольская, Т. Н. Принципы советского уголовного процесса (вопросы теории и практики) / Добровольская Т. Н. – М.: Юрид. лит., 1971. – С. 10.

ве, детерминирующую уголовно-процессуальную деятельность и возникающие в ходе ее правоотношения, и свободно проявляющуюся в правовых нормах¹.

Некоторые процессуалисты, не настаивая на непосредственном закреплении в законе формулировки того или иного принципа, полагают, что он должен иметь нормативную базу, т.е. выводиться путем теоретического анализа из положений действующего законодательства. Например, А. В. Смирнов отмечает, что принципы — не просто юридические идеи, а объективно необходимые общеобязательные критерии справедливого и должного в праве, которые по мере развития права и роста правосознания вычлняются из правовой материи в качестве определенных юридических идей, а с развитием юридической техники закрепляются в законе (как правило, при его кодификациях) в виде отдельных правовых предписаний². По утверждению А. В. Кудрявцевой и Ю. Д. Лившица, принцип не обязательно формулируется и закрепляется в законодательстве в общем виде, а является той идеей, положением, которое объединяет конкретизирующие частные нормы, регулирующие конкретные уголовно-процессуальные отношения³. В. О. Белоносов и Е. В. Колесников полагают, что принципами уголовного судопроизводства являются не только нормативные положения, воплощенные в конкретных процессуальных нормах высокой юридической силы, но также и те, которые, хотя прямо не сформулированы законодателем, но вытекают из совокупности и смысла более общих законоположений⁴.

С введением в действие УПК РФ, как нам представлялось, дискуссия относительно рассматриваемого вопроса должна была потерять остроту, устранив, например, необходимость формулирования критериев для установления принципов уголовного судопроизводства. Однако непосредственно после принятия нового уголовно-процессуального закона некоторые процессуалисты либо усомнились

---

¹ Цит. по: Коленцова, В. В. Реализация принципа обеспечения законных интересов личности в досудебном производстве (потерпевший и обвиняемый): Автореф. дисс... канд. юрид. наук / В. В. Коленцова. — Челябинск, 2002. — С. 12.

² Смирнов, А. В. Модели уголовного процесса / А. В. Смирнов. — СПб.: Наука; Альфа, 2000. — С. 58–59.

³ Кудрявцева, А. В. О понятии принципа уголовного процесса / А. В. Кудрявцева, Ю. Д. Лившиц // Известия ВУЗов: Правоведение. — 2001. — № 4. — С. 163.

⁴ Белоносов, В. О. Указ. соч. — С.52.

в необходимости постатейного формулирования принципов в рамках отдельных глав и статей, полагая, что изложенные в таком виде идеи не подлежат прямому применению и не оправдывают надежд правоприменителя, ожидающего от законодателя предписаний о способах действия, а не общих формулировок¹, либо подвергли критике представленную в Главе 2 УПК РФ систему принципов², либо, используя старые «наработки», предложили в число принципов включать те, которые в законе не упоминаются, например, публичность, и гласность уголовного судопроизводства³.

Прав А. С. Александров, утверждая, что для современной юриспруденции ценность личности, защита ее прав и свобод есть правовая аксиома, а также то, что аксиоматические суждения фиксируют господствующие юридические ценности⁴. Однако полагаем не вполне верным его утверждение о том, что нормативная трактовка правового принципа догматизирует позитивное право, равно как и не разделяем опасения С. С. Ерашова о том, что «унификация нормативного проявления принципов может трансформироваться в заурядную законодательную догму»⁵. В. В. Коленцова полагает, что принципы уголовного процесса могут свободно проявляться в правовых нормах, а также в философских воззрениях, религиозных постулатах, идеологических нормах, нормах морали и других социальных нормах⁶. С такими выводами трудно согласиться. Без сомнения, правовой принцип как общее положение, руководящая идея, является результатом определенного обобщения, продуктом сознательного творчества ученых,

---

¹ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: Вводный / Под ред. В. Т. Томина. – М.: Юрайт-М, 2002. – С. 26–27, 36–37.

² Макарова, З. В. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: информация к размышлению / З. В. Макарова // Известия ВУЗов: Правоведение. – 2003. – №1. – С. 134.

³ Гриненко, А. В. Методология уголовно-процессуальной науки / А. В. Гриненко // Государство и право. – 2003. – № 9. – С. 55.

⁴ Александров, А. С. Принципы уголовного процесса / А. С. Александров // Известия ВУЗов: Правоведение. – 2003. – № 5. – С. 162.

⁵ Ерашов, С. С. Система принципов современного отечественного уголовного процесса: теоретико-правовые аспекты и практика применения: Автореф. дисс... канд. юрид. наук / С. С. Ерашов. – Нижний Новгород, 2001. – С. 4.

⁶ Коленцова, В. В. Указ. соч. – С. 9.

их воззрения на сформировавшиеся явления общественной жизни¹. Не менее очевидно, на наш взгляд, и то, что идеи не могут повлиять на практику судопроизводства, регулировать ее, пока они не выражены в правовых нормах². Хотя, действительно, проявление принципа вне позитивного права нельзя исключить. Но этот признак случаен и поэтому не может характеризовать какое-либо утверждение как принцип права. Также считаем, что такой широкий диапазон проявления явления вовне способен сделать любое утверждение о его сути неочевидным и, как следствие этого, трудно реализуемым, в силу чего нельзя вести речь о практической значимости такого понимания принципа уголовного судопроизводства. Не вполне убедительно и утверждение о том, что «концепция, согласно которой принципы процесса — это лишь положения, непосредственно предусмотренные в правовой норме, не отражает сущности судопроизводства, не учитывает, что в законодательстве возможны различные способы закрепления тех или иных идей в качестве основных положений судопроизводства»³. Считаем, что различные способы законодательного закрепления идеи без ее конкретизации создадут разнобой в ее интерпретациях правоприменителем.

В. С. Нерсесянц справедливо отмечал, что во всем процессе постепенной универсализации (сперва на внутригосударственном, затем и на международном уровнях) положений о правовом равенстве людей и правах человека существенную роль сыграли представления о естественных и неотчуждаемых правах, которые, сохраняясь и в условиях государственности, должны быть признаны и гарантированы публичными властями и *законами* (курсив мой. — О.С.)⁴. Поддерживаем точку зрения С. С. Алексеева, который, отвечая на вопрос о том, почему именно право способно достигнуть высокой определенности в правах и обязанностях, заметил, «а потому, что оно выражается в законах (иных нормативных актах), которые — обратим внимание на

¹ Комисарова, Е. Г. Об основных началах гражданского законодательства / Е. Г. Комиссарова // Журнал российского права. – 2001. – № 5 – С. 16.

² Кокорев, Л. Д. Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве / Л. Д. Кокорев, Д. П. Котов, О. Я. Баев и др. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. – С. 81.

³ Кокорев, Л. Д. Указ соч. – С. 82–83.

⁴ Нерсесянц, В. С. Философия права. Учебник для вузов / В. С. Нерсесянц. – М.: Издательская группа НОРМА – ИНФРА-М, 1999. – С. 109.

этот момент — представляют собой письменные документы. Стало быть, здесь не просто слова, фразы, пожелания и требования, а строгие, письменно зафиксированные формулы (которые не «вырубишь топором») по канонам законности — с отработанным текстом, при необходимости с формальными критериями, цифровыми показателями. Причем — все это фиксируется в официальном документе, который освящается и поддерживается авторитетом и силой власти»¹.

Таким образом, нормативное закрепление принципа есть и акт его признания государством, и утверждение его как безусловной ценности, и гарантия его осуществления, и фиксирование четко определенных прав и обязанностей. Полагаем, что, только в норме права происходит имеющее юридическое значение проявление принципа уголовного процесса, ведь «важность правовой нормы заключается в ее способности регулировать общественные отношения, быть полезной для ее участников»². Следовательно, проявление принципа должно быть не свободно в смысле выявления, а также уяснения его содержания посредством анализа неопределенного множества норм в связи с отсутствием его четкого формулирования, а предельно очевидно и конкретно. А «идеи, не получившие закрепления в законе, остаются началами правосознания, научными выводами, представляют замысел нормы — принципа (суждение для себя), а не правовую норму (суждение для всех)»³. Как обоснованно подчеркивает В. А. Мальцев, каждое общественное отношение должно быть нормативно упорядоченным, в том или ином виде воплощать в себе формальную определенность правовых норм⁴.

Проявление принципа в философских воззрениях, религиозных постулатах, идеологических нормах, нормах морали и других социальных нормах само по себе не позволяет отнести его к категории правовых, и имеет правовое значение только в случае его определенного закрепления в законе. Небезынтересно отметить, что лишь 20 % опрошенных нами работников органов внутренних дел органов отме-

---

¹ Алексеев, С. С. Частное право: Научно-публицистический очерк / С. С. Алексеев. — М.: Статут, 1999. — С. 10–11.

² Кузнецова, О. А. Пороки правовой нормы: «диагностика» и предупреждение / О. А. Кузнецова // Журнал российского права. — 2005. — № 3. — С. 127.

³ Громов, Н. А. Указ. статья. — С. 33.

⁴ Мальцев, В. А. Право как нормативно-деятельностная система / В. А. Мальцев // Известия ВУЗов: Правоведение. — 2003. — № 2. — С. 14.

тили, что для применения такого принципа как уважение чести и достоинство личности (ст. 9 УПК РФ) достаточно только моральных установок правоприменителя.

Поэтому считаем, что следует приветствовать нормативное формулирование в уголовно-процессуальном законе принципов уголовного процесса. Законодательное, отраслевое, самостоятельное закрепление тринадцати принципов уголовного судопроизводства позволяет: 1) зафиксировать приоритеты государственной политики в сфере уголовного судопроизводства; 2) определить социальную сущность, назначение и приоритеты уголовно- процессуального законодательства, сформулировав, среди прочего, нравственные ориентиры для правоприменителя; 3) уяснить требования, предъявляемые законодателем к характеру уголовно-процессуальной деятельности в целом и к правоприменителю в частности; 4) четко определить права и обязанности участников уголовного судопроизводства.

П. А. Магданов

КОНТРОЛЬ И НАДЗОР ЗА ОСУЩЕСТВЛЕНИЕМ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЛИЧНЫХ ТАЙН

В соответствии со ст.20 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» контроль за ОРД призваны осуществлять Президент РФ, Федеральное Собрание, Правительство РФ в пределах полномочий, определяемых Конституцией РФ, федеральными конституционными законами и федеральными законами. Однако эта норма носит декларативный характер, поскольку законодательный механизм такого контроля не закрепляется, а подобная практика эпизодична и не всегда эффективна.

В то же время в названном и ряде других федеральных законов определяется порядок производства судебного контроля и прокурорского надзора за следственными действиями и за ОРД.

Судебный контроль. В положении ст.20 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» суды не определяются в качестве субъектов, осуществляющих контроль за ОРД. Однако указанное судебное полномочие закрепляется в других предписаниях указанного закона. Поэтому пробел ст.20 Федерального закона «Об

оперативно-розыскной деятельности» следует отнести к недостаткам законодательной техники, которые не связаны с существом рассматриваемой проблемы¹.

Контрольные полномочия суда при проведении ОРД заключаются в следующем:

— во-первых, *судьям* предоставлено право принимать решения, являющиеся основанием проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан на тайну сообщений, а также на неприкосновенности, жилища, являющихся составным элементом личных тайн;

— во-вторых, при неотложных обстоятельствах, вызвавших проведение ОРМ без судебного решения, судья сохраняет право контроля за законностью и обоснованностью решений и действий должностных лиц органов, осуществляющих ОРД. В случаях, установленных Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», судья должен быть уведомлен о неотложных ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, если такие мероприятия проведены без получения судебного решения;

— в-третьих, федеральные законы прямо не обязывают судью следить за тем, достигло ли цели ОРМ, на проведение которого он дал разрешение. Однако судья должен быть проинформирован за три месяца до дня уничтожения материалов, отражающих результаты ОРМ, проведенного на основании судебного решения, в случаях, когда виновность лица, в отношении которого оно было принято, не была доказана в установленном уголовно-процессуальным законодательством порядке (ст. 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»).

Очевидно, что данное требование выступает в качестве гарантии права судьи на оценку законности и обоснованности того ОРМ, которое не привело к ожидаемому результату и материалы о котором решено уничтожить, хотя это мероприятие и было проведено на основании судебного решения.

Кроме того, смысл установленной законом обязанности уведомления судьи о предстоящем уничтожении материалов за три месяца до приведения в исполнение принятого решения заключается в необ-

---

¹ См.: Волков, С. А. Конституционные средства охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина: Автореф, дис.... канд. юрид. наук / С. А. Волков. - Волгоград, 1999. - С. 21.

ходимости сплошного судебного контроля за использованием результатов ОРМ от начала их производства до обоснованности их уничтожения;

— в-четвертых, Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (ст.5) наделяет судью правомочием истребовать оперативно-служебные документы при проверке жалобы гражданина на незаконность проведения в отношении него ОРМ. При установлении судом нарушения органом (должностным лицом), осуществляющим ОРД, прав и законных интересов физических и юридических лиц суд обязан принять предусмотренные федеральным законодательством меры по восстановлению этих прав и законных интересов, возмещению причиненного вреда.

Неполнота судебного контроля восполняется в определенной мере мерами прокурорского воздействия. И этот опыт законодателя в целом может быть признан положительным¹.

Прокурорский надзор. Надзор прокурора за ОРД как вид контроля обусловлен спецификой осуществления ОРМ. Особенность данных действий состоит в том, что они в значительной мере носят негласный характер и осуществляются с применением тактических приемов, методов и средств, сведения о которых составляют государственную тайну.

Эта специфика предопределила необходимость четкого определения круга работников прокуратуры, осуществляющих контроль (надзор) за исполнением законов в данной деятельности². В ст.2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» указывается, что надзор за законностью ОРМ осуществляется только Генеральным прокурором РФ и уполномоченными им прокурорами. Круг уполномоченных прокуроров установлен приказом Генерального прокурора РФ от 25 апреля 2000 г. № 56 «Об организации надзора за исполнением Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»³.

Этим приказом право надзора за осуществлением ОРД предоставляется заместителям Генерального прокурора РФ, Главному воен-

---

¹ Подробнее об этом см.: Чувилов, А. А. Указ.соч. - С. 34–36.

² Петрухин, И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе / И. Л. Петрухин. - М., 1989. - С. 138.

³ Приказ официально не опубликован. Получен через справочно-правовую систему "Консультант-Плюс".

ному прокурору и его заместителям, начальникам управлений и отделов, их заместителям, прокурорам субъектов РФ и приравненным к ним транспортным, военным и иным прокурорам, прокурорам городов и районов, другим территориальным, военным и иным прокурорам.

Уполномоченные прокуроры, а также лица, на которых возложено ведение делопроизводства по документам ОРД, должны оформить допуск для работы с этими материалами в соответствии с Инструкцией «О порядке допуска должностных лиц и граждан Российской Федерации к государственной тайне», утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 28 октября 1995 г. № 1050¹.

Федеральный закон «О Прокуратуре Российской Федерации» (ст.29, 30) в числе направлений прокурорского надзора предусматривает надзор за исполнением законов не только органами, осуществляющими ОРД, но и органами дознания и следователями.

Это можно объяснить тем, что основные задачи ОРД состоят в обнаружении и раскрытии преступлений и совпадают с задачами дознания и предварительного следствия. Но и в рамках одного направления деятельности прокуратуры надзор за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД, носит самостоятельный характер, отличаясь спецификой предмета, полномочий и организации.

Значение прокурорского надзора за законностью ОРД характеризуется двумя моментами: во-первых, объемом этой деятельности, которая определяет границы одной из основных функций органов Федеральной службы безопасности и органов внутренних дел; во-вторых, характером этой деятельности, являющейся преимущественно негласной². ОРМ позволяют выявлять совершенные преступления, получать информацию, играющую важную роль в их раскрытии и розыске скрывшихся преступников. Однако негласный характер этих мероприятий чреват возможностью нарушения прав и законных интересов граждан, так как данные нарушения намного легче скрыть по сравнению с нарушениями в уголовно-процессуальной сфере.

При этом отсутствие жесткой регламентации ОРМ, большая роль собственного усмотрения оперативных работников в решении вопросов, связанных с их осуществлением, возникающая во многих

---

¹ Собрание законодательства РФ. - 1997. - № 43. - Ст. 4987.

² Обеспечение прав личности в Российской Федерации: Сборник нормативных материалов. - Уфа, 1998. - С. 5, 122.

случаях проблема риска, без которого нередко трудно получить данные о совершенных преступлениях и преступниках, — все это неизбежно создает опасность противоправных действий, нарушений законности.

При этом работники правоохранительных органов, следуя в основном узковедомственным интересам, стремятся к тому, чтобы сделать ОРД сферой, «свободной от законодательной регламентации»¹. Поскольку такая ситуация, по мнению сотрудников спецподразделений, в наибольшей мере отвечает эффективности осуществляемых ОРМ и соответственно — требованиям борьбы с преступностью в целом. Однако с таким подходом трудно согласиться.

В этой связи приобретает особую актуальность Приказ Генерального прокурора РФ от 25 апреля 2000 г. № 56. Приказ обязывает уполномоченных прокуроров обеспечить действенный надзор за исполнением Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» органами, осуществляющими ОРД, используя предоставленные им полномочия, пресекать нарушения прав и законных интересов физических и юридических лиц при проведении ОРД, принимать своевременные меры к их восстановлению, возмещению причиненного вреда и при наличии оснований — к привлечению виновных должностных лиц к установленной законом ответственности.

Важность прокурорского надзора заключается также и в том, что в ходе его осуществления прокуроры, будучи высококвалифицированными специалистами, оказывают профессиональную юридическую помощь оперативным работникам. Не является секретом, что оперативные работники, получив ту или иную информацию, нередко недооценивают ее и не доводят до следователей по различным причинам². Чаще всего такие случаи объясняются тем, что ввиду недостаточного опыта оперативные работники не всегда четко видят перспективу использования оперативной информации в ходе производства следствия по уголовному делу.

Например, следователи подчас не имеют возможности доказать, что подозреваемые в совершении преступления знают друг друга, а в материалах дела оперативного учета есть информация о телефонных

---

¹ Чувилев, А. А. Указ. соч. - С. 36.

² Шадрин, В. С. Обеспечение прав личности и предварительное расследование в уголовном процессе / В. С. Шадрин // Государство и право. - 1994. - № 4. - С. 24.

переговорах указанных лиц, а также видеозаписи, на которых эти лица запечатлены в дружеской обстановке.

С другой стороны, у следователей, как правило, с небольшим опытом, не всегда складывается достаточно полное и правильное представление о роли, которую могут сыграть оперативно-розыскные данные в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

В связи с этим Приказ Генерального прокурора РФ № 56 ориентирует уполномоченных прокуроров на то, чтобы они способствовали использованию результатов ОРД в решении задач, стоящих перед уголовным судопроизводством.

Задачи прокурорского надзора в сфере оперативно-розыскной деятельности тесно связаны с его предметом. В указанном приказе Генерального прокурора РФ отмечается, что предметом прокурорского надзора является обеспечение гарантий соблюдения прав человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну; неприкосновенность жилища и тайну корреспонденции; соблюдение установленного порядка разрешения заявлений и сообщений о совершенных и готовящихся преступлениях; законность выполнения ОРМ, а также установление соответствия закону решений, принимаемых органами, осуществляющими ОРД.

Определение предмета прокурорского надзора в названном приказе Генерального прокурора вытекает из содержания ст.29 Федерального закона «О Прокуратуре Российской Федерации», формулирующей предмет надзора за исполнением закона органами, осуществляющими ОРД, дознание и предварительное следствие.

Основные положения названных законодательных актов свидетельствуют о достаточно полном, содержательном составе предмета и весьма емких его границах, что само по себе свидетельствует о значимости данного вида контрольных действий.

Особенно примечательным является то, что при проведении проверок прокуроры всегда дают оценку тому, как соблюдаются конституционные права и свободы человека и гражданина. В контексте этого требования согласно ст.21 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по запросам прокуроров руководители органов, осуществляющих ОРД, представляют им оперативно-служебные документы, включающие в себя дела оперативного учета, материалы о проведении ОРМ с использованием оперативно-

технических средств, а также учетно-регистрационную документацию и ведомственные нормативные правовые акты, регламентирующие порядок проведения ОРМ.

Сведения о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих ОРД, а также о лицах, оказывающих содействие этим органам на конфиденциальной основе, представляются соответствующим прокурорам только с письменного согласия перечисленных лиц, за исключением случаев, требующих их привлечения к уголовной ответственности. Прокуроры обеспечивают защиту сведений, содержащихся в представленных документах и материалах.

В силу прямых указаний, содержащихся в ст.29 Федерального закона «О Прокуратуре Российской Федерации» и ст.21 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», в предмет прокурорского надзора входит законность решений, принимаемых при проведении ОРМ. Речь идет о юридически значимых решениях, которые облекаются в форму постановления и порождают правовые последствия (возникновение, изменение и прекращение оперативно-розыскных правоотношений). Решение этой задачи тесно связано с достижением исходной цели — выявление и пресечение случаев нарушения прав человека.

Анализ Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» позволяет сделать вывод, что в предмет прокурорского надзора входит законность следующих решений:

- 1) о заведении и прекращении дела оперативного учета (ст. 10);
- 2) о проведении и прекращении конкретных ОРМ (ст. 8, 9, 15);
- 3) о представлении результатов ОРМ органу дознания, следователю или в суд (ст. 11);
- 4) об уничтожении материалов, отражающих результаты ОРМ, проведенных на основании судебного решения (ст.5);
- 5) о рассекречивании сведений, используемых при проведении ОРМ, силах, средствах, источниках, методах, планах и результатах ОРД, о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих ОРД, о лицах, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе, а также об организации и тактике проведения ОРМ (ст. 12).

В ходе оценки законности перечисленных выше решений и действий может быть выявлена достаточно полная картина соблюдения основных прав человека.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что прокурорский надзор не распространяется на законность решения судьи, содержащегося в постановлении об удовлетворении ходатайства органа, осуществляющего ОРД, о контроле почтово-телеграфной корреспонденции, о прослушивании телефонных переговоров, о снятии информации с технических каналов связи, об обследовании жилища.

Не относятся к предмету -прокурорского надзора в сфере ОРД и решения, носящие тактический характер (об очередности проведения ОРМ, о применении тех или иных специальных технических средств, круге участников и т.д.)¹. И это вполне правомерно.

Существенным пробелом законодательства является недостаточно четкая определенность полномочий прокуратуры в области надзора в рассматриваемой сфере общественных отношений. Так, гл. 3 Федерального закона «О Прокуратуре Российской Федерации», именуемая «Надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие», включает в себя ст. 30 «Полномочия прокурора». Однако эта статья содержит отсылочную норму, предусматривающую, что полномочия по надзору за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД, устанавливаются федеральными законами.

Однако Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» не содержит исчерпывающих указаний относительно полномочий прокурора при осуществлении надзора за ее законностью.

Вместе с тем следует отметить, что ряд положений, связанных с такими действиями, закрепляется в п. 3 ч.1 ст.7 и ст.21 указанного закона.

Прокуроры вправе давать оперативно-розыскным органам указания о проведении ОРМ по делам, находящимся в производстве следователей и самих прокуроров, а также истребовать оперативно-служебные документы, послужившие основанием для проведения ОРМ.

В приказе Генерального прокурора Российской Федерации № 56 прокурорам предлагается активно использовать право требовать проведения ОРМ либо их прекращения. В данном документе указывается также на то, что прокуроры вправе требовать у руководителей орга-

---

¹ Чувилев, А. А. Указ. соч. - С. 34.

нов, осуществляющих ОРД, документы, регистрирующие факт проведения оперативной проверки, материалы дел оперативного учета и другие оперативно-служебные документы, явившиеся основанием для проведения ОРМ.

В случаях незаконного отказа в представлении документов предлагается, в зависимости от обстоятельств, рассматривать этот отказ как невыполнение требований прокурора или воспрепятствование его законной деятельности. В данном случае и при наличии оснований прокуроры должны принимать меры для привлечения к ответственности должностных лиц в установленном законом порядке.

Указания прокурора даются в письменном виде. Они могут касаться любого из предусмотренных законом ОРМ, включая и те, которые осуществляются при условии получения соответствующего судебного решения. Оперативно-розыскной орган, получив указание прокурора о контроле почтово-телеграфной корреспонденции, прослушивании телефонных переговоров, снятии информации с технических каналов связи, обязан обратиться за разрешением к судье и при получении постановления судьи выполнить указание.

Отменять незаконные решения, принятые при проведении ОРМ, прокурор не вправе, но на основании ст.6 Федерального закона «О Прокуратуре Российской Федерации» он может потребовать устранения нарушения закона. В связи с этим прокурор может настаивать на отмене незаконных постановлений, относящихся к предмету надзора за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД. Эти требования облекаются в письменную форму и согласно ст.6 указанного федерального закона подлежат безусловному исполнению в установленный прокурором срок. Неисполнение законных требований прокурора влечет за собой ответственность, предусмотренную законом.

Осуществляя надзор за исполнением законов органами, к функциям которых относятся ОРД, прокурор может в соответствии со ст.22 Федерального закона «О Прокуратуре Российской Федерации» вызывать должностных лиц для объяснений по поводу нарушений закона, потребовать проведения ведомственных проверок соблюдения законности в оперативно-розыскной работе.

Актами прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД, являются:

- письменные указания о проведении ОРМ;
- письменное требование об отмене незаконного постановле-

ния, принятого при проведении ОРД;

— представление об устранении выявленных нарушений закона;

— протест, принесенный в связи с признанием противоречащим закону нормативного акта, изданного в сфере ОРД;

— возбуждение уголовного дела в отношении должностных лиц органов, осуществляющих ОРД или сотрудничающих с ними на конфиденциальной основе, при обнаружении признаков совершения ими преступления в процессе проведения ОРМ.

Таким образом, в Российской Федерации на законодательном уровне формируется достаточно эффективная система прокурорского надзора за законностью ОРД в целом и обеспечением личных тайн, в частности. Однако, на наш взгляд, эта деятельность требует более детальной законодательной регламентации.

М. Л. Базюк

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА КАК ЭЛЕМЕНТА ПРИНЦИПА ОХРАНЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

В соответствии с известной теорией базовых человеческих потребностей¹ Абрахама Маслоу потребность в безопасности идет следом за основными — физиологическими. Такова природа людей. Для человека характерно стремление к обеспечению безопасности от субъективных и объективных угроз его существованию как биосоциальному существу, его правам и свободам человека и гражданина во всех сферах жизни. Безопасность, отображенная в субъективном и общественном сознании и праве, как одна из объективных закономерностей существования человека, социума, государства, правовой жизни, особое значение приобретает при расследовании и рассмотрении уголовных дел. Для надлежащего функционирования и реализации назначения уголовного судопроизводства следует установить реальные гарантии безопасности его участников.

Появление феномена безопасности и ее обеспечения в уголовном судопроизводстве, возникновение необходимости применения мер безопасности связаны с распространенным явлением, получив-

---

¹ Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – СПб., 2001. – 478 с.

шим в юридической науке название «посткриминальное воздействие».

Как верно отмечает Л. В. Брусницын, данное явление существенно влияет на возможность осуществления уголовного судопроизводства и достижения его целей, при этом «воздействие заключается в запрещенном законом а также в ином воздействии преступников на жертв, свидетелей преступлений и других лиц, содействующих, способных оказать содействие или оказавших его правосудию (давших показания, изблотивших преступника, и др.), осуществляемое в целях: заставить отказаться от такого содействия или из мести за оказанное содействие»¹, «посткриминальное воздействие признано наиболее распространенным средством подрыва системы уголовного правосудия исследующими проблемы борьбы с преступностью международными организациями»².

Так, например, доказательства, получаемые посредством допроса потерпевших и свидетелей, в виде их показаний, в значительной степени зависят от человеческого фактора (ощущений, памяти, настроения и пр.), могут быть исключены из участия в уголовном процессе вследствие противоправного воздействия на свидетеля (потерпевшего). Противоправному воздействию в целях противодействия расследованию преступлений и осуществлению правосудия, могут подвергаться и другие участники процесса (например, подозреваемый, обвиняемый, раскаявшийся и активно содействующие раскрытию преступления; эксперт, специалист, переводчик, понятой, гражданские истец и ответчик, частный обвинитель). Это позволяет сделать вывод о необходимости динамичного развития отношений по безопасности в уголовном процессе. Как точно замечено Л. В. Брусницыным, «опыт зарубежных государств показывает, что население готово оказывать помощь государству в борьбе с преступностью при условии защиты от посткриминального воздействия»³.

---

¹ Брусницын, Л. Обеспечение безопасности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, как принцип уголовного процесса / Л. Брусницын // Уголовное право. – 2001. – № 2. – С. 60.

² Брусницын, Л. В. О компетенции должностных лиц и иных субъектов при обеспечении безопасности граждан, содействующих уголовному правосудию / Л. В. Брусницын // Государство и право. – 2000. – № 2. – С. 44.

³ Брусницын, Л. В. Теоретико-правовые основы и мировой опыт обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: Дис. ... доктора юрид. наук: 12.00.09 / Л. В. Брусницын. – М., 2002. – С. 95.

Именно с целью противодействия посткриминальному воздействию, его предупреждению, законодателем были разработаны меры по обеспечению безопасности: ряд из них закреплен в статьях УПК РФ, принят Федеральный закон «О государственной защите свидетелей, потерпевших и иных участников уголовного судопроизводства», принимаются Программы по обеспечению безопасности (в настоящее время действует государственная Программа «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2006–2008 годы», утвержденная Постановлением Правительства РФ от 10.04.2006г. № 200).

Меры обеспечения безопасности участников процесса и их близких, закрепленные в УПК РФ, представляются весьма эффективными средствами противодействия преступности, создания благоприятных условий для участников процесса, обладающих ценной доказательственной информацией о преступлении, и, как следствие, получения органами предварительного расследования и судом от них такой информации, исключения отказа от ранее данных показаний.

Наиболее общей, базовой нормой, регулирующей отношения по обеспечению безопасности участников уголовного процесса, является статья 11 УПК РФ, закрепляющая принцип охраны прав и свобод человека и гражданина, что позволяет выделить безопасность как составную часть этого нового для российского уголовно-процессуального законодательства принципа. Согласно ч. 3 ст. 11 УПК РФ, при наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями, суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают в пределах своей компетенции в отношении указанных лиц меры безопасности, предусмотренные статьями 166 частью девятой, 186 частью второй, 193 частью восьмой, 241 пунктом 4 части второй, и 278 частью пятой настоящего Кодекса.

Помимо этого, как справедливо отмечает А. Ю. Епихин, «закрепление в процессуальном законе мер безопасности личности следует рассматривать как:

1) гарантию обеспечения законных интересов личности в уголовном судопроизводстве;

2) средство достижения цели и задач (назначения) уголовного судопроизводства;

3) новую эффективную форму противодействия наиболее опасным видам преступности (организованной, профессиональной);

4) позитивное стремление государства привести национальное законодательство в соответствие с рядом международных документов»¹.

При осуществлении посткриминального воздействия, как правило, преследуются следующие цели: воспрепятствование началу осуществления правосудия, принуждение к прекращению содействия правосудию, месть за оказанное содействие правосудию.

Посткриминальное воздействие может быть выражено в форме требований — настойчивых, систематических повелительных просьб произвести определенные действия либо, напротив, воздержаться от их совершения, в адрес участника уголовного процесса, связанных с его деятельностью по уголовному делу, его уголовно-процессуальным статусом.

Следует отметить, что посткриминальное воздействие может осуществляться самыми различными способами, не ограничиваясь угрозами убийством, применением насилия иных опасных противоправных действий или иными активными действиями, которые сами по себе образуют состав преступления. Указанные противоправные деяния представляют наибольшую опасность, однако формы воздействия на лиц, содействующих правосудию, значительно обширнее, это могут быть действия, не являющиеся противоправными, находящиеся за пределами уголовно наказуемых норм. Посткриминальное воздействие часто носит завуалированный характер, но при этом намерения лиц, его осуществляющих, могут быть выражены достаточно определенно и вызывать у лиц, содействующих правосудию, обоснованный страх за себя и своих близких. К таким видам воздействия можно отнести регулярные анонимные звонки по месту жительства или работы, постоянное сопровождение на улицах, демонстративное фотографирование или видеосъемка, стук в дверь квартиры в ночное время, разбитие окон, появление рядом с домом автомашин с подозрительными людьми, подбрасывание под двери жилища трупов жи-

---

¹ Епихин, А. Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве / А. Ю. Епихин. – СПб., 2004. – С. 61.

вотных или фотографий с изображениями трупов, поджигание дверей и др.

Следует согласиться с А. Ю. Епихиным, что «использование в тексте статьи 11 УПК РФ формулировки «иные опасные противоправные посягательства» следует рассматривать как неопределенный перечень видов посягательства, так как не совсем четко установлено, что именно понимается под термином опасные. Быть может, это посягательства, опасные для жизни или здоровья, либо вообще опасные с точки зрения обязательного признака преступления общественная опасность»¹. Думается, следует изменить формулировку ч. 3 ст. 11 УПК РФ, обязав суд и правоохранительные органы принимать уголовно-процессуальные меры безопасности не только в результате угрозы опасными противоправными деяниями, но и при проявлении иных форм воздействия — формально не являющимися противоправными, но явно свидетельствующими о намерении воздействовать на участника процесса, и, возможно, в дальнейшем перейти к противоправным действиям.

Это предложение вполне соответствует сущности принципа охраны прав и свобод человека и гражданина. В соответствии с этим принципом обязанность государственных органов и должностных лиц заключается в постоянной охране прав и свобод, а не только тогда, когда они уже нарушаются. Суть рассматриваемой охраны состоит не только в том, чтобы отразить «нападение», но и в том, чтобы, по возможности, его предотвратить. В связи с этим большую роль играет своевременность применения мер безопасности. Как верно отмечает Л. В. Брусницын, эффективность мер безопасности зависит от своевременного их использования. Применительно к мерам безопасности своевременность детерминирована целью этих мер — превенцией посткриминального воздействия².

Для того, чтобы участник уголовного судопроизводства чувствовал себя в защищенности и не испытывал страха при даче показаний и содействии правосудию, необходимо ограждать его от воздействия, и предотвращать возможное воздействие и психологическое давление. В настоящее время, исходя из формулировки ч. 3

---

¹ Епихин, А. Ю. Указ. соч. – С. 62.

² Брусницын Л. В. Проблемы формирования российского законодательства о защите лиц, содействующих уголовному правосудию / Л. В. Брусницын // Государство и право. – 2004. – № 2. – С. 34.

ст. 11 УПК РФ, закон позволяет применять меры безопасности, если угрозы участникам уголовного процесса уже осуществляются, то есть когда угроза уже выражена, и, возможно, уже оказала серьезное влияние на действия участника процесса, а посткриминальное воздействие достигло своей цели. Следует помнить и о том, что такая угроза может быть квалифицирована как приготовление к преступлению, покушение на его совершение или уже оконченное преступление (в случае угрозы убийством).

Таким образом, анализ нормы, изложенной в ч. 3 ст. 11 УПК РФ, показал, что в ней идет речь только о реально существующих угрозах, выраженных в опасных противоправных деяниях, не учтена превентивность применения мер безопасности. Думается, что положение данной нормы необходимо дополнить указанием на вероятность возникновения угроз и возможность принятия в этой связи соответствующих мер безопасности, а также предусмотреть возможность принятия решения о применении мер безопасности при осуществлении воздействия в иных опасных, не являющихся противоправными, формах.

А. П. Кузнецова

СОБИРАНИЕ И ФИКСАЦИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ВЫСОКИХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Основой установления истины по уголовному делу является процесс доказывания, который состоит в собирании, проверке и оценке доказательств. Причем, доказательствами по уголовному делу являются законно полученные фактические данные, на основе которых в определенном законом порядке дознаватель, следователь, прокурор или суд устанавливают наличие или отсутствие деяния, предусмотренного уголовным законодательством, совершение или несовершение этого деяния обвиняемым и виновность либо невиновность обвиняемого, а также иные обстоятельства, имеющие значение для справедливого разрешения дела. УПК РФ в качестве доказательств

допускает показания подозреваемого, обвиняемого, показания потерпевшего, свидетеля, заключение и показания эксперта, заключение и показания специалиста, вещественные доказательства, протоколы следственных и судебных действий, иные документы. При расследовании преступлений в сфере высоких информационных технологий может использоваться весь арсенал доказательств, предусмотренный УПК РФ. Причем, наиболее распространенным средством доказывания является информация на электронных носителях, которая выступает как в роли документов, так и в роли вещественных доказательств и используется в качестве доказательств по уголовному делу по запросу суда, прокурора, следователя, дознавателя или изъятия её во время следственных действий.

В статье 84 УПК РФ указывается, что документы могут содержать сведения, зафиксированные в письменном, или ином виде. К документам относится информация на машинных носителях, полученная компетентными лицами в ходе производства следственных и иных процессуальных действий. Доказательство по уголовному делу всегда имеет не только фактическое содержание, но и процессуальную форму получения, сохранения и воспроизведения необходимой информации¹. Так, процессуальным законодательством строго регламентируется форма, в которой могут быть получены фактические данные, а именно: в форме объяснений сторон, третьих лиц, показаний свидетелей, письменных доказательств, вещественных доказательств и заключений экспертов. Следовательно, для того, чтобы информация на машинных носителях обладала доказательственной силой, она должна быть получена, истребована или представлена в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом и должна соответствовать признакам относимости, допустимости, достоверности и достаточности.

Информация на электронных носителях, как уже было сказано, может выступать как в роли документов, так и в роли вещественных доказательств. Причем, процессуальный порядок собирания документов отличен от процессуального порядка собирания вещественных доказательств. Пункт 8 Инструктивных указаний Госарбитража СССР от 29 июня 1979 г. № И-1-4 «Об использовании в качестве доказательств по арбитражным делам документов, подготовленных с

---

¹ Кипнис, Н. М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве / Н. М. Кипнис / – М.: Юристъ, 1995. – С. 11.

помощью электронно-вычислительной техники» указывает на то, что данные, содержащиеся на техническом носителе (перфоленде, перфокарте, магнитной ленте, магнитном диске и т.п.), могут быть использованы в качестве доказательств по делу только в случаях, когда они преобразованы в форму, пригодную для обычного восприятия и хранения в деле. В пункте 6 постановления Пленума ВС СССР от 9 июля 1982 г. № 7 «О судебном решении» указывается: «В обоснование решения суд в случае необходимости вправе сослаться и на письменные доказательства в виде документов, полученных с помощью электронно-вычислительной техники. Эти документы принимаются в качестве доказательств при условии их надлежащего оформления в соответствии с установленным порядком»¹. К сожалению, в УПК РФ отсутствует процедура приобщения к материалам дела электронных документов в порядке п. 2 ст. 84. Однако это не значит, что электронный документ не может выступать в роли доказательств, а говорит о том, что процедура собирания, хранения, использования подобного доказательства должна происходить в особой форме. Подобная необходимость возникает вследствие особого характера электронной информации как доказательства: она является источником доказательства, но требует особого способа ее доведения до суда — облачения ее в письменную форму². Однако это не во всех случаях осуществимо, кроме того, описание подобного порядка отсутствует в уголовно-процессуальном законе, но наряду с этим, закон не запрещает использование электронной информации в качестве доказательства по уголовному делу. Следовательно, дискеты, диски, магнитные ленты могут быть приобщены к материалам уголовного дела наряду с иными доказательствами.

М. С. Строгович в качестве основных способов собирания вещественных доказательств и документов, к числу которых законодате-

---

¹ Бюллетень ВС СССР. – 1982. – № 4. – С. 19.

² См: Треушников, М. К. Судебные доказательства / М. К. Треушников. – М., 1999. – С. 97, Лукьянова, И. Н. Использование документов и материалов, изготовленных посредством электронной связи, в качестве средств доказывания в арбитражном процессе РФ / И. Н. Лукьянова // Государство и право. – 2000. – № 6. – С. 97.

лем относится и информация на машинных носителях, выделяет осмотр места преступления, обыск и выемку¹.

«В процессе собирания доказательств происходит специфическое для любого отражательного процесса преобразование оригинала: реально существующие объекты и устные сообщения трансформируются в идеальный объект — познавательный образ, возникающий в сознании познающего субъекта (следователя, судьи), который сохраняется затем путем преобразования его в протокольную запись или иную надежную форму сохранения информации»². Так, в ходе производства следственных действий обнаруженные вещественные доказательства закрепляются и оформляются в установленном порядке. Причем оформление компьютерной информации в материалах уголовного дела осуществляется в форме протоколов, в актах экспертизы. В первом случае содержание компьютерной информации включается в протокол осмотра места происшествия, постановление следователя о приобщении к делу в качестве вещественного доказательства, протокол осмотра вещественного доказательства.

Остановимся более подробно на процедурных особенностях фиксации и оформления компьютерной информации в материалах уголовного дела. При осмотре компьютера основной целью уполномоченного лица является не фиксация всей, имеющейся на нем информации, а, в первую очередь, установление обоснованных выводов о необходимости собирания с машины ЭВМ той или иной информации, а также проведение следственных действий в соответствии с положениями закона и в установленном порядке.

Особенность информации, находящейся в системе или сети компьютеров, или иных предназначенных для этого устройствах, заключается в том, что для ознакомления с ней, осуществления над ней каких либо действий необходимо наличие определенных устройств, а также особых способов и методов, отличающихся от обычного визуального восприятия. Для собирания доказательств проводится обыск и выемка части документированной информации в виде LOG-файлов. Однако к данной процедуре, вследствие особенностей компьютерной информации не в полной мере применимы стандартные правила со-

---

¹ Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса / М. С. Строгович. – Т. 2. – М.: Наука, 1970. – С. 138.

² Шейфер, С. А. Следственные действия / С. А. Шейфер – М.: Юрлитинформ, 2001. – С. 10.

бирания доказательств. Для того, чтобы компьютерная информация «уложилась» в рамки уголовно-процессуального закона РФ, а именно, соответствовала признаку допустимости, необходимо обеспечить ее сохранность в том виде, в котором она была обнаружена. Видится, что выполнение данного условия возможно только при соблюдении определенных требований, а именно: проведение наряду с копированием информации, ее выемки с обязательной фиксацией в протоколе особенностей изымаемой информации. В частности необходимо зафиксировать время и дату создания файла или документа, его имя, порядковый номер и прочее — все эти данные могут помочь проследить каким образом, где и когда файл или документ был создан, а также, куда он перенесен после его собирания. Причем для удобства проведения подобного рода мероприятий необходима разработка стандартизированных документов фиксации собранных материалов и их регламентация на законодательном уровне.

Помимо постоянной дисковой памяти современные компьютеры обладают оперативной памятью, предназначенной для временного хранения программ и данных. Оперативная память так называемый плацдарм, на котором компьютер проводит все свои операции. Однако проблема собирания информации из оперативной памяти связано с тем, что после выключения компьютера все ее содержимое удаляется. Поэтому уполномоченное лицо не должно допускать выключения компьютера до его полного осмотра и снятия всей интересующей информации. Кроме этого программный пакет Microsoft Office, например, ведет файл-протокол, куда заносится время и дата всех включений компьютера. В программах связи и работы с сетью сохраняются данные о многих контактах пользователя в сети Интернет (адреса отправителей и получателей, документы электронной почты). Подобного рода места хранения временных файлов целесообразно проверять при проведении следственных действий.

Во время собирания информации с машины ЭВМ в некоторых случаях целесообразно прибегать к использованию информации с реестра Windows, который представляет собой иерархическую централизованную базу данных, используемая в операционных системах Microsoft Windows 98, Windows CE, Windows NT и Windows 2000 для хранения сведений, необходимых для настройки операционной системы для работы с пользователями, программными продуктами и

устройствами¹. В реестре хранятся данные, которые необходимы для правильного функционирования Windows. К ним относятся профили всех пользователей, сведения об установленном программном обеспечении и типах документов, которые могут быть созданы каждой программой, информация о свойствах папок и значках приложений, а также установленном оборудовании и используемых портах.

В пункте 3 ст. 177 Уголовно-процессуального кодекса РФ указывается, что если для производства осмотра требуется продолжительное время или осмотр на месте затруднен, то предметы должны быть изъяты, упакованы, опечатаны, заверены подписями следователя и понятых на месте осмотра. Это положение распространяется и на компьютерную информацию, причем ее изъятие должно осуществляться в особом порядке: магнитный носитель с записью документа должен быть упакован в стальную коробку, предварительно на него наклеивается этикетка².

Некоторые ученые считают, что скопированные с машины ЭВМ файлы совместно с составлением протокола об осмотре места преступления, могут служить доказательствами по уголовному делу³. С этим мнением нельзя согласиться, потому как скопированная информация достаточно легко может быть фальсифицирована, причем таким образом, что обнаружить внесенные изменения практически невозможно, кроме того, информация может быть удалена из первоисточника и доказать, что именно эта информация была снята с компьютера также практически невозможно. Все эти обстоятельства показывают, что такой способ получения информации как ее копирование повышает риск ее искажения и делают недопустимым использование ее в качестве доказательства. Считаю, что копирование информации может являться вспомогательным элементом в процессе доказывания и использоваться наряду с выемкой аппаратных средств компьютерной техники, а также может применяться для восстановления информации, которая может быть утеряна в связи с намеренным

---

¹ Microsoft Computer Dictionary, Fifth Edition // Microsoft Press, 2002. – P. 479.

² П. 2.11 Методических указаний по внедрению и применению ГОСТ 6104-84 «Усд. Придание юридической силы документам на машинном носителе и машинограмме, создаваемым средствами вычислительной техники» (утв. Постановлением Госстандарта СССР от 24.09.1986 № 2781).

³ Casey, E. Digital evidence and computer crime, Second Edition / E. Casey // Academic press. – 2004. – P. 94.

установлением злоумышленниками вредоносных программ на машину ЭВМ, которые, при необходимости, разрушают информацию, имеющую доказательственное значение.

Существенной проблемой собирания доказательств является то, что аппаратные средства компьютерной техники могут быть изъяты только на территории Российской Федерации, однако преступления зачастую совершаются в глобальных компьютерных сетях, которые выходят за пределы страны, следовательно, процедура изъятия становится практически невыполнимой. В данном случае целесообразно производить копирование информации с обязательным указанием причин невозможности проведения выемки аппаратных средств компьютерной техники, а также так называемых реквизитов информации, то есть указания наименования организации-создателя, ее местонахождения, почтового и сетевого адресов, даты и времени создания.

Одним из реквизитов электронного документа может являться электронная цифровая подпись, предназначенная для защиты данного электронного документа от подделки, получаемая в результате криптографического преобразования информации с использованием закрытого ключа электронной цифровой подписи и позволяющая идентифицировать владельца сертификата ключа подписи, а также установить отсутствие искажения информации в электронном документе¹. Однако присутствие электронной цифровой подписи в документе не придает ему достаточной доказательственной силы. Юридическая сила электронной цифровой подписи признается при наличии автоматизированной информационной системы программно-технических средств, обеспечивающих идентификацию подписи. Наряду с электронной цифровой подписью, достоверность компьютерной информации можно подтвердить с помощью применения ключей, печатей, сетевых или индивидуальных паролей.

Составление протокола во время собирания доказательств с использованием высоких информационных технологий, указанный порядок фиксации данных и выемки документов и вещественных доказательств необходимы для дальнейшего их изучения специалистом или экспертом, а также для приобщения собранных доказательств к материалам дела. Следовательно не всегда может обеспечить полноту и всесторонность исследования компьютерной информации, поэтому

---

¹ Ст. 3 ФЗ РФ № 1-ФЗ от 10.01.2002 г. «Об электронной цифровой подписи» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 2. – Ст. 127.

во время или после осмотра места преступления обязательно проведение соответствующей экспертизы.

Следует выделить положения, которыми должно руководствоваться уполномоченное лицо при собирании доказательств: не изменять исходные данные, так как это может повлечь недопустимость их использования в качестве доказательств; уполномоченное лицо при собирании и фиксации доказательств должно создать условия исключения двойственных выводов, то есть таким образом произвести сбор информации, на основании которой, третье лицо, используя те же исходные данные, могло прийти к выводам, аналогичным выводам следователя.

Как уже было упомянуто выше, компьютерная информация как вещественное доказательство обладает существенным недостатком — она может быть бесследно уничтожена или искажена вследствие некомпетентности уполномоченного лица исследующего ее, или же заинтересованными лицами с целью сокрытия следов преступления. Решение первой проблемы видится в повышении уровня знаний в вопросах использования компьютерной информации следственных работников, решение второй проблемы — принятие уполномоченным лицом комплекса мер по защите информации, в том числе применение так называемых ловушек в системе оперативно-розыскных мероприятий на сетях электросвязи для защиты от злоумышленников.

Кроме того, при осмотре компьютера также целесообразно проведение фото или видеосъемки указанных объектов уполномоченным лицом в установленном законом порядке и приобщение данных фотосъемки к протоколу.

КРИМИНАЛИСТИКА

Д. А. Турчин

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЛЕДСТВИЯ¹

При рассмотрении в качестве объекта исследования современной преступности в стране напрашивается вывод о том, что основная причина криминализации общества и наличие обвальности преступности заключается в заведомом дефекте провозглашенной мнимой справедливости, в том числе и в праве, изначально несостоятельной при образовании постсоветской государственности на базе незаконной приватизации, о чем люди не забывают и, очевидно, нескоро забудут, а также махровой бюрократии, далеко зашедших коррупции и взяточничества, приведших большую часть общества, особенно молодежь, к забвению элементарных принципов морали.

Все чаще и чаще передовые слои общества обращают внимание на указанные беспорядки и заявляют о недопустимости дальнейшего терпения подобного пренебрежения к уважению своих соотечественников со стороны бюрократического чиновничества, прибравшего в свои нечистоплотные руки многие рычаги управления в стране². Ну что хорошего могут сказать жители прославленного Владивостока, два последних мэра которого осуждены за злоупотребление, не избежали тюремного заключения, а вице-губернатор А. Шишкин, которого говорят, прочили в очередного мэра задержан при получении взятки в сумме 1,2 млн. рублей³.

В таких, крайне неблагоприятных условиях, находятся правоохранительные органы страны. Несомненно, указанные условия не могут не влиять на их моральное и идеологическое состояние, а также на материальные условия жизни и деятельности. Для эффективной

---

¹ Содержание статьи коротко было изложено в тезисах на вузовской конференции академии Управления МВД России, посвященной 85-летию со дня рождения профессора Р. С. Белкина и юбилеям его учеников 25–26 октября 2007 г. (См.: Ученые-криминалисты и их роль в совершенствовании научных основ уголовного судопроизводства. – М., 2007. – Ч. 1. – С. 112–119.).

² Дворников, И. Все на прополку коррупции / И. Дворников // Российская газета. – 2005. – 25 ноября.

³ Лыков, К. Ряды поредели / К. Лыков // Российская газета. – 2007. – 27 декабря.

борьбы с серьезной преступностью, как заметил А. И. Гуров, необходима идеология этой борьбы, четкие цели и задачи¹.

Прокуратуре, МВД, ФСБ и др. надлежит искать и применять более эффективные формы и методы борьбы и сдерживания дальнейшего распространения антиобщественных и тем более преступных проявлений, которые, как считают некоторые авторы, стали представлять угрозу основам государства. Серьезное внимание на эту проблему обратил Президент страны В. Путин в апрельском послании Федеральному собранию РФ в 2005 году, в котором он подчеркнул насущную необходимость в нахождении принципиально новых подходов в деле организации борьбы с преступностью.

Следственный аппарат в основном сосредоточен в МВД, ФСБ, и прокуратуре. Многие теоретики (А. М. Ларин, В. И. Шиканов и др.) считают, основные недостатки следствия заключаются в его разрозненности по различным ведомствам, что требует трансформирований и всеобщего единения в «один кулак», способный усилить их мощь и организацию. Другие — наоборот, полагают, что создание еще одного бюрократического ведомства в лице Следственного комитета не решит основные проблемы следствия уже потому, что еще более увеличит разрыв между следствием и оперативно-розыскной деятельностью.

Законодатель пошел по первому пути. Закон « О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон « О прокуратуре Российской Федерации» нацелен в будущем на создание единого Следственного комитета в стране. Закон ослабил прокурорский надзор за процессуальной деятельностью следователя. Освободил его от получения согласия прокурора на возбуждение уголовного дела и предоставил ему право возбуждать уголовные дела самостоятельно. Однако, побуждение следователя к такой инициативе едва ли реально. Дело в том, что у следователей МВД, например, постоянно находятся от 20 до 40 и более уголовных дел в производстве. По крайней мере, так дело обстоит в г. Владивостоке. При этом всякому следователю не до дерзаний и не до дополнительных физических нагрузок.

Указ значительно усилил ведомственный контроль за деятельностью следователя. Практика ведомственного контроля в Следст-

---

¹ Гуров, А. И. Криминология / А. И. Гуров / Под ред. академ. В. Н. Кудрявцева и проф. В. Е. Эминова. – М. – С. 273.

венном комитете МВД со стороны начальников следственных отделов, которые не имели широких прав на процессуальный контроль, в общем, не воспринималась следователями положительно¹. Если отсутствие процессуальных полномочий на вмешательство в конкретный уголовный процесс как-то сдерживало начальников следственных отделов, то широкие права руководителя следственного органа дают последнему возможность существенно влиять на ход расследования по любому уголовному делу. В этом случае расширение прав и самостоятельности следователя не произошло. Обжалования указаний были исключительно редкими. Быть под прессом непосредственного начальника небезопасно, но в ряде случаев даже выгодно — Закон о реорганизации следствия и прокуратуры требует дальнейшего осмысления и научного анализа. Надо надеяться, что время покажет степень его полезности.

Однако уже первые анализы закона учеными, их выводы и деловые оценки показали, что едва ли он сыграет положительную роль в укреплении и дальнейшем совершенствовании следственного аппарата в стране². По сообщению Генерального прокурора Юрия Чайка в его ведомстве до 50 процентов следователей — молодые люди с недостаточным опытом работы³. Разве можно выделить их в самостоятельную структуру без надлежащей поддержки со стороны опытных следственных работников, которыми по большей части являются прокуроры районов и городов. В Приморском крае в двух, расположенных на побережье океана и потому протяженных районах: Хасанском и Надежденском в районах прокуратуры по два следователя. Теперь они составляют единое следственное учреждение (следственный орган), руководитель которого является следователь Надежденского района, а его заместителем — следователь Хасанского района.

---

¹ Тихомиров, А. С. Следователь в современном российском уголовном процессе: взгляд изнутри / А. С. Тихомиров // Российский юридический журнал. — 1999. — № 4. — С. 12–18.

² Ефимичев, С. П. Следственный комитет при прокуратуре РФ и обеспечение законности при расследовании; Емелькина, Н. Л. О перераспределении полномочий прокурора и руководителя следственного органа; Николаева, М. И. К вопросу о процессуальной самостоятельности следователя и др. // Ученые и их роль в совершенствовании научных основ уголовного судопроизводства: Матлы вузовской конференции 25–26 октября 2007. — Ч. 2. — М., — С. 407–429.

³ Яшманов, Б. Генеральная прокуратура компромат не ищет / Б. Яшманов, А. Широков // Российская газета. — 2007. — 26 декабря.

Получается, что на каждого следователя по одному руководителю. Но последние тоже имеют право возбуждать и расследовать уголовные дела. Оно так и есть. Но их процессуальные отношения сложно складываются с Краевым следственным комитетом, куда им необходимо часто обращаться за различными санкциями.

Изложенная ситуация напоминает обстановку сложившуюся во время вступления в силу действующего УПК и введения судебного контроля за следствием, когда на тот момент 40 процентов районных судов были одноместными. Возникли и другие кадровые проблемы. Об этом много писалось и говорилось, но постепенно затихли, привыкли. Но следователи и прокуроры по-прежнему так и трудятся с огромной нагрузкой. Это не приостанавливает преступность. Она опасно растет. Невольно напрашивается вопрос: Не слишком ли много мы хотим от следователей и прокуроров?

Все это приводит к мысли о том, что преобразования в целом и частично в области следственных органов и дознания в первую очередь надо произвести не сверху, а снизу. По этому поводу еще в 2000 году один из авторов — представитель практики, рассматривая результаты судебной реформы, на наш взгляд пришел к правильному выводу о том, что укреплен более или менее вершина системы органов расследования, а все, что ее удерживает — основание, значительных изменений не претерпело¹. Очевидно, что до сих пор организующие инстанции не избавились от указанного существенного недостатка.

Необходимо, прежде всего, повысить деловую квалификацию работников органов расследования (следствия и дознания). Деловое мастерство тех и других крайне низкое.

Следует разработать программу переподготовки названного кадрового состава в соответствии с федеральным законом «Об образовании», в силу которого каждый специалист должен не менее одного раза в 3–5 лет пройти переподготовку с целью повышения своего профессионального уровня по поводу чего мы не раз выступали в печати². Нельзя сказать, что такая система отсутствует. Она есть, но ис-

---

¹ Пономарев, А. Судебная реформа — достигнута ли цель? / А. Пономарев // Законность. — 2000. — № 10. — С. 2.

² Турчин, Д. А. Формирование личности начинающего следственного работника / Д. А. Турчин // Формирование личности молодого человека в школе и вузе. — Владивосток: ДВГУ. — 2000. — С. 114–119.

пользуется в крайне ограниченных рамках. Иногда следственные работники МВД, выработав до конца свой трудовой стаж, так и не бывали на курсах переподготовки. В современных условиях, когда законодательство в стране крайне неустойчиво, а научно-технические достижения стремительно растут, любой специалист без поддержки науки не может быть полноценным. Достойны высокого одобрения взгляды Председателя Верховного суда РФ В. Лебедева, который считает и планирует в целях повышения квалификации судей они должны каждые три года повышать свои знания на специальных курсах¹. К сожалению, подобных мер по повышению квалификации следственных работников широкого планирования не наблюдается. Систему переподготовки необходимо организовывать в региональных центрах: в крае, области, где имеются юридические вузы разных ведомств, то есть ближе к кадрам. Надо продумать форму переподготовки, которая должна быть не только стационарной.

Работники криминалистической направленности обязаны хорошо владеть научно-техническими приемами и эффективно применять их на практике. А для этого они вправе иметь в своем распоряжении соответствующую материально-техническую базу: необходимые приборы, материалы, инструменты и пр.

Думается, что пора следственным подразделениям иметь надлежаще оснащенные передвижные криминалистические лаборатории. Обращает на себя внимание и то положение, что в стремлении не нарушить права преступника, мы создали сверхбюрократический УПК, требующий составления большого количества процессуальной документации, отнимающей у следователя много времени. Чем он хуже судьи, которого в документальном отношении обслуживает секретарь, да еще и помощник, а документов составляется во сто раз меньше. «Многие следователи небезосновательно полагают, — пишет по этому поводу М. И. Николаева, — что УПК РФ значительно увеличил механическую нагрузку на следователей, вынудив его выполнять не только (а порой и не столько) квалифицированную следственную работу, но и работу делопроизводителя, курьера и т.п. Особенно много времени и сил занимает процесс производства след-

---

¹ Куликов, В. Открытый суд над бюрократами / В. Куликов // Российская газета. — 2007. — 5 декабря.

ственных действий, требующих судебного разрешения»¹. Еще И. Ф. Крылов ставил вопрос о необходимости для следователя иметь секретаря или письмоводителя, которые были у дореволюционных судебных следователей. Здесь и для процессуалистов есть возможность задуматься, как упростить бумажную процедуру следователя. Ветераны криминалистической деятельности — следователи и прокуроры знают, что это самая старая острая проблема. Правительство страны в этом отношении всегда обещало, но можно сказать мало что делало. Основная масса наших следователей и оперативных работников «воюет» с преступностью не хорошо вооруженные новейшей техникой, а ручкой и бумагой, короче говоря, словом. Не случайно мы проповедуем «полевую криминалистику», открытую Р. С. Белкиным, а потому, чтобы отсутствие у следователей научно-технических средств и материалов заменить хотя бы дедовскими методами и приемами. В этой области у них нет возможности адекватно противостоять противной стороне. Между тем в последние годы ученые все больше включают в содержание криминалистической тактики и техники термин «технология», которая на современном уровне научного познания более глубоко предполагает процессы познания с использованием инструментальных методов. «Криминалистика, писал В. А. Образцов, — это наука о технологии и средствах практического следоведения (поисково-познавательной деятельности) в уголовном судопроизводстве»². Решение этой проблемы зависит исключительно от Правительства страны. Если она по настоящему не будет решена, то будут все основания утверждать, что качество оперативной деятельности и следствия в системе судопроизводства заметно не улучшится, так как в условиях приоритета рыночной экономики и производного отсюда материального уклада жизни на показаниях свидетелей и потерпевших едва ли возможно стабильно и надежно основывать какое-либо правовое утверждение, будь то обвинение, оправдательный или иной акт в уголовном процессе.

Положительным является возрастающая тенденция прокуратуры и суда не оставлять без наказания лжесвидетелей по уголовным делам. Так, например, в газетах прошло сообщение о привлечении

---

¹ Николаев, М. И. Указ. раб. — С. 426; Казиахмедов, С. С. УПК РФ: успехи или проблемы / С. С. Казиахмедов // Законность. — 2007. — № 2. — С. 35.

² Образцов, В. А. Криминалистика: курс лекций / В. А. Образцов / М., 1996. — С. 5.

только по одному уголовному делу двенадцати свидетелей, давших следствию и суду заведомо ложные показания, в связи с чем, они приговорены к различным срокам наказаний в виде штрафа и другого условного уголовного наказания¹. Думается, однако, что указанная положительная практика не окажет существенного воздействия на правдивость показаний свидетелей и потерпевших, так как почти каждый современный гражданин с его прагматическими устремлениями определяет свое поведение в пользу личной материальной выгоды. Ведь за ложные показания он получает от заинтересованных лиц сумму денежных средств, значительно превышающую величину штрафа, возложенного судом. В данном антисоциальном явлении также заключается одна из острых проблем нашего судопроизводства, которая требует самостоятельного разрешения.

По нашему мнению, необходимо еще более освободить следователя от многих ведомственных и процессуальных препон, раскрепостить следователя. Превращение в творческого работника обещает сделать его самостоятельно законопослушным, инициативным и ответственным. Это положение обоснованно психологическими исследованиями. Психологи утверждают, что «Если человек большей частью принимает ответственность за события, происходящие в его жизни, на себя, объясняя их своим поведением, характером, способностями, то это показывает наличие у него внутреннего (интернального) контроля. Если же он имеет склонность приписывать ответственность за все внешним факторам, находя причины в других людях, в окружающей среде, в судьбе или случае, то это свидетельствует о наличии у него внешнего (экстернального) контроля»².

Результаты мер, произведенных сверху по повышению деловой мощности правоохранительных органов, президент В. Путин оценил в октябрьских тезисах 2007 года. Он говорил, что, несмотря на предпринятые в этом отношении меры и кадровые замены — тысячи уголовных дел. Пока не удалось кардинально изменить ситуацию. Люди справедливо говорят, что часто без взятки невозможно решить любой мало-мальски значимый вопрос³.

---

¹ Федосенко, В. Наемные свидетели / В. Федосенко // Российская газета. — 2005. — 22 ноября.

² Муздабаев, К. Психология ответственности / К. Муздабаев // Л.: Наука. — 1983. — С. 44.

³ Российская газета. Неделя 8–11. — 2007.

Основная причина неудовлетворительных результатов в деятельности правоохранительных органов, полагаю, состоит в том, что так и не удалось тесно соединить их работу по борьбе с правонарушениями с населением страны. Думается, что есть необходимость уделять больше внимания низшим структурам правоприменителей, которые больше и непосредственно связаны с населением и лучше видят его проблемы.

Исторический анализ борьбы с преступностью в нашей стране подсказывает, что в данной ситуации весьма полезно было бы перевести организационную структуру следствия на участковую систему. Дело в том, что названная организационная модель в послевоенный период сыграла положительную роль, когда в стране в связи с массовой демобилизацией сложилась неблагоприятная обстановка с общественным порядком, приказом Генерального прокурора на следователя были возложены многие должностные обязанности не только по расследованию конкретных уголовных дел, но и по созданию необходимых условий для этого, в частности, о предупредительной деятельности преступлений на закрепленном участке. Считаю, было полезным возложение на следователей обязанности: 1. хорошо знать состояние преступности на территории участка и наиболее пораженные преступностью объекты и звенья отдельных систем; 2. неуклонно повышать инициативу в выявлении и раскрытии преступлений; 3. точно соблюдать закон о подследственности; 4. установить деловую связь с обслуживающими следственный участок работниками милиции и другими надзорными структурами; 5. обеспечить неуклонное улучшение качества и сокращения сроков следствия; 6. усилить работу по предупреждению преступлений; 7. повышать свою деловую и политическую квалификацию¹.

Реализация основных положений приказа Генерального прокурора позволила вместе с другими государственными, общественными и политическими звеньями навести правопорядок в стране. Верно, это происходило в иных, нежели в данное время, социально-экономических условиях. Но основополагающими были те же: государство, народ, задача решения серьезных проблем по наведению законности в стране.

---

¹ Параграф 8 приказа Генерального прокурора СССР от 28 июля 1949 г. № 131 «О введении участковой системы работы следователей».

По информации МВД численность личного состава следственного аппарата только в МВД 54 тысячи человек. Они расследуют 90% совершаемых преступлений¹. Если прибавить к ним дознавателей, то получится внушительная армия. Вообще по количеству полицейских Россия занимает первое место в мире: на 100 тыс. человек приходится 1224 полицейских². Однако многие преступления не раскрываются. Полагаю, причина этого заключается в отсутствии перед ними конкретного поля деятельности, конкретной задачи и цели.

Представляется, что предлагаемая модель организации следствия для системы МВД будет наиболее эффективной, так как только благодаря ей возможна трансформация в единый механизм личного состава: следователя, дознавателя, участкового уполномоченного с его службой и территориальной оперативной службы. Только такое должностное сотрудничество способно будет наладить активное участие жителей участка в борьбе с правонарушениями, создать необходимые базы данных о населении (о пьяницах, правонарушителях, судимых и т.д.), убедить людей в необходимости постоянной информационной связи с правоохранительными органами. В стране создаются многочисленные самостоятельные эксплуатационные жилищные организации с самофинансированием и автономным управлением. Очень важно объединить их в аспекте взаимодействия и взаимопомощи в деле наведения правопорядка и охраны

В отличие от прокурорской участковой системы, в которой основным лицом являлся лишь один следователь, предлагаемое содружество будет более сложным, но зато мощным и мобильным. При этом мы еще не берем в расчет мировых судей, которые тоже осуществляют свою деятельность по участковой системе. Эта система может стать аналогом следственных участков. Не думается, что мировые судьи останутся в стороне от решения общих задач наведения порядка на закрепленной территории, от которого зависит их рабочая нагрузка. Как прежде, так и теперь есть избираемые депутаты муниципальных властей. Но они крайне недостаточно охвачены делом наведения общественного порядка. Никто, кроме нас, не заинтересован

---

¹ Информационный бюллетень Следственного комитета при МВД России. – М., 2003. – № 1 (115).

² Лунев, В. В. Тенденции современной преступности и борьбы с ней в России / В. В. Лунев // Государство и право. – 2004. – № 1. – С. 16.

постоянно обращать их внимание на это. А между тем они имеют большие возможности: ведь они распределяют местный бюджет.

Таким образом, главное в данном случае имеется в виду не только предупредительная деятельность, но в конечном итоге улучшение расследования и дознания преступлений на достаточно изученном территориально-правовом поле, строгое выполнение требований ст. 6 УПК, чему будут способствовать все организованные на участке государственные и общественные структуры.

Представляется, что в подобном организационном взаимодействии наиболее всего нуждается милицейская участковая система, на которую часто поступают жалобы и нарекания. Это естественно. Одинокая деятельность сковывает инициативу, субъективно и боязливо проявляет себя, более всего подвержена негативным объективного характера влияниям. Эти отрицательные тенденции глубоко раскрыты в работе Л. И. Мироновой и А. П. Кузнецова о профессиональной деформации сотрудников органов внутренних дел¹.

Количество следственных работников и дознавателей на участке может быть различным в зависимости от криминалистической характеристики участка. Важно при этом, чтобы их возглавил опытный инициативный следователь, предрасположенный к указанным условиям работы. Принцип гласности для участковых сотрудников должен быть самым основным.

В связи с этим хочется положительно отозваться на идею председателя Верховного суда В. Лебедева по подготовке закона об открытости судебной системы. Вместе с тем заметим, что открытость суда и судей в нашем понимании заключается, прежде всего, не в том, чтобы граждане читали и знали биографии судей, а в том, чтобы судьи сами стремились к встрече с представителями населения. В этом отношении представляется полезным регулярное выступление судей перед общественностью на правовые темы, о состоянии правопорядка и борьбы с правонарушениями на участке (в районе). Думается, весьма полезно было бы рассматривать некоторые значимые для граждан уголовные дела по месту их жительства и работы, как это делалось в прежние времена.

---

¹ Миронова, Л. И. Профессиональная деформация сотрудников органов внутренних дел как одна из причин нарушения ими прав и свобод в ходе осуществления служебной деятельности / Л. И. Миронова, А. П. Кузнецов // Следователь. – 2003. – № 8. – С. 51–52.

Думается, что решение местных, особенно острых и важных задач малыми группами, а не в одиночку явится условием законности, открытости и ответственности всего действующего состава. Кроме того, есть все основания ожидать от деятельности малых участковых групп наработки новых приемов и методов наведения правопорядка на закрепленных за ними участках в сфере взаимодействия между ними, а также с населением, которое пока что проявляет острое недовольство всеми существующими правоприменительными структурами.

Кстати следует заметить, что метод участковой системы следствия проверен и оправдан в России историей. Статья 288 царского Устава уголовного судопроизводства было предписано, что каждый судебный следователь производит предварительные следствия в назначенном ему участке уезда или городе. В городе, хотя бы он был разделен на несколько следственных участков, каждый судебный следователь непосредственно производит все действия по возникшему в его участке делу (ст. 293). Более того, участковая работа следователя традиционно сохранялась и в последующие годы. УПК 1923 г. также предусматривал следственные участки (ст.ст. 24–27).

В. А. Образцов

К ВОПРОСУ О ПАРНЫХ КАТЕГОРИЯХ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Понятия выступают в роли элементарных ячеек, первоосновы любой науки¹.

Для криминалистики как сравнительно молодой области научного знания в системе юридической науки, тем не менее, характерен довольно обширный, разветвленный специфический понятийный аппарат. Уходя своими корнями в середину 19-го века, он продолжает бурно развиваться и обогащаться и в наши дни. Процесс этот естественен, закономерен и, судя по всему, имеет неплохие перспективы.

---

¹ Понятие представляет собой форму мышления, отражающую предметы (вещи, события, процессы и т.д.) в их существенных признаках. В формальной логике под признаком предмета понимается то, в чем предметы сходны друг с другом или чем они друг от друга отличаются. (См. например: Кириллов, В. И. Логика / В. И. Кириллов, А. А. Старченко. – М., 2004. – С. 30).

Понятия криминалистики образуют сложную, многоуровневую, целостную систему. Одни из них отражают изучаемые объекты, другие - результаты научных исследований теоретического и прикладного характера¹.

Особое место в этой системе занимают категории криминалистики.

В настоящее время в литературе наметились два подхода к трактовке объема данного рода понятий — широкий и узкий.

Так, Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов и Е. Р. Россинская, как выразители первого подхода, в круг указанных категорий включают общую теорию криминалистики, криминалистическую технику, криминалистическую тактику, криминалистическую методику, технико-криминалистическое средство, криминалистический прием, криминалистическую рекомендацию, тактическую комбинацию (операцию), следственную ситуацию, тактическое решение, способ совершения и сокрытия преступления, криминалистическую характеристику преступления и некоторые другие понятия².

Подобную точку зрения не разделяет В. Ю. Толстолицкий.

По его мнению, система категорий криминалистики состоит только из шести элементов. В их роли выступают следующие понятия: криминалистическая техника, криминалистическая тактика, криминалистическая методика, технико-криминалистическое средство, криминалистический прием, криминалистическая рекомендация³.

Обосновывая свое решение проблемы подобным образом, В. Ю. Толстолицкий ссылается на кажущееся ему изменение Р.С. Белкиным его первоначальной позиции, который, будто бы, в своей более поздней работе «Курс криминалистики» к числу категорий криминалистики отнёс только те шесть понятий, о которых речь шла выше⁴.

---

¹ Селиванов, Н. А. Советская криминалистики: система понятий / Н. А. Селиванов. – М., 1982. – С. 3.

² См., напр.: Аверьянова, Т. В. Криминалистика / Учебник для вузов / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская / Под ред. проф. Р. С. Белкина. – 2-е изд. – М., 1999. – С. 43.

³ Толстолицкий, В. Ю. Криминалистическая информатика / В. Ю. Толстолицкий. – Ижевск, 2003. – С. 26–27.

⁴ Там же. – С. 27.

Позиция В. Ю. Толстолицкого представляется нам весьма шаткой. Кроме того, она идет в разрез с реальным положением вещей. Дело в том, что с широкой на узкую точку зрения по затронутому вопросу Р. С. Белкин никогда не переходил. В разделе «Криминалистические категории» указанного курса криминалистики он рассмотрел лишь часть криминалистических категорий, о которых писал ранее, подчеркнув, что в данном случае предметом его анализа избраны «... определения некоторых наиболее важных криминалистических категорий»¹.

В связи с изложенным может возникнуть вопрос о том, насколько обоснованно отнесение тех или иных криминалистических понятий к классу категорий. С формальной точки зрения, ответ на этот вопрос может быть только отрицательным. Все объясняется тем, что в философской трактовке, категории — это наиболее общие понятия, отражающие существенные, всеобщие свойства, закономерные связи и отношения явлений действительности и познания².

Любая категория является результатом логической операции обобщения понятия. В отличие от других общих понятий, имеющих возможность дальнейшего обобщения на пути от разновидности к виду, от вида к роду и так далее, категория — это не обобщаемое далее понятие.

Категория не имеет родового понятия. Она являет собой предел обобщения понятия³. Между тем, все понятия, перечисленные В. Ю. Толстолицким и теми авторами, которых он критикует, являются не только результатом обобщения других понятий, но и сами могут быть обобщены, поскольку являются частями других более широких по объему понятий. Так, криминалистическая техника является одним из видов более общего понятия техники, используемой в уголовном судопроизводстве, а последнее понятие, входит в класс «техника» как элемента системы объектов искусственного происхождения. Если взять понятие «Криминалистическая методика», то трудно не заметить, что это понятие по своему уровню является более низким по сравнению с таким понятием, как «методика». Последнее понятие также не является пределом обобщения, поскольку может рассматриваться в качестве элемента еще более широкого понятия «Предлагае-

---

¹ Белкин, Р. С. Курс криминалистики / Р. С. Белкин. – М., 2001. – С. 187.

² См., напр.: Советский энциклопедический словарь. – М., 1980. – С. 564.

³ См., напр.: Кириллов, В. И. Указ. раб. – С. 45.

мые для использования в уголовном процессе модели действия, поведения, деятельности».

В то же время, если ко всему тому, о чем идет речь, подходить не с позиции формальной логики, а по существу, с позиции содержательного, диалектического и системно-структурного анализа, обнаруживается иная, весьма любопытная картина.

Понимание своеобразия этой картины наступает в случае:

1) рассмотрения изучаемых социальных процессов и явлений в качестве специфических, соответствующим образом организованных системных образований;

2) учета функциональной полисемии систем социальной природы (наличие различных, но в какой-то мере связанных смыслов и (или) значений систем);

3) подхода к системе социальной природы как к некоей целостности, состоящей из совокупности связанных между собой элементов, и в тоже время являющейся элементом другой более сложной и широкой системы;

4) принятия во внимание положения о том, что любая система социальной природы в качестве элемента может входить одновременно в различные другие системы того же класса, играя при этом разные роли.

Переводя эти положения, а также обстоятельно рассмотренные в ряде работ криминалистов¹ принципы системно-структурного анализа², в русло темы настоящего исследования, можно сделать следующие выводы. Во-первых, категории философии как метанауки при всей их методологической значимости не должны чисто механически переноситься в сферу конкретных наук. Более того, в зеркальном от-

---

¹ См., напр.: Жбанков, В. А. Принципы системного подхода в криминалистике и в практической деятельности органов внутренних дел при собирании, исследовании, оценке и использовании доказательств / В. А. Жбанков. – М., 1977; Белкин, Р.С. Курс криминалистики / Р. С. Белкин. – М., 2001. – С. 250–251.

² К числу таких принципов относятся: 1) представление о целостности изучаемой системы и возможности ее расчленения самыми различными способами; 2) в системах особое место занимают связи их элементов - подсистем: совокупность системообразующих связей и их типологическая характеристика приводят к понятию структуры системы; 3) структура (организация) системы может строиться как по горизонтали (связь между однопорядковыми компонентами системы), так и по вертикали (связь между разнопорядковыми компонентами на различных уровнях систем).

ражении одного в другом просто нет никакой необходимости, если, конечно, исследователь рассчитывает получить не декларативный, не умозрительный, а всесторонне обоснованный, объективный результат.

Во-вторых, наряду со всеобщими универсальными категориями философии существует менее общие категории конкретных наук, являющиеся результатом творческого развития, интерпретации первых применительно к предметам конкретных наук¹. В роли категорий конкретной науки, включая криминалистику, выступают не обобщаемые далее в рамках данной конкретной системы научного знания понятия. Будучи элементом, составной частью общенаучного категориального арсенала, категории конкретной науки в то же время образуют относительно самостоятельное, многоуровневое системное образование. Его составными частями являются как общие, так и менее общие категории, т.е. родовые понятия соответствующего уровня, находящиеся в отношении подчинения (субординации). Если общие понятия во всех случаях выступают в качестве категорий, поскольку они являются пределом обобщения в данной конкретной науке, то менее общие понятия имеют основания претендовать на категориальный статус лишь тогда, когда они рассматриваются не в качестве элементов более широких по объему понятий, а исследуются в качестве относительно самостоятельной, целостной системы родового порядка, не обобщаемого в ходе проводимого исследования понятия, служащего в данном случае пределом обобщения других, входящих в него понятий видового уровня.

В-третьих, понятия, рассматриваемые Р. С. Белкиным и его соавторами в качестве категорий криминалистики (криминалистическая техника, криминалистический прием, криминалистическая рекомендация и др.), входят в структуру менее общих криминалистических категорий, поскольку они отражают лишь отдельные стороны, аспекты, элементы предмета данной науки. Рассмотренный выше перечень такого уровня категорий далеко не исчерпывает всего их множества.

---

¹ В материалистической диалектике категории рассматриваются не как раз и навсегда данный, застывший феномен, а как формирующееся и изменяющееся по мере развития знания явление. Изменение знания с необходимостью приводит к вычленению различных фундаментальных понятий, которые приобретают категориальный статус (Философский энциклопедический словарь. М, 1983. – С. 250–251).

В их круг входят как давно сложившиеся, хорошо известные, так и формирующиеся понятия. Однако все они представляют собой лишь один уровень, один тип категорий. Вся же система данных объектов имеет трехуровневую структуру. Первый, наиболее общий уровень (назовем его всеобщим для криминалистической науки) представлен категориями, которые имеют общенаучное значение, отражают явления, процессы, предметы, значимые для всех разделов, отраслей, направлений криминалистики, формируют общую характеристику феномена, определяемого как предмет этой науки. К числу таких категорий относятся, например, понятия следа преступления, следа преступника, механизма следообразования при совершении преступления, криминальной деятельности, криминалистической деятельности, криминалистической технологии, криминалистической версии, уголовно-релевантной информации, уголовно-релевантной инсценировки, противодействия уголовному расследованию.

Второй уровень (уровень особенного) образуют категории отраслевого характера (криминалистическая техника, криминалистическая тактика, криминалистическая методика выявления и расследования преступлений и других уголовно-релевантных событий).

Категориями третьего уровня (уровня отдельного), на наш взгляд, служат понятия, отражающие объекты, изучаемые и создаваемые в рамках отдельных подразделов и направлений упомянутых отраслей криминалистики: криминалистическая баллистика, криминалистическая трасология, тактическая операция, тактический прием, тактика и технология следственного осмотра, криминалистическая характеристика выявления и расследования отдельного вида преступлений и т.д.

Таким образом, одна из ошибок В. Ю. Толстолицкого, на наш взгляд, состоит в том, что он не учитывает различия в иерархии криминалистических категорий, одни из которых относятся к числу общих понятий (всеобщих в контексте данной науки); другие — к категории менее общих понятий применительно к отдельным разделам и направлениям криминалистики; третьи — отражают объекты, играющие роль составляющих вторых. Так, понятие следа относится к категории всеобщего для криминалистики понятия, имеющего одинаково важное значение для всех разделов, отраслей, направлений криминалистики. Менее общей является категория «след трасологического характера».

В свою очередь последнее понятие выступает в качестве более общего, по отношению, например, к такой его внутривидовой составляющей, как следы рук. В точно таком же отношении соподчиненности находятся, например, такие категории, как «Криминалистическое учение о следах», «Учение о следах в криминалистической трасологии», «Учение о следах в криминалистической дактилоскопии».

Как и любая другая наука, криминалистика не может успешно развиваться вне процесса упорядочения формируемых в ее недрах знаний. Научные знания, и это — один из законов развития науки, нуждаются в четком распределении их по тем или иным отраслям и разделам, т.е. в систематизации.

Четкая систематизация категорий криминалистики, дополненная их классификацией, — одно из необходимых условий развития языка данной науки как системы ее общих и частных понятий, выражаемых определениями и обозначениями¹.

Системы криминалистических категорий могут строиться с учетом различных критериев и подходов, в том числе, ориентируясь на общефилософские деления категориального аппарата. С этой точки зрения, представляет интерес деление категорий на парные и непарные.

По мнению В. Ю. Толстолицкого, к числу парных категорий криминалистики следует относить шесть упомянутых ранее понятий: криминалистическую технику, криминалистическую тактику, криминалистическую методику, технико-криминалистическое средство, криминалистический прием, криминалистическую рекомендацию². Комментируя данное рассуждение, не имеющее строгой научной аргументации, нельзя не заметить уязвимости его для критики по ряду моментов. Первое и главное наше замечание касается того, что указанным автором не учтено своеобразие парных категорий.

В переводе с греческого языка, слово «пара» обозначает возле, мимо, вне³. В русском языке под определением «парный» понимается объект, составляющий пару. Парой же называются два объекта (предмета), употребляемые вместе и составляющие одно, сложное

---

¹ Белкин, Р. С. Курс криминалистики / Р. С. Белкин. – М., 2001. – С. 182–183.

² Толстолицкий, В. Ю. Указ. раб. – С. 27–28.

³ Советский энциклопедический словарь. – М., 1980. – С. 976.

целое¹. (Например, влюбленная пара, парное катание на коньках). Перечисленные выше понятия криминалистики в отношении парности не находятся. Они представляют собой эклектическое соединение разнопорядковых явлений. (Так, понятие «техническо-криминалистическое средство» является элементом более широкой системы, называемой криминалистической техникой. То же самое можно сказать и о криминалистическом приеме как о составляющем системы более высокого порядка, т.е. криминалистической тактики).

Поэтому В. Ю. Толстолицкому, очевидно, было бы правильной воспользоваться иной терминологией и то, что он называет парными категориями, рассматривать как возможные элементы парных категорий. (При этом, если взять, например, такую категорию, как криминалистическая техника, то парными по отношению к этому понятию могут быть криминальная техника или оперативно-розыскная техника).

Как парные, так и не парные категории криминалистики могут подразделяться на группы, исходя из степени их общности, на родовые, видовые и внутривидовые. Логической основой еще одного варианта деления и систематизации категорий криминалистики также может служить традиционное деление криминалистики на теорию, криминалистическую технику, криминалистическую тактику и криминалистическую методику расследования преступлений.

Юристам хорошо известно, что как и многие законы, относящиеся к сфере борьбы с преступностью, так и науки уголовно-правового цикла подразделяются на общую и особенную части. Данный подход вполне применим и к систематизации криминалистического научного знания, в том числе и для классификации и систематизации парных и иных категории криминалистики².

Классификация и систематизация криминалистических категорий могут осуществляться и с учетом логического деления понятий на сравнимые и несравнимые, а деление сравнимых понятий на совместимые и несовместимые.

---

¹ Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М., 1973. – С. 450–451.

² Подробнее об этом см.: Образцов, В. А. Криминалистическая дидактика: вчера, сегодня, завтра / В. А. Образцов // Труды МГЮА. – 1997. – С. 123–132; Криминалистика / Под ред. В. А. Образцова. – М., 1999. – С. 19, 381.

Значительный интерес для криминалистики, как и других наук уголовно-правового цикла, имеет диалектическое деление категорий на соотносительные и несоотносительные.

«Парные соотносительные категории, — пишет философ Л. В. Славнова, — сами выступают в качестве неосновных законов диалектики, а потому имеют важнейшее значение для раскрытия диалектики объективного мира и использования научных знаний в преобразовании действительности»¹.

В том же духе высказывается и юрист В. Ю. Толстолицкий, говоря о том, что соотносительные криминалистические категории закономерно возникают для того, чтобы разделить суждения, относящиеся предмету криминалистики как к идеальному отражению практической деятельности и как к самой практической деятельности непосредственно, что, в частности, способствует отграничению понятия, отражающих практическую деятельность, от сходных понятий, относящихся к научной деятельности².

Примером парных соотносительных категорий служат такие общеизвестные понятия, как пространство и время, причина и следствие, количество и качество, необходимость и случайность, содержание и форма, сущность и явление, возможность и действительность. Все эти категории являются предметом исследования, интерпретации, использования в нормотворческой деятельности, в различных отраслях юридической науки и в судебной практике. Особенно большое внимание в нормах права, в теории доказательств, в правовой и криминалистической литературе уделяется пространственно-временным отношениям.

В системе правовых и криминалистических продуктов (результатов) интерпретации категорий времени и пространства «пальма первенства» по значимости и частоте встречаемости принадлежит таким важным понятиям, какими являются место и время преступления. Приоритет данных категорий случайным назвать нельзя. Как показывают оперативно-розыскная и следственная практика, без получения ответа на вопрос о месте и времени расследуемого преступления, субъектами уголовного преследования исключительно трудно, а зачастую просто невозможно установить другие обстоятельства дела

---

¹ Славнова, Л. В. Категории материалистической диалектики / Л. В. Славнова // Диалектический материализм. — М., 1974. — С. 177.

² Толстолицкий, В. Ю. Указ. раб. — С. 28–29.

и преступника. И наоборот, точное знание места и времени исследуемого по делу деяния создает базу, точки отсчета, опираясь и ориентируясь на которые идет процесс обнаружения носителей информации, овладения информацией и ее реализации в поисково-познавательных целях.

Исходя из целей нашего исследования, следует специально остановиться на такой подсистеме парных категорий криминалистики, как несовместимые понятия, находящиеся в отношении противоположности. В логике понятия данной группы называются противоположными (контрарными). Иначе говоря, несовместимые противоположные понятия содержат признаки, исключающие совпадение их объемов. Для двух противоположных понятий характерно то, что их объемы в сумме составляют лишь часть объема общего для них родового понятия, видами которого они являются и которому они соподчинены, (соподчиненными называются понятия, находящиеся в отношении подчинения к общему для них понятию)¹. Так, если в качестве родового взять понятие государство, то такие виды понятий (парных категорий) как дружественное государство и враждебное государство выступают в роли противоположных (контрарных) понятий. Объем этих понятий в своей совокупности составляют лишь часть объема общего для них понятия «государство», поскольку за пределами этой части находится понятие так называемого нейтрального государства.

С каких же позиций следует подходить к проблеме систематизации и классификации криминалистических категорий данной группы? Думается, что, как и при решении такого же вопроса в отношении других понятий, и в этом случае могут использоваться различные основания. С точки зрения определения характера, круга и особенностей таких оснований, на наш взгляд, наилучшие перспективы открываются на базе применения так называемого деятельностного подхода, разработанного в теории человеческой деятельности². Именно

---

¹ См. например: Кириллов, В. И. Логика / В. И. Кириллов, А. А. Старченко. – М., 2004. – С. 30

² См., например: Каган, М. С. Человеческая деятельность (опыт системного анализа) / М. С. Каган. – М., 1974; Юдин, Э. Г. Системный подход и принцип деятельности / Э. Г. Юдин // Методологические проблемы современной науки. – М., 1978; Кветной, М. С. Человеческая деятельность: сущность, структура, типы (социологический аспект) / М. С. Кветной. – Саратов, 1974.

этому подходу как основополагающему принципу изучения социальных систем, структур, процессов и явлений в новейшей истории отечественной криминалистики придается все больше значения.

И это не случайно. Традиционно криминалистика своим предметом обращена к двум диаметрально противоположным системам: к криминальной (преступной) деятельности и в антикриминальной деятельности субъектов уголовного преследования (органов дознания, дознавателей, следователей, прокуроров). Понятия криминальной и антикриминальной деятельности относятся к числу базовых, родовых, необобщаемых в криминалистике понятий, т.е. парных категорий наиболее общего уровня, находящихся в отношении противоположности. Можно смело утверждать, что все то позитивное, что достигнуто криминалистами за почти полуторовековой опыт их исследований, все достижения в области криминалистического научного знания обязаны плодотворному изучению явлений, отражаемых указанными категориями¹.

Как мы уже писали, именно они, эти две категории, выступая в качестве интегративной системы и первоисточника происхождения многих других криминалистических понятий, в то же время играют роль системообразующего фактора, вокруг которого группируется сеть производных от них понятий категориального уровня. В силу этого они вполне могут рассматриваться в качестве логической базы систематизации парных противоположных категорий и других понятий криминалистики. Объективные предпосылки для успешного продвижения в этом направлении вытекают из эмпирически установленного и теоретически объясненного факта изоморфности, сходства с необходимостью присутствующего в любом виде человеческой деятельности элементарно-компонентного состава. Типовая модель этого состава предполагает наличие следующих составляющих:

1) субъекта (субъектов); 2) предмета (познаваемые, создаваемые, преобразуемые, реализуемые объекты); 3) цели и задач; 4) мотивы

---

¹ Бертовский, Л. В. О некоторых нетрадиционных понятиях и направлениях исследования в криминалистике / Л. В. Бертовский, В. А. Образцов // «Черные дыры» в Российском законодательстве. – 2004. – № 3; Андреев, С. В. Парные категории в криминалистике и в практике выявления и раскрытия преступлений / С. В. Андреев, Л. В. Бертовский, В. А. Образцов // Криминалистические чтения, посвященные 100-летию со дня рождения профессора Б. И. Шевченко. – М., 2004. – С. 41–45.

вазии; 5) средств (приемы, методы, устройств, приспособления, технологии, информация и т.д.) решения задач на пути к достижению цели; 6) процесса (процедуры) реализации средств; 7) обстановки, в которой осуществляется деятельность (объекты окружающей материальной среды, их характеристики, связи и отношения); 8) пространственно-временных, природно-климатических, социальных, психологических, экономических параметров места действий; 9) достигнутых результатов как воплощения цели в жизнь; 10) отражательных процессов, механизмов образования следов деятельности и ее последствий.

Сходные по форме и родовой принадлежности компоненты присущи и отдельным элементам системы деятельности. Так, если предмет преступления могут быть и материальные, и нематериальные объекты (люди, вещи, информация и т.д.), то точно такого же характера объекты являются предметом правоприменительной практики. Сказанное в равной мере относится и к средствам совершения преступлений и к средствам практики расследования последних (способам действий, информации, техническим средствам и т.д.). Содержательные отличия элементов и компонентов обеих этих систем, можно образно обозначить знаком плюс для познающей системы, как одобряемой обществом и государством правоприменительной деятельности, и знаком минус для преступной деятельности — как познаваемой в уголовном процессе системы.

В свете сказанного, можно заключить, что систематизация противоположных парных категорий может быть осуществлена применительно в сопоставимым элементам структуры криминальной и антикриминальной (криминалистической) деятельности. Данные элементы (субъект, предмет деятельности и т.д.) не следует путать с элементами парных категорий, в роли которых, выступают понятия, являющиеся составными частями тех или иных парных противоположных категорий типа преступник-следователь, средство сокрытия преступления средство выявления преступления и т.п. Последние, т.е. элементы парных категорий криминалистики, пока еще не сведены воедино, не упорядочены. Они разбросаны по различным разделам, теориям, концепциям и другим продуктам научного творчества специалистов криминалистического профиля. Поэтому для того, чтобы составить о них хоть какое-то представление, следует обратиться для начала к анализу устоявшихся, так сказать, ходовых, наработанных

понятий и попытаться выделить из них ту часть, которая соответствует критериям рассматриваемой группы категорий. Примеров таких, претендующих на статус традиционных пар, достаточно. Они как бы лежат на поверхности. Вот некоторые из них: 1) криминалистическая характеристика преступления и криминалистическая характеристика расследования преступления; 2) криминальная тактика и криминалистическая тактика; 3) способы совершения преступлений и способы (методы) выявления и раскрытия преступлений; 4) криминальная ситуация и криминалистическая ситуация; 5) криминальная информация и криминалистическая информация; 6) криминальная техника и криминалистическая техника. Но прервем этот список и посмотрим на те области криминалистики, которые находятся в стадии становления. И здесь примеры далеко не единичны: 1) криминальная инсценировка и криминалистическая инсценировка; 2) криминальный продукт и криминалистический продукт; 3) криминальное дезинформирование и криминалистическое дезинформирование и т.д.¹

Завершая анализ затронутых вопросов, следует констатировать, что, к сожалению, до самого последнего времени проблема парных категорий криминалистики не привлекала должного внимания представителей данной области научного знания. И сегодня эта тема еще не значится в перечне основных направлений научных исследований. Между тем она представляется достаточно актуальной и, прежде всего, с точки зрения перспектив дальнейшего развития теории и совершенствования технологий и методов реализации прикладной, практической функции криминалистики. Если говорить более конкретно, результаты дальнейшего теоретического осмысления проблемы парных категорий в криминалистике, на наш взгляд, могут способствовать:

1) углублению, укреплению философских, гносеологических

---

¹ Подробней об этом. см., например: Образцов, В. А. Криминалистическая дезинформация как средство выявления и расследования преступлений / В. А. Образцов // Актуальные вопросы теории и практики раскрытия преступлений. – Тула, 2004. – С. 33–36; Он же. Инсценировка в криминальной, оперативно-розыскной и следственной практике. – Якутск, 2005; Бертовский, Л. В. Криминальный продукт как элемент криминалистической характеристики преступлений в сфере производства / Л. В. Бертовский, В. А. Образцов // Сибирские криминалистические чтения. – Иркутск, 2004; Кручинина, Н. В. Проблемы теории и практики проверки достоверности уголовно-релевантной информации в досудебном процессе / Н. В. Кручинина. – М., 2003.

основ борьбы преступностью средствами и методами криминалистики;

2) совершенствованию методологического и методического инструментария криминалистических научных исследований;

3) выявлению и устранению «черных дыр» и «белых пятен» в системе криминалистического знания, что, в частности, становится возможным на основе сравнительного анализа противоположных парных категорий, отражающих реалии, связанные с криминальной и антикриминальной практикой;

4) уточнению, обновлению, обогащению, систематизации понятийного аппарата криминалистики, а значит и всей системы данной науки.

Н. Н. Кутаев

«КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ АСТРОЛОГИЯ» В РАСКРЫТИИ СЕРИЙНЫХ УБИЙСТВ — РАЗНОВИДНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ШАРЛАТАНСТВА

XX век придал человечеству уверенность в том, что возможности современной науки безграничны, что для нее нет ничего недоступного. Вместе с тем в конце XX — начале XXI вв. у значительной части общества стали формироваться представления об окружающем мире, его прошлом, настоящем и будущем в терминах, более присущих средневековому, нежели современному мышлению. В особой степени это явление стало типичным для современной России, где в результате резкой смены общественного строя и крушения коммунистической идеи образовался идеологический вакуум. Российское общество стало обращаться к архаическим ценностям, а народное сознание, как и сознание политических руководителей, подобно тому, как это имело место в России в конце XIX — начале XX вв., стало сильно мифологизировано¹.

Так, в нашей стране широко распространилась вера в астрологические прогнозы. Главный тезис астрологов состоит в том, что распо-

---

¹ Финкельштейн, А. М. Наука: вызовы природы и общества / А. М. Финкельштейн // В защиту науки. Бюллетень № 2. — М., 2007. — С. 88; Гальцев, С. И. Новые методы практического изучения оккультизма / С. И. Гальцев. — Пг., 1915. — С. 1–3.

ложение созвездий и планет в момент рождения ребенка определяет характер и будущую жизнь индивида. Существовая на протяжении тысячелетий, астрология вначале предшествовала астрономии, которая ныне стала высокотехнологической наукой, использующей самые передовые наземные и космические технологии, самые современные физические теории и самые изощренные математические методы. На этом фоне астрология продолжает оставаться древнейшим суеверием, разновидностью мантики (магического гадания)¹.

Предполагается, что первичные астрологические верования зародились более 30 тысяч лет назад², однако книги, на содержании которых зиждется современная астрология, написаны во втором веке нашей эры. Греческий ученый Клавдий Птолемей, живший в то время в Египте, создал «Альмагест» — свод астрономических познаний древних ученых. Он же написал «Тетрабиблос» («Четырехкнижие»), основанное на веровании вавилонских жрецов в то, что планеты, которым были присвоены имена богов, определяют судьбы человечества.

В книгах Птолемея мифология древней Вавилонии была заменена греческим (а затем и римским) эквивалентом. Бог войны Нергал стал Аресом (Марсом), Нинутра, владыка бурь, превратился в Кроноса (Сатурна) — это были силы зла. Иштар, богиня любви и плодородия, была заменена Афродитой (Венерой), а всемогущий Мардук — Зевсом (Юпитером). Венера и Юпитер олицетворяли добрые силы.

Когда Птолемей создавал свою систему, наблюдать можно было только пять планет, Солнце и Луну. Остальным планетам, открытым впоследствии, специфические характеристики приписали более поздние звездочеты. Астрология сейчас представляет собой скорее интерпретацию символов, чем изучение движения планет, причем эти символы относятся к тому небосводу, каким он был почти две тысячи лет назад³.

---

¹ Гуили, Р. Э. Энциклопедия ведьм и колдовства / Р. Э. Гуили. – М., 1998. – С. 30–32.

² Бержье, Ж. Тайные хозяева времени / Ж. Бержье. – М., 1998. – С. 15; Владимирский, Б. М. Космическая погода и наша жизнь / Б. М. Владимирский Н. А. Темурьянц, В. С. Мартынюк. – Фрязино. – 2004. – С. 180–183.

³ Шахнович, М. И. Современная мистика в свете науки / М. И. Шахнович. – М.-Л., 1965. – С. 80–85.

Предсказания нынешних астрологов основываются не на фактическом движении планет в настоящее время, а на их расположении в небесах во времена Птолемея. За многие столетия положение Земли относительно планет значительно изменилось, но лишь немногие современные астрологи это учитывают. Хотя планеты находятся на различном расстоянии от Земли, им приписывают одинаковое влияние.

Все изложенное свидетельствует, что современная астрология ничего общего с наукой не имеет. Еще около 30 лет назад в американском журнале «Гуманист» было опубликовано обращение 186 ведущих ученых, среди которых 18 лауреатов Нобелевской премии: «Астрологи, как правило, всегда шарлатаны, и тот, кто верит их предсказаниям, становится добровольной жертвой и обвинять может только самого себя»¹.

Академики Е. Б. Александров, В. Л. Гинзбург, Э. П. Кругляков, В. Е. Фортов сообщают: «Наиболее убедительные аргументы против астрологии получены английскими учеными, приступившими к эксперименту еще в марте 1958 г. и продолжающими его до сих пор.

Ученые выбрали для своего эксперимента младенцев, родившихся с интервалом менее минуты (так называемых «временных близнецов»), и вели над ними многолетние наблюдения. Всего изучалось свыше 2 000 человек. Наблюдения велись за состоянием здоровья, родом занятий, семейным положением, уровнем интеллекта, способностью к искусству, спорту, математике, языкам и т.д. Всего учитывалось свыше сотни параметров.

Как и следовало ожидать, никакого сходства «временных близнецов» не было обнаружено. Они оказались столь же отличны друг от друга, как и люди, родившиеся в разное время под любыми другими созвездиями. Как видим, эксперимент убедительно демонстрирует несостоятельность астрологии даже людям, не обремененным глубокими научными познаниями»².

В контексте сказанного представляется небезынтересным обратиться к теме — «Астрология и раскрытие серийных убийств». Апологетом такого «нетрадиционного» подхода выступает известный

---

¹ Гинзбург, В. Л. Назад, в пещеры, можно вернуться и с карманными компьютерами / В. Л. Гинзбург // В защиту науки. Бюллетень № 1. – М., 2006. – С. 51.

² Александров, Е. Б. Астрология добралась до правоохранительных органов / Е. Б. Александров, В. Л. Гинзбург, Э. П. Кругляков, В. Е. Фортов // Известия. – 2003. – 25 октября.

юрист. Вот что пишет об этом академик Э. П. Кругляков, возглавляющий комиссию Российской академии наук по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований: «...Доктор юридических наук, сотрудник НИИ МВД Е. Г. Самовичев, судя по всему, свято верящий в астрологию, объяснял, почему серийные убийства подолгу не раскрываются. Вот его логика: «Сложность раскрытия этих преступлений обусловлена, в частности, защищенностью этих программ (имеется в виду, что некая программа судьбы запускается в момент рождения человека — Э.К.) от внешнего воздействия, так что преступник оказывается доступным для задержания и изобличения практически тогда, когда заканчивается время «работы» его криминальной программы». Очень удобная позиция для работника МВД: ловить преступника безнадежно, ибо его «программа» защищена. Г-н Е. Самовичев — человек с вполне добротным образованием, и проповедует такую дикость! Между прочим, работники прокуратур не раз обращались ко мне со своими сомнениями по поводу использования в следственных действиях астрологов и экстрасенсов. А вот у г-на Самовичева никаких сомнений нет! А ведь по поводу лживости астрологии и ее адептов написано немало, с надежными доказательствами»¹.

Цитата, приведенная Э. П. Кругляковым, содержится на странице 81 сборника тезисов научно-практического семинара, прошедшего 24–25 мая 1994 г. в Москве по инициативе ВНИИ МВД РФ. Сборник вышел мизерным тиражом в 200 экземпляров, но оттого, что с ним ознакомились такие авторитеты российской криминалистики, как Р. С. Белкин и А. М. Ларин, содержание сборника стало широко известно читающим юристам. Доклад Е. Г. Самовичева содержал утверждения, что при анализе нескольких десятков умышленных убийств «использовалась система методов космобиоритмологического анализа, наибольшее развитие получившая в астрологических исследованиях»².

Когда Е. Г. Самовичев защищал кандидатскую, а затем и докторскую диссертации, он в разделе «методология исследования» на-

---

¹ Кругляков, Э. П. «Ученые» с большой дороги – 2 / Э. П. Кругляков. – М., 2006. – С. 232.

² Самовичев, Е. Г. Временные характеристики криминального события как источник информации о личности виновного // Нетрадиционные методы в раскрытии преступлений. Под ред. Е. Г. Самовичева. – М. – 1994. – С. 79–81.

верняка указывал общий метод познания объективной действительности — материалистическую диалектику, а не «оккультизм». Но в начале 90-х годов минувшего столетия волна древних суеверий захлестнула не только страницы российских СМИ, отголоски архаичного шарлатанства проникли и в научные издания. В то же самое время астрологи появились в российском министерстве обороны, и даже в руководстве охраны президента России (генерал Г. Рогозин). Последний «обожал астрологию и договорился до того, что на август 1999 г. пообещал ядерную войну»¹.

На фоне этих магических «изысканий» ответственных должностных лиц России доктор юридических наук Е. Г. Самовичев смотрится весьма скромно. Вначале он публикует свою статью, посвященную «астрологической криминалистике» серийных убийц по сексуальным мотивам в специфическом псевдонаучном издании², а в следующем году выступает на данную тему на всероссийской научной конференции, где, в частности, заявляет: «Время наступления насильственной смерти определено связано с датой рождения потерпевшего;

— в случае точного установления личности потерпевшего метод позволяет уточнить и время наступления смерти, когда оно не может быть точно установлено традиционными судебно-медицинскими методами;

— знание общей продолжительности жизни потерпевшего и момента наступления смерти позволяет принципиально определить мотивацию преступных действий, сочетание в ней корыстных, собственно насильственных, сексуальных, а также патологических побуждений;

— принципиально возможно получить ответ на вопрос о взаимоотношениях виновного и потерпевшего (знаком — не знаком, член семьи, родственник, чужой);

— в некоторых случаях удастся установить возраст виновного (в годах)...

Сопоставление дат рождения серийных убийц и дат совершенных ими преступлений показывает существование закономерных от-

---

¹ Кругляков, Э. П. «Ученые» с большой дороги-2» / Э. П. Кругляков. – М., 2006. – С. 232.

² Самовичев, Е. Г. О некоторых астрологических показателях сексуального садизма / Е. Г. Самовичев // Российская астрология. – 1993. – № 2.

ношений между ними по ограниченному набору моделирующих периодических функций и их значений»¹.

Если бы в юриспруденции присуждалась Нобелевская премия, то, несомненно, она по праву должна была бы принадлежать Е. Г. Самовичеву. На тему определения времени наступления смерти защищено в мире более 150 диссертаций (!) по судебной медицине, но проблема продолжает существовать. О взаимосвязи мотивации действий убийцы с продолжительностью жизни потерпевшего криминалисты нашей планеты, определенно, не подозревали до выхода в свет публикации Е. Г. Самовичева. Однако надлежит отметить — эта информация с 60-х годов XX в. содержится в публикациях астролога из США Эдны Роулэнд, что вполне могло стать известно Е. Г. Самовичеву. А в 1998 году в России издана книга Э. Роулэнд, написанная в соавторстве с Сандрой Харрисон Янг, опубликовавшей несколько десятков популярных работ по серийным убийцам США². Сравнение содержания данной работы с публикациями Е. Г. Самовичева показывает полное заимствование идей из книги американских авторов, не претендующей на научный труд, изданной, как «популярное издание».

Комментируя данные «изыскания» Е. Г. Самовичева, академик Э. П. Кругляков справедливо отмечает: «Большей глупости придумать нельзя... Если задуматься всерьез, серийными убийцами должны стать люди, родившиеся в определенный день под определенными созвездиями, при определенном расположении планет. В мире в день рождается около 300 тыс. человек. И все они должны быть серийными убийцами. Вы можете себе представить, чтобы было такое количество серийных убийц в мире? На нашу страну, кстати, придется не так уж мало: около 7500 серийных убийц! Но нет этого на самом деле»³.

Если же учесть, что даты рождения серийных убийц самые разные, то астрологическая связь здесь вообще — мнимая величина, в противном случае нашу планету заполнили бы серийные убийцы,

---

¹ Самовичев, Е. Г. Временные характеристики криминального события как источник информации о личности виновного / Е. Г. Самовичев // Нетрадиционные методы в раскрытии преступлений. – М., 1994. – С. 80–81.

² Янг, С. Х. Обреченные на убийство / С. Х. Янг, Э. Роулэнд. – М., 1998.

³ Кругляков, Э. П. «Ученые» с большой дороги-2 / Э. П. Кругляков. – М., 2006. – С. 268.

уничтожающие друг друга. Недаром американские пропагандисты «криминалистической астрологии» вынуждены признать: «Конечно, если бы поведение человека целиком зависело от расположения звезд, достаточно было бы составить на каждого астрологическую карту, чтобы узнать, станет он убийцей или нет. К сожалению, это не так»¹.

Показательно, что год спустя после публикации своих астрологических тезисов по раскрытию серийных убийств тот же Е. Г. Самовичев опубликовал свою новую статью уже в серьезном закрытом периодическом издании, выпускающемся главным штабом МВД РФ. Здесь этот автор, именуемый заместителем начальника отдела ГУУР МВД России, ссылается на «изучение архивных уголовных дел» по 21 серийному убийце, осужденных в основном, в советское время. Читателям представлены три таблицы взаимосвязей признаков криминального события и предполагаемого виновного. Здесь не упоминается никакой астрологии, а речь идет про «использование ориентирующих сведений о лицах, осужденных за аналогичные преступления». Статья завершается сдержанным выводом: «Построенный таким образом «портрет» предполагаемого преступника имеет ориентирующее значение и может быть использован при разработке поисковых версий, планировании и проведении расследования преступлений и розыска преступника»². Как видим — никаких сенсационных заявлений, звучавших годом ранее. Очевидно Е.Г.Самовичев понимал, что астрология по вполне понятной причине не может быть пропагандирована в столь серьезном издании.

Тема несостоятельности «криминалистической астрологии» уже была предметом нашего внимания³, однако мы почти не затрагивали аспекты возможного раскрытия серийных убийств с помощью «магических технологий». Появление подобных призывов и рекомендаций заставило автора высказать в настоящей публикации свое мнение, полностью созвучное с критическим отношением известных крими-

---

¹ Янг, С. Х. Обреченные на убийство / С. Х. Янг, Э. Роулэнд. – М., 1998. – С.9.

² Самовичев, Е. Г. Серийные убийства: поисковые признаки преступников / Е. Г. Самовичев // Оперативно-розыскная работа. – 1995. – № 4. – С. 41–52.

³ Китаев, Н. Н. Правовые аспекты древнего суеверия (астрология в наше время) / Н. Н. Китаев // Закон и жизнь. (Республика Молдова). – 2004. – № 7; Китаев Н. Н. Живучесть ложных представлений / Н. Н. Китаев // Законность. – 2005. – № 1.

налистов минувших эпох к попыткам внедрения оккультизма в практику изобличения преступников¹.

Н. В. Карепанов

Г. Н. Карепанов

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ. ПОРЯДОК ПОСТРОЕНИЯ, ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ЕГО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ И СУЩЕСТВЕННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ

Для построения классификации преступлений важно определить его логический порядок. Думается, что в упрощенном виде он выглядит следующим образом:

1. Выделить признаки делимого понятия, его элементы, определить степень их существенности.

2. Выбрать основание деления, классификации делимого понятия.

3. Выявить все члены деления классификации делимого понятия, определить все существующие уровни и подуровни классификационной системы.

Исходя из такого порядка, основанного на классических правилах логики, мы попытаемся исследовать часть вопросов криминалистической классификации преступлений, а именно, два первых, самых важных, этапа построения.

Любое понятие, как логическая категория, представляет собой результат обобщения множества однородных предметов по их наиболее важным, существенным свойствам. Понятие — это форма мышления, отражающая предметы и явления в их существенных признаках. В логической науке признак предмета — это его свойство, состояние. Признаки, необходимо присущие предмету и выражающие его сущность, являются существенными. Если существенные признаки исчезают, предмет перестает быть данным предметом.

Понятие неразрывно связано с основной языковой единицей — словом. Многозначность слов нередко приводит к неопределенности

---

¹ Шнейкерт, Г. Тайна преступника и пути к ее раскрытию / Г. Шнейкерт. — М., 1925. — С. 56–60.

мышления, к смешению понятий, а, следовательно, к ошибкам в практической и научной деятельности.

Понятие «преступление», выработанное правовыми науками, образовано в результате отвлечения от индивидуальных свойств конкретных преступлений и обобщения их существенных свойств (или признаков).

Содержанием понятия «преступление» является совокупность существенных признаков преступления: общественно опасный характер деяния, противоправность, виновность, наказуемость. В уголовном праве употребляется понятие «состав преступления». Состав преступления — это совокупность объективных и субъективных признаков, при наличии которых общественно опасное деяние признается определенным преступлением. С логической точки зрения состав преступления равнозначен содержанию понятия «преступление».

Для нашего исследования необходимо, прежде всего, определиться, необходимо ли использовать уже существующие в уголовном праве понятия (определения) или следует образовывать новые криминалистические трактовки делимого понятия, выделяя иные криминалистически значимые существенные признаки.

Понятие «преступление» выработано юридической наукой и, прежде всего, уголовным правом. В статье 14-й современного уголовного кодекса «преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания». Казалось бы, что за тысячелетия существования уголовного права основное его понятие должно было давно стать отточенным. На деле это далеко не так.

Одним из загадочных свойств правовой науки является то, что ее коренные и органические понятия все время совершенствуются и, никогда не костенеют настолько, чтобы стать аксиомами.

В любом случае в уголовном праве в наиболее общем виде преступлением признается запрещенное уголовным законом осознанное и волевое действие (бездействие) человека.

Данное определение понятия преступления носит сугубо формальный характер и порождает проблем значительно больше, чем их решает. Поэтому уже криминалисты начала XIX века искали новые материальные признаки преступления, чтобы объяснить, почему одни действия государство разрешает или даже поощряет, а другие —

преследует уголовными карами¹. А. Н. Трайнин правильно отметил, что в формальном определении даны не признаки уголовного права, а сформулировано отношение к ним со стороны закона, поэтому его нельзя назвать определением в полном смысле этого слова².

Суть этого важного вопроса заключается в том, чтобы решить, в самом ли уголовном праве, в тексте ли закона или же вне их заложен существенный признак преступления. Иными словами, является ли он юридическим или мета — юридическим³.

Поиск материального признака преступления должен начинаться с того, что его следует искать не в самом уголовном праве, а вне него. Преступлением может быть признано не всякое действие, которое желает сделать таковым уголовное право; его природа коренится в отношениях, существующих в самом обществе, в его строе, в его базисных и надстроечных явлениях.

Таким образом, в уголовном праве существенными признаками понятия «преступление» являются:

1. Действие (бездействие) человека.
2. Осознанность этого деяния.
3. Существенная общественная опасность такого поступка.
4. Противоправность деяния (запрещение уголовным законом).

Вместе с тем, в уголовном праве существует и другое понятие - «состав преступления». Как мы уже писали ранее, с логической точки зрения состав преступления равнозначен содержанию понятия «преступление». То есть, это тоже совокупность существенных признаков преступления. В этом случае следует выяснить соотношение существенных признаков понятий «состав преступления» и «преступление».

Учение о составе преступления наряду с учением о преступлении является основой уголовного права. Как свидетельствует история уголовного права, понятие состава преступления возникло в конце XVIII века, когда оно стало выражать совокупность характерных признаков преступных деяний. Состояние современного уголовного законодательства таково, что без понятия общего состава преступления

---

¹ Ковалев, М. И. Понятие и признаки преступления и их значение для квалификации / М. И. Ковалев. – Свердловск, 1977. – С. 19.

² Трайнин, А. Н. Понятие преступления / А. Н. Трайнин // Право и жизнь. – 1925. – № 10. – С. 68.

³ Ковалев, М. И. Указ. раб. – С. 20.

и без уяснения перечня признаков, его составляющих, успешное применение норм Особенной части к конкретным преступным действиям затруднительно.

К общему составу преступления обычно относятся следующие признаки:

1. Объект преступления.
2. Объективная сторона деяния.
3. Субъект преступления.
4. Субъективная сторона деяния.

Однако законодатель уделяет особое внимание только объективной стороне состава преступления. Ее он почти всегда описывает детальнее, чем все остальные элементы, ибо именно в действии заключается суть общественно — опасного поведения, оно содержит квинтэссенцию общественной опасности, причиняет объекту ущерб и нарушает правопорядок. Именно по характеру действия поступки людей отличаются друг от друга. Мысленная деятельность — это процесс, недоступный обыденному контролю окружающих лиц и может быть постигнут ими лишь в тот момент, когда мысль, заряженная волей, начнет проявлять себя посредством действия.

Почти во всех диспозициях отсутствует прямое указание на непосредственный объект преступления. Почти нет упоминания о субъекте преступления. О субъективной стороне часто приходится лишь догадываться по едва уловимым намекам законодателя¹.

Впрочем, этого и не требуется. В Особенной части уголовного кодекса при обрисовке составов преступлений абсолютно незачем описывать все без исключения признаки состава. Наиболее общие из них помещены в Общую часть.

В действительности же практическую роль играет конкретный состав преступления, в котором законодатель указывает, какие признаки согласно его властной воле характерны для той или иной группы преступлений. Иными словами, состав преступления и есть то конкретное, что позволяет различать отдельные преступления между собой, взвешивать и определять степень общественной опасности каждого из них, устанавливать их специфические признаки.

Если понятие преступления интегрирует преступления, указывая на общий признак, присущий им всем, то состав преступления, дифференцирует их, разделяя на определенные виды.

---

¹ Ковалев, М. И. Указ. раб. – С. 58.

Что касается соотношения научного понятия «преступление» и его содержания в виде «состава преступления», следует сделать вывод о возможном полном совпадении их величин.

Во-первых, существенная общественная опасность деяния, выраженная в его противоправности (существенные признаки определения понятия «преступление»), полностью отражают и объективную сторону, поскольку все они указаны в уголовном законе, в его Общей и Особенной частях.

Действие (бездействие) как существенный признак понятия «преступление» есть ни что иное, как объективная сторона преступления, как элемент его состава.

Осознанность деяния и субъективная сторона преступления — идентичные понятия в аспекте нашего анализа.

Таким образом, существенными признаками понятия «преступление», его содержанием альтернативно являются и признаки, элементы понятия «состав преступления». Для дальнейших логических операций с понятием преступления можно и нужно пользоваться равнозначно обеими величинами. Нам, как и уголовно — правовой науке, представляется наиболее удобным оперировать с элементами состава преступления как наиболее четко сформулированными и удачно структурно разделенными.

Прежде чем решить, принять ли уголовно — правовое понятие преступления для криминалистического деления (классификации), или необходимо определить это понятие через призму науки криминалистики, или выбрать иное понятие в качестве делимого для наших целей, обратимся к опыту других наук, активно использующих понятие «преступление». Таких наук, кроме криминалистики, немного: уголовно — процессуальная наука и криминология.

Уголовно-процессуальная наука не вырабатывает своего определения преступления, а полностью использует уголовно правовую трактовку, поскольку, собственно является процессуальной частью уголовного права.

В криминологии понятийный вопрос термина «преступление» решается не так просто, но достаточно ясно. Криминология — это наука о преступлении, в широком смысле — о преступности. Это социальная наука, изучающая преступность, ее причины, личность преступника, организационно профилактические воздействия на преступность. Одним из предметов изучения криминологии является

преступность — социальное и уголовно-правовое явление в обществе, представляющее собой совокупность всех преступлений. К определению понятия и характеристики преступности применяются различные подходы: правовой, социологический, философский, биологический.

Вместе с тем применение каждого из указанных подходов в отдельности обладает определенными недостатками, вследствие чего для анализа явления преступности требуется комплексный подход к ее изучению.

Преступность — социальное и уголовно-правовое явление, которое выражается во множестве совершенных и совершаемых преступлений.

Как мы видим в криминологии основной предмет науки «преступность» определяется через понятие «преступление», которое никак не трансформируется, а принимается целиком от уголовно-правовой науки.

Криминология тесно взаимодействует с уголовным правом. Уголовно-правовая теория и основанный на ней уголовный закон дают юридическую характеристику преступлениям и преступникам, которые обязательны для криминологии.

Мы выяснили, что другие науки, использующие в своих исследованиях понятие «преступление» не дают своего специфического определения этому понятию, а полностью принимают его уголовно-правовое толкование. Разумно рассудить, что и криминалистическая наука вправе поступить также. Вместе с тем, применение аналогии в данном вопросе сомнительно. Следует выявить в понятии «преступление» криминалистические признаки и определить будут ли они существенными или нет. Для этого мы будем исходить из определения самой науки криминалистики.

В наиболее общем (для нас приемлемом) виде *криминалистика — это наука об организации планомерного расследования преступлений, и эффективном обнаружении, собирании и исследовании следов совершенных преступлений.*

Исходя из этого, преступление с точки зрения криминалистики, это деяние оставляющее материальные и идеальные следы. Важно для нашей науки то, на какие объекты происходит посягательство, так как в этом случае неизбежны существенные особенности следообразования. Архиважно, как происходит посягательство, какими

способами, посредством каких действий, поскольку различные действия оставляют разные следы. Невозможно отрицать и то, что механизм слеодообразования зависит от категории носителей преступных действий, субъектов преступления. Следы преступления всегда отражают некую характеристику преступника, так же как особенности личности субъекта преступления и *его* волевое отношение к преступлению влияют на следы, им оставляемые.

Таким образом, в призме криминалистики повторяются существенные признаки уголовно-правового определения (состава преступления) понятия «преступление». А именно, объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона преступления. Каждый из этих признаков с криминалистической точки зрения имеет свои особенности, но существенными остаются только уголовно-правовые признаки.

Из такой посылки следует, что взаимоотношение криминалистики и науки уголовного права складываются в двух направлениях. Во-первых, криминалистика руководствуется положениями, разработанными наукой уголовного процесса, и, помогая осуществлению уголовно-процессуального закона, тем самым помогает реализации требований уголовного закона и положений науки уголовного права, поскольку уголовный процесс является формой проведения в жизнь уголовного права. Во-вторых, криминалистика непосредственно руководствуется положениями, разрабатываемыми наукой уголовного права, о понятии преступления, состава преступления, о вине, соучастии и т.д.

Настоящим исследованием основополагающих первых двух этапов построения классификации преступлений мы, во-первых, выявили делимое понятие (**преступление**), и, во-вторых, выделили существенные признаки этого понятия, его элементы (**объект, объективная сторона** или **деяние, субъект — человек, субъективная сторона** или **осознанность деяния**).

Е. И. Фойгель

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВЫМОГАТЕЛЬСТВА, СОВЕРШЕННОГО ЧЛЕНАМИ ЭТНИЧЕСКИХ ОРГАНИЗОВАННЫХ ПРЕСТУПНЫХ ГРУПП АЗИАТСКОГО ТИПА

Вымогательство справедливо считается одной из основных форм деятельности организованных преступных форм, так как данное преступление, как правило, требует высокого уровня организованности, сплоченности и консолидации всей информации о жертве, что становится возможным и эффективным при функционировании преступной группы.

По данным правоохранительных органов 2001 г. на территории Дальневосточного федерального округа Российской Федерации действует 30 мелких и крупных китайских преступных группировок¹. Большинство из них промышляет рэкетом на рынках китайских товаров региона, а также контролируют туристический поток из Китая.

В Иркутске по оперативным данным действует несколько мелких китайских этнических организованных преступных групп, наиболее крупной из которых является группировка под руководством г-на КНР В., преступную специализацию которой составляет вымогательство, контроль над деятельностью некоторых вещевых рынков и предприятий ресторанного бизнеса.

Проявляясь в многочисленных формах, на разных уровнях организации, вымогательство часто влечет за собой квалификацию субъекта по другим статьям Уголовного кодекса РФ.

Наряду с термином «вымогательство» в настоящее время в литературе, и особенно в публицистике, широко применяется термин «рэкет», подразумевающий под собой практически то же деяние.

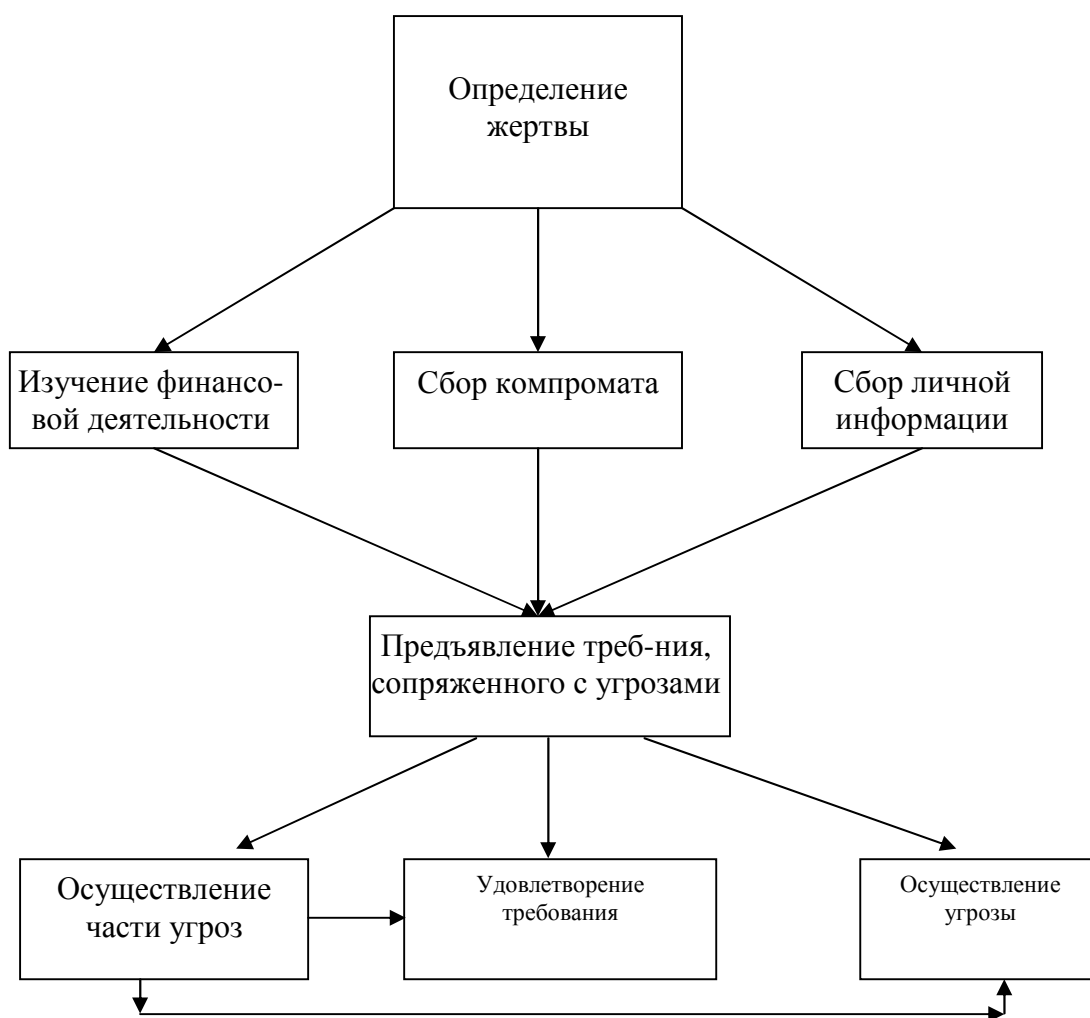
На наш взгляд, под рэкетом можно условно понимать более организованную, специализированную форму вымогательства. Так, например, в определении вымогательства, главную роль играет требование, которое не всегда удовлетворяется. Иными словами, вымогательство может предполагать неудовлетворение требования передачи его предмета в силу многих обстоятельств — обращения в правоохранительные органы, договоренности с вымогателями и др. Рэкет же

---

¹ <http://www.7st.ru/news.phtml>.

является хорошо продуманным, подготовленным и даже в какой-то мере гарантированным преступным посягательством. Прежде чем предъявить свои требования, преступники в данном случае обязательно обеспечивают себе гарантии их удовлетворения.

Способы совершения вымогательства различны и зависят от конкретных обстоятельств преступного посягательства объективного и субъективного характера. Классическая схема совершения вымогательства предполагает следующую последовательность действий:

Предлагается еще и следующая схема совершения вымогательства, в которой преступление проходит 4 стадии:

- 1) подготовка к преступлению;
- 2) осуществление угрозы;
- 3) завладение имуществом;
- 4) сокрытие следов преступления¹.

¹ Криминалистика: расследование преступлений в сфере экономики. – Н. Новгород, 1995. – С. 287.

Угрозы применения насилия, сопровождаемые действия участников китайских и корейских преступных группировок, как правило, имеют систематический характер в случае неповиновения. Такой образ поведения, впрочем, характерен для этнических преступных группировок этого типа независимо от места нахождения (Россия, США, Китай или другие страны).

Интересно, что своих жертв участники этнических преступных группировок определяют, исходя именно из этнического фактора – ими становятся соотечественники, занимающиеся бизнесом, земледелием и даже просто туристы, которых можно условно разделить на два вида (эта классификация в данном случае определяет основные способы совершения преступления):

1. Мелкие предприниматели, коммерсанты, «челноки», земледельцы. В основном, это граждане КНР, КНДР реже — Республики Корея, которые занимаются предпринимательской деятельностью (производство и торговля предметами ширпотреба, одежды, выращивание и сбыт сельскохозяйственной продукции, выполнение работ по строительству и ремонту помещений и т.д.) без государственной регистрации, с нарушениями порядка лицензирования отдельных видов деятельности, паспортно-визового режима и трудового законодательства Российской Федерации.

В эту же группу относятся лица, имеющие легальный статус студентов или туристов, на деле занимающиеся все той же коммерцией или земледелием. Способ совершения преступления применительно к данной группе жертв достаточно прост: предъявляется требование, сопряженное с угрозой применения физического насилия, получают деньги. В случае отказа жертва подвергается истязаниям, а нередко и убийству.

Уязвимое место жертв данной группы состоит в несоблюдении российского законодательства, недостаточное знание русского языка, отсутствие элементарных знаний в области правового регулирования той или иной деятельности. Также по данным опроса китайских и корейских «челноков», работающих на вещевых рынках г. Иркутска, 87 % опрошенных высказали суждение, что обращаться за помощью к сотрудникам милиции не только бесполезно, но и чревато потерей определенных денежных сумм, которые милиция собирает с них по любому поводу, стоит лишь попасть китайцу в поле зрения. Поэтому

добровольное обращение в органы считается сугубо глупым, бесполезным и проблемным поступком.

Требование предъявляется лично, причем преступникам не нужно употреблять какие-либо средства для сокрытия данного преступления (запугивание и т.п.), так как для этих жертв выгоднее заплатить, чем идти на контакт с представителями правоохранительных органов.

2. Вторую группу жертв вымогательств, совершающих китайскими и корейскими преступными группировками составляют директора и руководящие работники различных фирм, предприятий (естественно, также китайцы или корейцы). В основном, это индивидуальные предприниматели или юридические лица различных форм собственности (чаще всего общества с ограниченной ответственностью), которые надлежащим образом зарегистрированы и не нарушают правил пребывания иностранцев на территории РФ. Многие из таких жертв уже являются гражданами России.

Эти предприятия занимаются продажей сырьевых ресурсов, общественным питанием, организацией туризма и оказывают иные услуги населению. Естественно, что финансовый оборот и прибыль их несравненно больше, чем у жертв первой группы, что позволяет увеличить вымогателям размеры своих требований и вывести их на качественно иной уровень.

В данном случае способы совершения вымогательства могут быть более разнообразны, завуалированы — предложение взять под охрану, оказать юридическую помощь, требования фиктивно зачислить на какую-либо руководящую высокооплачиваемую должность представителя преступной группировки, выдать доверенность на совершение финансовых операций и др. При этом возможны различные способы предупреждения — от поджога помещения, в котором расположен офис предприятия либо торговый объект, принадлежащий ему до избиения жертв и захвата заложников.

Предъявление требования может осуществляться как при личном контакте, так и опосредовано — через знакомых родственников, деловых партнеров.

При этом становятся жертвами преступных посягательств их заставляя, как и представителей первой группы жертв, не лады с российским законом. Но если в первом случае это нарушение правил пребывания, торговли и т.п., то здесь налицо совершение теневых

финансовых предприятий, совершение налоговых преступлений и преступлений в сфере экономики (мошенничество, легализация преступных доходов, контрабанда и др.). В данном случае возможен контакт с правоохранительными органами, но опять же с коррумпированными их работниками на возмездной основе — решающую роль играет выгодность «сотрудничества» либо с правоохранительными структурами, либо с представителями преступных группировок.

Поэтому преступники практически не обращаются к различным способам сокрытия вымогательства — само по себе деяние внешне носит характер легального сотрудничества по тому или иному поводу.

Как видим, вымогательство обоих групп жертв достаточно выгоден и беспроигрышен, так как практически исключается обращение с заявлением в правоохранительные органы, возбуждение и расследование уголовного дела, и, как следствие угроза наступления уголовной ответственности очень мала. Именно эти преступления составляют высокий процент латентности.

Что касается характеристики личности субъекта преступления, то в данном случае необходимо учитывать тот факт, что в большинстве случаев, входя в состав преступной группировки, они считают себя неотделимой частью таковой. Огромное влияние на мировоззрение и характер деятельности оказывают руководители преступной группировки, мнение которых является всегда правильным, а повеления — подлежащие безоговорочному повиновению.

Большинство китайских преступных группировок имеют свою узкую «специализацию», которую составляет совершение преступлений одного или двух-трех видов.

Как видим, по данным правоохранительных органов в качестве субъектов вымогательства, совершенного китайскими и корейскими преступными группировками, фигурируют именно группировки как некое комплексное образования. Иногда встречается индивидуализация главарей преступных групп, заключающаяся в названии имени и национальности. Этих сведений далеко не достаточно для того, чтобы к какой-то мере определить личность преступника.

Основными характеристиками личности преступника в данном случае является национальность и гражданство. В большинстве случаев участники этнических преступных группировок, совершающих вымогательства на территории Восточной Сибири и Дальнего Восто-

ка России, по национальности являются корейцами и китайцами. Причем многие из них являются этническими корейцами, проживающими в Китае. Следует отметить, что корейская диаспора в Китае достаточно многочисленна и насчитывает почти двухвековую историю. В настоящее время китайским корейцам предоставлена автономная территория, где они проживают компактно, имеют возможность общаться на родном корейском языке, посещать корейские школы и иным образом поддерживать национальную культуру. Они являются гражданами Китая, в совершенстве знают китайский язык и внешне на первый взгляд ничем не отличаются от китайцев. Именно поэтому создается такое впечатление, что все члены преступных группировок — китайцы.

Однако это этническое различие может быть использовано в интересах российских правоохранительных органов при расследовании преступлений, совершенных китайской преступной группировкой, в структуру которой входят этнические корейцы из Китая. Дело в том, что корейская эмиграция в Китай началась еще в XIX веке, и одним из способствующих ей условий был голод и надежда на лучшую жизнь. Таким образом, беднота, прибывшая из Кореи в Китай, не гнушалась любой самой черной работы, что и сформулировало представление о корейцах, как о людях второго сорта, которые предназначены для обеспечения нормальной жизни коренных китайцев. Естественно, что в сегодняшних условиях среди корейцев в Китае много зажиточных людей, но представление и соответствующее отношение к ним местами осталось прежним.

В свою очередь, корейцы считают, что они заслуживают большего и уж никак не хуже китайцев, которые в силу своего происхождения занимают руководящие посты.

Аналогичную картину можно наблюдать в структуре преступной группировки. Лидером китайской преступной группировки всегда является китаец, корейцы же являются рядовыми солдатами или, в лучшем случае, советниками. И в том, и в другом случае часто попадают недовольные члены группировки, которые полагают, что не хуже главаря справились бы с руководящими задачами. Руководство же и другие участники структуры не принимают их всерьез и не учитывают их интересы.

«Рядовые солдаты», осуществляющие вымогательство в отношении первой группы жертв, являются выходцами из бедных облас-

тей Китая и Кореи, имеют низкий уровень образованности и культуры. Как правило, это люди, владеющие навыками какого-либо вида восточных единоборств (чаще всего, каратэ или тхэквондо) и придающих этому большое значение.

Вымогатели, совершающие преступные деяния в отношении второй группы жертв, как правило, образованы, имеют большой опыт в осуществлении предпринимательской деятельности и финансовых операций, прилично говорят по-русски и имеют некоторые представления в области правоповедения. Зачастую они действуют в сотрудничестве с российскими гражданами, являющимися работниками коммерческих структур либо правоохранительных органов. Этим субъектам можно с уверенностью отнести к так называемой «беловоротничковой преступности».

В структуре корейских, и особенно китайских преступных группировок иногда встречаются русские, что значительно затрудняет ход следствия и уводит его в противоположную от китайских преступных группировок, сторону.

При расследовании вымогательства, совершенного корейскими и китайскими этническими группировками, обычно складываются следующие типичные следственные ситуации (последовательность обусловлена частотой встречаемости):

1. Личность вымогателей известна, требование передано лично, вымогательство носит систематический характер, о совершении вымогательства стало известно в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий, предмет вымогательства передан.

2. Личность вымогателей известна, требование передано лично, вымогательство носит систематический характер, о совершении вымогательства стало известно в результате расследования иных преступлений, предмет вымогательства передан.

3. Личность вымогателей известна, требование передано лично, вымогательство носит разовый характер, о совершении вымогательства стало известно из заявления потерпевшего.

Данная следственная ситуация встречается очень редко и, как правило, сопряжена с «разборками» членов разных преступных групп между собой. Чаще всего это происходит при переделе сфер преступной деятельности. Например, после того, как после долговременного «сотрудничества» жертва вымогателей находит (либо ее находят) новую, более сильную преступную группировку, то от старой «избав-

ляются» посредством заявления в милицию с подробным описанием субъектов и самого преступного деяния. Вообще, вопреки устоявшемуся мнению о жестокости китайцев и их привычке решать свои проблемы путем физического насилия, в серьезных вещах они достаточно часто прибегают к «дипломатическим» методам, стараясь решить свои проблемы чужими руками без излишнего шума и крови. Древний восточный принцип «разделяй и властвуй» зачастую является одним из основных правил поведения.

Е. И. Фойгель

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА «РЕЙДЕРСТВА»

В настоящее время мы имеем возможность наблюдать качественно новое, интересное явление в структуре криминогенной обстановки, условно именуемое рейдерством. В одном из своих выступлений Ю. Чайка назвал рейдерство «чумой российской экономики»¹. Интересно, что это деяние появилось сравнительно недавно — начало века в Москве и Санкт-Петербурге, в 2003–2005 г. — в отдельных регионах (Саратовская область, промышленные предприятия Алтая). Не смотря на большую удаленность от центра, сегодня ареной действий рейдеров становится и Сибирь.

Что же это такое, таинственное рейдерство — выгодный бизнес, доходность от которого по оценкам специалистов составляет 500–2000 %² или отдельный вид преступления, норму об ответственности за совершение которого необходимо включить в особенную часть Уголовного Кодекса РФ? Ни в одном законодательном акте нет определения рейдерства, между тем в литературе справедливо отмечается, что «туманность понятия рейдерства создает проблемы для юридической науки, которая, как и всякая другая наука, требует выработки четких определений. Эта неопределенность пагубна для законодательной деятельности, способной воспользоваться расширительной

---

¹ Из доклада Генерального прокурора РФ Ю. Чайки на заседании СФ ФС РФ 13 апреля 2007 г.

² Головатов, В. Коррупция и рейдерство — два берега одной реки? / В. Головатов // Российские вести. — 2007. — 6 июня.

трактовкой, отсутствием критериев разграничения враждебных и незаконных поглощений, чтобы зарегулировать экономические отношения, привести к практическому прекращению делового оборота, создать искусственные препятствия цивилизованным инвесторам, эффективным собственникам»¹. Думается, что данная неопределенность понятия более негативно отражается не на законодательной, а на правоприменительной, правоохранительной и судебной видах деятельности.

Недружественный захват, «выдавливание» из бизнеса, насильственное поглощение, «отъем» компании — далеко не полный перечень различных дефиниций рейдерства, существующих в науке и материалах средств массовой информации. Как правило, этот процесс носит негативную оценку и ассоциируется с преступным деянием. Думается, что более правильное было бы выделить несколько видов рейдерства: действия, не противоречащие законодательству («белое» или «серое» рейдерство), и действия, нарушающие те или иные правовые нормы («черное рейдерство»).

Естественно, что научный криминалистический интерес представляют только противоправные действия субъектов, нарушающих нормы УК РФ. В связи с этим фактом можно определить, что в рамках настоящей статьи рейдерство — это противоправная целенаправленная, поэтапная деятельность субъектов преступления, направленная на получение возможности владеть, управлять и распоряжаться юридическим лицом, осуществленная без согласия и вопреки интересам действующего руководства юридического лица. Без сомнения, это комплекс преступлений, которые взаимосвязаны между собой и направлены на достижение одной цели. Чаще всего рейдерство включает в себя следующие составы преступлений: мошенничество, подделка и сбыт документов, шантаж, самоуправство, злоупотребление полномочиями, взяточничество, коммерческий подкуп, вымогательство, угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотреблением доверия, понуждение к совершению сделки или отказа от ее совершения, неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное банкротство, злоупотребление должностными полномо-

---

¹ Желнорович, А. В. Рейдерство в России — показатель институционального дефицита российской экономики / А. В. Желнорович // Российская юстиция. — 2007. — № 8.

чиями. Состав и структура каждого деяния зависит от конкретного способа совершения преступления.

Следует отметить, что рейдеры уделяют большое внимание процессу подготовки к совершению преступления. На этой стадии осуществляются маркетинговые исследования, выбор компании-мишени, изучение ее хозяйственной деятельности, формы собственности. Кроме этого, разрабатывается план захвата, изготавливаются необходимые документы, приискываются сообщники из числа коррумпированных должностных лиц органов государственной власти, местного самоуправления, правоохранительных и судебных органов.

Способы совершения рейдерства многочисленны. Приведем некоторые из них:

1. Скупка и (или) создание искусственных долгов предприятия и единовременное предъявление к оплате. Затем, не давая возможность выплатить долги (иногда несуществующие), предприятие объявляется банкротом и в процессе судебного разбирательства происходит изменение собственника.

2. Фабрикуется заявление о внесении изменений в учредительные документы юридического лица, заверенное нотариусом, которое подается в регистрирующий орган с целью изменения состава исполнительного органа предприятия или состава владельцев предприятия. Затем новый владелец или исполнительный директор либо перепродает предприятие, либо работает в нем дальше. Этот способ становится возможным, поскольку перерегистрация происходит без тщательной проверки документов на подлинность.

3. Скупается небольшой объем акций АО различных видов первой эмиссии (если их было несколько), затем инициируется судебный процесс, в результате которого доказывается нелигитимность последующих эмиссий акций. Таким образом, рейдер становится обладателем наибольшего процента акций, позволяющего ему контролировать деятельность предприятия.

4. Подделка договора купли-продажи предприятия, либо получение доверенности от реального руководителя на совершение данной сделки. Затем, используя коррумпированных сотрудников регистрирующих органов, происходит передача права собственности предприятия. В дальнейшем предприятие передается подконтрольному рейдеру юридическому лицу, которое является уже добросовест-

ным приобретателем, отчуждение имущества у которого значительно затруднено.

5. Использование бездокументального режима акций, при котором акции находятся у собственника не в натуральном виде, а в виртуальном — на компьютере у регистратора. Получив несанкционированный доступ к базе, рейдер легко меняет состав акционеров и их долю.

6. Изготовление поддельных решений суда о закреплении вещного права рейдера на имущество компании-мишени, которые отправляются реальным приставам-исполнителям.

7. Еще одна разновидность этого способа — предоставление в суд фальшивых документов об ограничении прав существующих исполнительных органов или собственников юридического лица (решения общих собраний акционеров, трудовые контракты, приказы о приеме на работу, договоры по гражданско-правовым сделкам и др.)

8. Возбуждение заказных уголовных дел против руководства предприятия-мишени (зачастую — используя преступный сговор с сотрудниками правоохранительных органов). В результате этих действий рейдер получает доступ к документации предприятия (обыски, выемки), в результате применения мер пресечения устраняются на некоторое время ключевые фигуры предприятия (генеральный директор, главный бухгалтер).

9. Гринмейл (зеленое письмо, точнее — черная метка) — корпоративный шантаж. Упрощенно говоря, представляет собой злоупотребление правом акционера для повышения стоимости выкупа принадлежащих ему акций. Акционер, доля которого от 1 до 25 % (миноритарный) обращается в суд с иском о защите его ущемленных прав и просит в качестве обеспечения иска наложить арест на акции более крупного акционера и запретить ему участвовать в голосовании. После этого проводится собрание акционеров, в котором у миноритария уже большинство голосов. Избирается новый состав исполнительного органа, имущество предприятия распродается¹.

10. Силовой захват — вторжение на территорию предприятия, физическое выдавливание персонала со своих рабочих мест. Как правило, в настоящее время, силовой захват уже не является самостоятельным способом совершения данного преступления, а завершающей стадией всего процесса рейдерства.

---

¹ Котляр, Э. Гринмейл: русская версия / Э. Котляр //Консультант. – 2005. – № 5.

Источниками для получения исходной информации могут быть заявления руководителей и сотрудников предприятия-мишени, данные, известные из оперативных источников, сведения, поступающие из налоговых органов, материалы, поступающие из арбитражных судов, сообщения средств массовой информации.

В рамках решения вопроса о возбуждении уголовного дела либо отказа в возбуждении уголовного дела осуществляются проверочные действия в результате осуществления следующих оперативно-розыскных мероприятий:

1. Наведение справок и проведение опросов. Устанавливается потерпевшая сторона, отбираются объяснения у руководителя и работников бухгалтерии, у подставных лиц, которые «поставлены» рейдером. Необходимо получить документы из регистрирующего органа об изменениях в составе и полномочиях исполнительных органов, а также документы, на основании которых осуществлен захват предприятия.

2. Исследование предметов и документов. Полученные документы необходимо отправить на технико-криминалистическое и почерковедческое исследование с целью определения исполнителя и установления факта внесения в документ изменений.

3. Обследование помещений. Исследуется помещение, занимаемое рейдером с целью обнаружения поддельных документов, а также средств их изготовления.

4. Прослушивание телефонных переговоров лиц, причастных к рейдерскому захвату, а также потерпевших.

Кроме вышеуказанных ОРМ нередко проводятся: снятие информации с технических каналов связи, оперативный эксперимент, отождествление личности, наблюдение, сбор образцов для сравнительного исследования.

Типичными следственными ситуациями являются следующие:

1. Имеется информация о фактах незаконного захвата, сообщенная потерпевшей стороной или непосредственно обнаруженная правоохранительными органами. Подозреваемое лицо установлено, но отрицает свою вину. Не известен механизм преступного деяния, а также сообщники из числа коррумпированных сотрудников государственных органов.

Направление расследования в данном случае строится «от подозреваемого» — производятся допросы подозреваемого, свидетелей,

очные ставки, обыски и выемки документации, назначаются судебные экспертизы.

2. Имеется информация о преступном деянии (криминальное банкротство, вымогательство, мошенничество и др.), известен механизм преступного деяния, подозреваемое лицо не установлено либо скрывается от органов следствия и суда. Направление расследования осуществляется «от деяния» — осуществляется осмотр и выемка документов, производятся технико-криминалистическая, почерковедческая, судебно-бухгалтерская экспертизы, допрос свидетелей и потерпевших. Осуществляются оперативно-розыскные мероприятия по установлению и розыску подозреваемого лица.

Расследование рейдерство существенно затруднено субъективным фактором. С одной стороны, субъект преступления — классический представитель «беловоротничковой» преступности, обладающий высоким уровнем образования и опытом подобных действий. С другой стороны, лица, производящие расследования не всегда в полной мере обладают познаниями в области маркетинга, финансов, акционерного и корпоративного права, бухгалтерского учета, что не позволяет им своевременно и адекватно противостоять преступной деятельности.

А. Н. Архипова

ПОЛЕЗНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ДЛЯ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКИХ ЭКСПЕРТОВ

Сложная криминогенная обстановка, сложившаяся в настоящее время в России, требует от судебных медиков разработки многих научных проблем, в частности — совершенствования методов идентификации личности при исследовании неизвестных трупов, в том числе посмертно измененных отдельных частей трупа, костей скелета, их фрагментов, костной золы. Актуальность судебно-медицинских экспертиз костных останков особенно возросла при наличии локальных военных действий, а также чрезвычайных происшествий с гибелью большого количества людей, влекущей обезображивание и уничтожение трупов. Поэтому становится очень важным проведение идентификационных исследований костных останков в условиях лаборатории, когда только экспертным способом становится возможным ус-

тановление личности человека. Этой теме посвящено значительное количество научных исследований, внедренных в практическую работу и успешно применяющихся при производстве экспертиз¹.

Вместе с тем, при проведении такого рода исследований наблюдаются определенные методологические ошибки, которые значительно снижают качество проводимых экспертиз². Вот почему вызывает большой интерес новая медицинская технология, авторами которой является проф. В. Н. Звягин — заведующий отделом судебно-медицинской идентификации личности ФГУ «Российский центр судебно-медицинской экспертизы», а также старшие научные сотрудники данного отдела О. И. Галицкая и М. А. Григорьева³.

Новейшая технология рассчитана на применение в медико-криминалистических отделениях Бюро судебно-медицинской экспертизы. Она посвящена разработке остеометрического метода установления морфологического статуса индивида на основе костного материала различной степени сохранности, в том числе — по изолированным костям и их фрагментам, подвергавшихся сожжению. Технология впервые предлагается к использованию на территории Российской Федерации и предназначена для использования при экспертизе скелетированных останков, находящихся в различной степени разрушения, в том числе — подвергшихся сожжению до стадии серого каления. Она применима для лиц европеоидной расы в возрасте старше 16–18 лет. Лучшие результаты идентификации возможны в случаях исследования крупных фрагментов нескольких костей скелета. Объектом сравнения для идентификации неопознанных, расчлененных,

---

¹ Гармус, А. К. Возможности идентификации личности по костям голени: Автореф. дис...канд. мед. наук / А. К. Гармус. — Каунас, 1974; Диагностика пола и длины тела человека по фрагментированным костным останкам: методические рекомендации Минздрава РФ №94/267. — М., 1995; Метод установления соматических особенностей человека при судебно-медицинской экспертизе костных останков: пособие для врачей-экспертов. — М., 2001.

² Артамонов, Ю. Г. О недостатках в методологии судебно-медицинской экспертизы костных останков / Ю. Г. Артамонов // Проблемы идентификации в теории и практике судебной медицины: Материалы IV Всероссийского съезда судебных медиков. Ч. I. Москва-Владимир. — 1996. — С. 24–26.

³ Определение прижизненных соматических размеров тела человека при судебно-медицинской экспертизе скелетированных и сожженных останков. Регистрированное удостоверение № ФС – 2007/036 от 28 февраля 2007 г. — М., 2007. — 68 с.

скелетированных и сожженных трупов может быть одежда, достоверно принадлежавшая конкретному человеку¹.

Преимущества использования медицинской технологии. При судебно-медицинской экспертизе скелетированных и сожженных костей можно диагностировать основные прижизненные параметры тела человека: длину тела, размеры головы, туловища и конечностей, массивность и тип телосложения. Эти данные позволяют определить размер головного убора и обуви, длину брюк, рукава, спинки и основных конструктивных деталей других предметов легкой и верхней одежды.

Диагностические модели основаны на методе многомерной статистики, отличаются высокой надежностью и воспроизводимостью результатов. Объектами сравнения в случаях обнаружения неопознанных, расчлененных, скелетированных и сожженных трупов могут быть предметы одежды, достоверно принадлежащей конкретному человеку.

Эффективность использования медицинской технологии. Разработаны методики, основанные на сериях наблюдениях, где одновременно исследовались соматические и остеометрические данные от лиц с известной этнической и половозрастной принадлежностью. Серия № 1 (нативные кости) составляет 700 наблюдений. Серия № 2 (фрагментированные кости) включает 609 наблюдений.

Впервые выявлены количественные критерии, допускающие диагностику типа телосложения и массивности скелета по размерным характеристикам черепа. Точность классификации составляет 87%. Разработана методика определения пола человека, длины его тела и ряда других соматических характеристик по костным фрагментам, в том числе сожженным до стадии серого каления. Точность диагностики составляет: практически достоверное определение — 85,6%, вероятное определение — 10%.

Разработан метод определения массы зольных останков по длине и массе тела человека. Метод, возможно, применять на месте происшествия — для уточнения или исключения следственных версий о личности погибшего, что представляет большую ценность для следственных работников.

---

¹ Здесь следователи и эксперты могут успешно пользоваться книгой Х. М. Тахо-Годи Криминалистическое исследование одежды. — М., 1971. — С. 17–67.

Впервые в практическом плане решен вопрос о необходимости исследования размерной типологии одежды для целей судебно-медицинской дифференциации и идентификации человека по костным останкам.

Осложнения при использовании данной технологии:

1) резкая фрагментация костного материала, что исключает принадлежность экспертного материала, что исключает принадлежность экспертного материала к другой возрастной или расовой группе;

2) наличие белого каления костной ткани (воздействие температуры свыше 800 градусов, резкая усадка).

Способы устранения возможных осложнений:

1) учет следственных материалов на без вести пропавшего человека;

2) предварительное установление возраста индивида (морфологическое и микробиологическое исследование);

3) Определение степени каления костных фрагментов посредством визуального или спектрографического исследования.

В заключение с удовлетворением можно отметить, что использование рецензируемой технологии существенно расширяет возможности идентификации личности при медико-криминалистической экспертизе.

Т. А. Андреева

**ТИПИЧНЫЕ ОШИБКИ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ ПРИ
НАЗНАЧЕНИИ КОМПЛЕКСНЫХ СУДЕБНЫХ
ЭКСПЕРТИЗ С УЧАСТИЕМ ПСИХОЛОГА**

Согласно ст. 201 УПК РФ, комплексной является судебная экспертиза, в производстве которой участвуют эксперты различных специальностей. Аналогичное определение дает и ст. 23 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ».

Соответственно, когда у следователя возникает потребность в использовании специальных знаний в области психиатрии и психологии в форме судебной экспертизы, он должен назначить комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу (КСППЭ).

Практика изучения данного вида экспертиз позволяет выявить наиболее типичные ошибки, встречающиеся при назначении КСППЭ.

1. Нередко следователь ставит перед комиссией экспертов вопрос: «Какие индивидуально-психологические особенности обвиняемого способствовали совершению преступления?» Согласно ч. 2 ст. 73 УПК РФ, установление обстоятельств, способствовавших совершению преступления, в том числе — обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого (п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ), относится к компетенции следственных и судебных органов. Поэтому ответ на данный вопрос не входит в компетенцию эксперта-психолога, который может лишь выявить у обвиняемого наличие определенных индивидуально-психологических особенностей. Дальнейшие же выводы должны делать следователь и суд.

2. Частой ошибкой следователей при назначении КСППЭ лиц, покончивших с собой, является вопрос: «Могло ли данное лицо в момент совершения самоубийства осознавать значение своих действий и руководить ими?» Здесь имеет место симбиоз модифицированной формулы невменяемости и экспертизы суицидентов. Ответ на данный вопрос не раскрывает причинной связи психического состояния лица, покончившего жизнь самоубийством, с действиями обвиняемого (ст. 110 УК РФ — доведение до самоубийства). Нарушения осознания своих действий могут зависеть и от хронического психического расстройства, никак не связанного с действиями обвиняемого. В ряде случаев утвердительный ответ на данный вопрос может маскировать искомую причинную связь, давая защитнику обвиняемого возможность отрицать сам факт противоправного поведения (жестокое обращение с будущим самоубийцей, систематическое унижение его личного достоинства), аргументируя это тем, что данные факты существовали только в воображении потерпевшего.

В других случаях вопрос о вменяемости субъекта ставится при назначении посмертной ЕСППЭ, когда обвиняемый прибегает к суициду, однако никаких материалов по версии самоубийства следователь не предоставляет, отчего проведение такой экспертизы не представляется возможным. Если факт смерти не квалифицирован юридически как самоубийство, то выводы психолога могут носить вероятностный характер, затрагивая только описание особенностей личности погибшего субъекта и его психологического состояния, предшествующего смерти. Вне компетенции эксперта-психолога остается

решение вопроса об инсценировке суицида¹.

3. Иногда имеют место назначения КСППЭ с постановкой вопроса: «Соответствует ли психическое развитие подэкспертного конкретному паспортному возрасту?» Здесь интерес следователей обусловлен требованиями части 3 ст. 20 УК РФ. Она гласит, что несовершеннолетний, достигший возраста уголовной ответственности, не подлежит уголовной ответственности, если он «вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими».

Нужно отметить, что ответ на данный вопрос свидетельствует о недостаточной профессиональной квалификации эксперта. Вот что сообщает в «Информационном письме», адресованном руководителям государственных экспертных судебно-психиатрических учреждений субъектов РФ директор государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского академик РАМН Т. Б. Дмитриева: «Вопрос о соответствии психического развития (или «психологического возраста») несовершеннолетнего его паспортному возрасту не вытекает из формулы ч. 3 ст. 20 УК РФ и не является методологически корректным. Ответить на него точно вообще невозможно, так как в возрастной патологии нормы имеют не количественный, а качественный характер и относятся к возрастным периодам, охватывающим несколько лет..., а не к конкретным календарным возрастам внутри периода. При наличии у несовершеннолетнего клинически выраженного психического расстройства дать ответ на этот вопрос тем более нельзя, поскольку при психической патологии психическое развитие качественно отличается от нормального и не может соответствовать каким-либо возрастным нормам»².

4. В последние годы существенно возрос интерес следователей и судей к психологическим аспектам поведения обвиняемых в процессе

---

¹ См.: Коченов, М. М. Введение в судебно-психологическую экспертизу / М. М. Коченов. – М., 1980. – С. 22–23; Старшенбаум, Г. В. Суицидальная и кризисная терапия / Г. В. Старшенбаум. – М., 2005.

² Дмитриева, Т. Б. Информационное письмо «О применении ч.3 ст.20 УК РФ». – М., 2007.

ведения следственных действий¹. Наиболее часто при этом на разрешение КСППЭ ставятся вопросы о наличии психологического давления на подследственного в период, предшествующий даче показаний, и во время их дачи. Как утверждает И. Н. Сорокотягин, объектом комплексной экспертизы здесь «является способность допрашиваемого осуществлять право на защиту, когда после допроса, зафиксированного на магнитофонную или видеоманитную ленту, последний заявляет, что давал показания под психологическим давлением»².

Более верным по данному вопросу представляется мнение юридических психологов И. А. Кудрявцева, О. Ф. Савиной, М. В. Морозова: «Психолог может определить наличие дизрегулирующего влияния эмоционального состояния подэкспертного в период проведения следствия, если в материалах дела содержатся достаточные сведения, позволяющие сделать такой вывод. Однако психолог не должен оценивать наличие или отсутствие давления со стороны следствия, устанавливать причины изменения показаний и противоречий в них, это относится к компетенции правоприменительных органов»³.

Наше изучение проблемных вопросов КСППЭ показывает, что целый ряд комплексных психолого-психиатрических экспертиз назначается в тех случаях, когда можно было ограничиться однородной (психологической или психиатрической) экспертизой⁴. Но существуют ситуации, когда следователю бывает трудно определить характер назначаемой им экспертизы (однородная или комплексная) в силу объективных и не устранимых на этапе подготовки материалов при-

---

¹ Южанинова, А. Л. Проблемы методики судебно-психологической экспертизы психологического воздействия / А. Л. Южанинова // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях. – М., 2007. – С. 455–459.

² Сорокотягин, И. Н. Комплексная судебная психологическая экспертиза в уголовном процессе / И. Н. Сорокотягин // Уголовный процесс. – 2005. – № 10. – С. 63.

³ Кудрявцев, И. А. Определение целесообразности и необходимости назначения комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз / И. А. Кудрявцев, О. Ф. Савина, М. В. Морозов. – М., 2006. – С. 9–10.

⁴ Данное замечание не относится к категории сложных дел, например, дела о серийных убийствах (прим. авт.).

чин¹. В таком случае рекомендуется назначение судебно-психиатрической экспертизы без уточнения ее характеристик. Однако в постановлении следователь указывает, что руководителю государственного судебно-психиатрического экспертного учреждения разрешается самостоятельно привлекать к производству психиатрической экспертизы экспертов другой специальности из числа сотрудников этого учреждения, если есть необходимость для разрешения поставленных вопросов (ч. 2 ст. 199 УПК РФ).

Тогда характер экспертизы становится известным только в процессе производства экспертных исследований; он отражается в составляемом экспертами заключении: «судебно-психиатрическая» (однородная), «психолого-психиатрическая», «сексолого-психолого-психиатрическая» и др. Данный прием позволяет избежать многих затруднений, возникающих при несовпадении наименования назначенной экспертизы с ее истинным характером, выявившимся лишь впоследствии².

М. А. Бокарев

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ УКЛОНЕНИЙ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ ОРГАНИЗАЦИЯМИ

Расследование налоговых преступлений имеет определенные особенности, обусловленные правовой конструкцией данных деяний, спецификой предмета преступного посягательства, способом его совершения, обстановкой, элементами личности преступника, своеобразием выявления этих преступлений, спецификой возбуждения уголовных дел. Обобщение практики расследования уголовных дел об уклонении от уплаты налогов позволило выявить целый ряд таких особенностей, основными из которых являются следующие.

Во-первых, в процессе расследования этого вида преступлений необходимо постоянно изучать, анализировать и приобщать к мате-

---

¹ Ткаченко, А. А. Правовые и методические основы «Заключения судебно-психиатрического эксперта (комиссии судебно-психиатрических экспертов» / А. А. Ткаченко. – М., 2006. – С. 31–33.

² Дмитриева, Т. Б. Подготовка следователем материалов для судебно-психиатрической экспертизы / Т. Б. Дмитриева, С. Н. Шишков, Е. Я. Щукина, Е. В. Макушкин, А. А. Ткаченко, Ф. С. Сафуанов, Е. Г. Дозорцева. – М., 2006. – С. 40–41.

риалам уголовного дела нормативные акты, регулирующие правовое положение налогоплательщика, его статус, права и обязанности, порядок, условия и режим уплаты им налогов, уклонение от которых вменяется ему в вину. Кроме того, необходимо изучать и приобщать к делу правовые акты, регулирующие финансовые, хозяйственные, экономические вопросы деятельности налогоплательщика, нарушение которых повлекло, по мнению следствия, уклонение от уплаты налогов или было связано с данным преступлением. То есть, оценка действий налогоплательщика, основывается на бланкетном законодательстве. При юридической оценке его действий, основанной на таком законодательстве, особо следует учитывать, что преступность и наказуемость деяния определяется законом, действовавшим во время совершения этого деяния. В широкой массе меняющихся законодательных и подзаконных актов, регулирующих вопросы налогообложения, финансово-хозяйственной и экономической деятельности это не простая задача. Достаточно большая доля прекращенных прокурорами уголовных дел и оправдательных приговоров судов по налоговым преступлениям связана с неосведомленностью следователей об изменениях в законодательстве. Такая мобильность налогового, гражданского, финансового, хозяйственного законодательства существенно осложняет весь процесс расследования преступлений рассматриваемой группы, делает его трудоемким.

Особенностью расследования налоговых преступлений является тот факт, что основу доказательственной базы этого процесса составляют материалы документальной проверки. Эти материалы образуют как бы стержень расследования, который и определяет его процесс. Поэтому чрезвычайно важно качественное изучение и правильная оценка этих материалов следователем.

Как показывают результаты изучения уголовных дел, материалы проверок, качественными являются далеко не всегда. Нередки случаи, когда уголовные дела возбуждаются на основе поверхностных материалов налоговых проверок. Это вызывает необходимость в последующем изучение и проведение в ходе следствия дополнительных документальных проверок, а затем судебно-экономических экспертиз. В результате, наряду с интенсивно проводимыми другими следственными действиями, некачественные материалы первичной документальной проверки влекут за собой неоправданную длитель-

ность и, зачастую, бесперспективность расследования таких уголовных дел.

По изученным материалам до 10 % возбужденных уголовных дел о налоговых преступлениях прекращались производством вследствие выявленной в ходе досудебного следствия недоброкачественности акта документальной проверки.

Именно акт документальной проверки определяет, особенно на начальном этапе расследования, его направление, задачи, круг следственных версий и следственных действий по их проверке.

Расследование налоговых преступлений всегда связано с исследованием документов, отражающих процесс формирования объекта налогообложения, расчета налога, его уплаты и другой финансово-хозяйственной деятельности налогоплательщика, обусловленной этим процессом. В законодательстве, подзаконных актах и деятельности налогоплательщиков этот процесс достаточно формализован, урегулирован и стереотипен. Данное обстоятельство позволяет, опираясь на него, алгоритмизировать механизм расследования уклонений от уплаты налогов и создать достаточно устойчивые типовые программы расследования таких преступлений. Обобщение и анализ уголовных дел, опросы следователей показали, что процесс, т.е. механизм расследования преступлений данного вида в различных делах во многом очень схож и повторяется. Этот процесс характеризуется типичностью ситуаций: начинается с исследования акта документальной проверки, представленного УМНС. Наличие этих актов, содержащиеся в них результаты и выводы налогоплательщику известны. Его позиция в отношении выявленных в результате проверки обстоятельств уже сформировалась и следователю известна из представленных к акту объяснений налогоплательщика. Круг задач расследования также достаточно ясен и стереотипен, а круг выдвигаемых и проверяемых в ходе расследования следственных версий узок и определен. Основной объем доказательственной информации содержится в материалах документальной проверки и документах, приложенных к ним. Подтверждает стереотипность механизма расследования налоговых преступлений и тот факт, что приговоры судов по делам этой категории в части последовательности, совокупности и структуры приводимых в них доказательств между собой схожи. Это обстоятельство максимально благоприятствует разработке типовых

программ расследования налоговых преступлений как основы методики их расследования.

Особенностью методики расследования налоговых преступлений является необходимость широкого использования специальных познаний в расследовании этих преступлений. Необходимость этого вызвана спецификой самих налоговых преступлений. Это вызвано спецификой самих налоговых преступлений. Специальные познания специалистов, экспертов помогают следователю разобраться в хитросплетениях налоговых махинаций. Их выводы существенно расширяют объем доказательственной базы, что позволяет успешно решать задачи уголовного судопроизводства. Так, например, эксперты, исследующие экономическую деятельность хозяйствующих субъектов, позволяют установить размер причиненного преступлением ущерба, способы совершения налоговых преступлений, а также выявить круг лиц, причастных к его совершению или способствовавших этому. Криминалистические экспертизы, в свою очередь, позволяют успешно расследовать «альтернативные» составы преступлений (незаконное предпринимательство, лжепредпринимательство и другие).

В последнее время в деятельности следователей расследующих налоговые преступления, широкое распространение получили назначения ими пищевых, товароведческих и фармакологических и различных технических экспертиз в связи с массовыми подделками в производстве и реализации продукции и товаров. Часто назначается и проводится пищевая экспертиза по исследованию изъятой алкогольной продукции, криминалистическая экспертиза по исследованию акцизных марок и способов укупорки бутылок. В совокупности названные экспертизы подтверждают изъятие фальсифицированной продукции.

Особенностью расследования налоговых преступлений является необходимость установления прямого умысла налогоплательщика на преступное уклонение от уплаты налога. Это прямо вытекает из требований уголовного закона, регламентирующего ответственность за совершение налоговых преступлений. Отсутствие прямого умысла или недоказанность его на уклонение от уплаты налогов — основание к освобождению лица от уголовной ответственности.

Случается, что весь длительный и трудоемкий процесс расследования ведет к необходимости прекращения производства в связи с отсутствием возможности доказать направленность умысла именно

на неуплату налога. Иногда, такие уголовные дела прекращаются производством уже в суде с вынесением оправдательного приговора, когда при углубленной разносторонней проверке не доказывалось наличие или доказывалось отсутствие умысла на уклонение от уплаты налога в действиях налогоплательщика. По ряду дел это обстоятельство иногда прямо вытекало из акта налоговой проверки УМНС. Если бы данные документы были подвергнуты обстоятельному анализу следователями и работниками прокуратуры на стадии предварительной проверки с участием квалифицированных специалистов в сфере налогообложения, многие необоснованные возбуждения уголовных дел не были бы произведены.

Частой ошибкой следователей в ходе проводимой проверки является то, что при решении вопроса о возбуждении уголовного дела они даже не пытаются установить умысел налогоплательщика на уклонение от уплаты налога. Установление умысла по делам о налоговых преступлениях нередко являются сложной задачей. Иногда доказывание умысла на уклонение от уплаты налога становится главной проблемой в процессе расследования. Как показал анализ практики работы судов по вынесенным ими приговорам, требуется доказать, что лицо не только знало требования налогового законодательства, правила ведения бухгалтерского учета, но и сознательно их нарушало, а внесенные налогоплательщиком искажения в налоговые и бухгалтерские документы были сделаны им умышленно. Кроме того, необходимо еще и доказать, что привлекаемое к ответственности лицо не было введено в заблуждение или действовало в состоянии крайней необходимости.

В расследовании налоговых преступлений при установлении умысла виновного лица на уклонение от уплаты налогов необходимо учитывать целый комплекс различных обстоятельств, что специфично именно для расследования данных преступлений

Изучение уголовных дел показало, что признание налогоплательщиком своей вины часто автоматически влечет за собой торопливость следствия, ускоренный сбор и обзор собранных доказательств с последующим простым перечислением их в тексте обвинительного заключения. Более внимательное изучение этих доказательств в суде приводит к установлению отсутствия прямого умысла или его недоказанности в действиях налогоплательщика и вынесению оправдательного приговора.

Особенностью расследования налоговых преступлений является и то, что оно часто связано с рассмотрением налоговых споров в арбитражном суде. По нашим исследованиям, такие ситуации складывались по 39,6 % изученных дел. При этом общей для уголовного и арбитражного дела являлась объективная сторона налогового правонарушения, отраженная в акте документальной проверки налогоплательщика. Акт этой налоговой проверки служил как основанием для возбуждения уголовного дела, так и основанием для предъявления иска в арбитражный суд со стороны налоговых органов о взыскании с налогоплательщика налоговых санкций или иска налогоплательщика о признании недействительными решений налоговых органов о привлечении их к налоговой ответственности. Иногда в арбитражном суде находились одновременно оба иска, заявленные названными сторонами в той или иной последовательности.

Взаимосвязь уголовного и арбитражного дела появляется в значении выводов арбитражного суда для уголовного дела, а также в значении результатов расследования уголовного дела для рассмотрения налогового спора в арбитражном суде. Если лицо, привлеченное к уголовной ответственности, обращается в арбитражный суд с названным выше иском и суд признает недействительным решение налогового органа по акту проверки, возникает вопрос о значении выводов арбитражного суда для расследования уголовного дела. В соответствии со старым уголовно-процессуальным законом, вступившее в законную силу решение по гражданскому делу было обязательно для суда, прокурора, следователя и лица, производящего дознание, при производстве по уголовному делу только по вопросу: имело место событие или нет. Таким образом, в случае установления арбитражным судом отсутствия налогового правонарушения, уголовное дело прекращалось. Однако применение этого закона статьи вызывало в практической работе споры, т.к. в нем говорилось о значении решения федерального суда, но не упоминалось о значении решения арбитражного суда для производства по уголовному делу. Ожидалось, что это разъяснит новый УПК РФ. Но он не внес ясности в этот вопрос. Статья 90 УПК РФ гласит, что «обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки, если эти обстоятельства не вызывают сомнений у суда». Последняя фраза закона «...если эти обстоятельства не вызывают сомнений у

суда» не только не решила проблему, а, скорее, еще более запутывает ее. Видимо, необходимы соответствующие уточнения уголовно-процессуального закона.

Осложняет расследование дел о налоговых преступлениях, обращение привлекаемых к уголовной ответственности лиц с заявлениями в суд об обжаловании результатов налоговой проверки. В этих случаях затягивается окончание предварительного следствия, поскольку это невозможно без соответствующего судебного решения, вступившего в законную силу. В подобных ситуациях объективно необходимо приостанавливать предварительное следствие. Но нередко рассмотрение гражданского дела затягивается на длительное время. Оспариваемые решения проходят всю процедуру гражданского судопроизводства, включая кассационное и надзорное рассмотрение поступивших жалоб налогоплательщиков. Нередкими являются случаи, когда на это уходят месяцы, а то и годы. Случается, что суд в гражданском судопроизводстве удовлетворяет иск жалобу налогоплательщика. Число таких удовлетворенных исков растет. Так, в 1997 году у фискальных органов налогоплательщики выиграли 14 тыс. подобных дел, в 1998 г. — 22 тыс., в 1999 г. — 58 тыс., а в последующие годы еще больше¹.

Данное обстоятельство объективно заставляет следователей приостанавливать предварительное следствие по делу, дожидаться вступления в законную силу решения по гражданскому делу, как на том настаивают налогоплательщик, его адвокат и требует уголовно-процессуальный закон. Иногда следователи ищут какие-то обходные пути выхода из этого процессуального тупика. Формально для приостановления производства по делу необходимы основания. Среди оснований для приостановления расследования, ст. 208 УПК РФ не предусмотрена необходимость ожидания и получения соответствующего решения гражданского или арбитражного суда по рассматриваемому судом и расследуемому делу одного и того же факта уклонения от уплаты налогов. Видимо, законодателю необходимо дополнить основания приостановления производства по уголовному делу, установленные ст. 208 УПК РФ, еще одним основанием, связанным со спецификой расследования экономических в т. ч. налоговых преступлений — «рассмотрение судом жалобы или иска о признании ак-

---

¹ Сергеев, С. Арбитражный суд и уголовный процесс по делам о налоговых преступлениях / С. Сергеев // Право и экономика. — 2001. — № 5. — С. 51.

та документальной проверки или решения по нему не соответствующим закону».

Во многих случаях, расследование налоговых преступлений затруднено в силу многоэтапности и завуалированности преступной деятельности привлекаемых к уголовной ответственности лиц, стремящихся к тому же различными способами повлиять на исход дела, уничтожить или исказить бухгалтерские документы, уклониться от явки к следователю. Необходимость проведения документальных ревизий, проверок, судебно-экономических и других экспертиз требуют значительных затрат времени, влечет увеличение сроков расследования.

Наряду с этим, в практической деятельности не хватает наработанных методик расследования налоговых преступлений, ощущается нехватка квалифицированных кадров. Следователи, расследующие дело о налоговых преступлениях, должны знать и хорошо ориентироваться не только в уголовном и уголовно-процессуальном, но и налоговом, гражданском, гражданско-процессуальном, арбитражном законодательстве.

В совокупности изложенные особенности свидетельствуют о своеобразии и специфике расследования преступных уклонений от уплаты налогов, показывают направления к разработке основ методики расследования этих преступлений, где такие основы могут быть базой в создании более частных методик расследования отдельных видов налоговых деликтов.

Х. А. Асатрян

ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ СЛЕДСТВЕННОМ ОСМОТРЕ ПО ДЕЛАМ О ФАЛЬШИВОМОНЕТНИЧЕСТВЕ, И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

В своем родовом понятии тактика — это искусство подготовки и ведения боя. Употребление данного термина в криминалистике имеет, естественно, условный характер. Однако состояние соперничества, противоборства, подчас возникающее между следователем и лицами, ему противостоящими, необходимость действовать в услови-

ях тактического риска, использовать фактор внезапности - все это подтверждает правомерность использования термина «тактика»¹.

Как самостоятельный раздел криминалистики криминалистическая тактика представляет собой систему научных положений, раскрывающих закономерности деятельности по расследованию преступлений с целью выработки наиболее рациональных и эффективных в конкретных следственных ситуациях методов, средств и приемов решения задач, возникающих в процессе расследования, при строгом соблюдении норм и принципов процессуального закона².

Тактические следственные действия, применяемые при расследовании фальшивомонетничества, в той или иной мере рассматривались многими авторами. Однако тщательный анализ накопленного научного знания и современного опыта расследования дел указанной категории заставляет снова возвращаться к этой проблеме.

Рассмотрим такое важное тактическое следственное действие, как следственный осмотр, правильное осуществление которого правоохранительными органами обеспечит эффективность раскрытия и расследования преступления.

Следственный осмотр помогает решить следующие важные задачи при расследовании преступлений в сфере фальшивомонетничества:

- Разобраться в обстановке места изготовления или сбыта поддельных купюр или ценных бумаг, выяснить как развивались события, понять действия преступника.

- Выявить и изъять следы изготовления или сбыта.

- Установить возможные источники получения иных доказательств.

- Получить информацию для выдвижения следственных версий.

- Решить вопрос о приобщении к делу того или иного предмета в качестве вещественного доказательств.

Следователь во время расследования преступления, возбужденного по ст. 186 УК РФ, проводит осмотр места преступления, документов и предметов.

Осмотр места преступления по делам о фальшивомонетничестве — это изучение участка местности или помещения, на котором

¹ См.: Криминалистика: Учебник / Под ред. Е.П. Ищенко. – М., 2003. – С. 329.

² См.: Криминалистика: Учеб. пособие / А. В. Дулов, Г. И. Грамович, А. В. Лапин и др.; Под ред. А. В. Дулова. – Минск, 1998. – С. 261.

фальшивомонетчик осуществляет преступное деяние, в целях обнаружения, исследования, изъятия и фиксации, обнаруженных следов изготовления или сбыта поддельных денежных знаков и ценных бумаг. На основании обнаруженных в ходе осмотра места преступления следов могут быть выдвинуты версии о том, совершено ли преступление организованной преступной группой или фальшивомонетчиком-одиночкой.

Местом преступления по делам о фальшивомонетничестве является помещение, где изготавливались поддельные денежные знаки и ценные бумаги, а так же место их сбыта.

Как показывает практика, в большинстве случаев в качестве помещений преступники используют жилые и служебные помещения, если речь идет об изготовлении подделок с помощью многофункциональных устройств с возможностью подключения к ЭВМ (компьютер, сканер и принтер). По-иному дело обстоит, когда поддельные денежные знаки изготавливаются полиграфическими станками, которые во время работы издают громкие шумы, что может привлечь внимание. В связи с этим в качестве помещений для изготовления подделок фальшивомонетчики используют складские, производственные постройки, подвалы частных домов.

Сбываются подделки в общественных местах, при большом скоплении людей, на предприятиях торговли (магазины, супермаркеты, рынки и т. п.) и в сфере услуг (в ресторанах, кафе, барах), при оплате проезда в общественном транспорте или такси.

Осмотр места совершения фальшивомонетничества в целом осуществляется по таким же правилам, что и осмотр места происшествия или преступления по другим видам преступлений.

В качестве предметов осмотра рассматриваются поддельные денежные знаки и средства их изготовления.

Осмотр поддельных денежных знаков и ценных бумаг — это изучение следователем и специалистом индивидуальных признаков подделок и выявление следов, оставленных на них, с помощью применения определенных специальных приборов, с целью получения как можно большей детальной информации о поддельной купюре и фиксации ее в протоколе осмотра фальшивых денежных знаков и ценных бумаг.

Отмечая важность осмотра поддельных денежных знаков и ценных бумаг, также необходимо отметить, что осмотр является следст-

венным действием и не может заменить проведение экспертизы. В связи с этим в протоколе не должны быть выводы о происхождении поддельной денежной купюры или ценной бумаги.

Фальшивые денежные знаки и ценные бумаги являются вещественными доказательствами по делу. Поэтому их осмотр правильнее проводить с участием специалиста, который, обладая определенными знаниями и терминами, в данной области поможет следователю более грамотно составить протокол осмотра предметов.

Осмотр денежных знаков должен проводиться со строгим соблюдением мер предосторожности в целях исключения вероятности их повреждения и уничтожения имеющихся на нем отпечатков пальцев рук.

Осмотр и описание денежных банкнот осуществляется сверху вниз, слева направо, сначала лицевая сторона, затем — оборотная. В процессе осмотра бумажных денежных знаков или ценных бумаг в протоколе указывается: время и место изъятия из обращения денежного знака; их количество; номинал, серия, номер, размер (в мм) и наименование каждой купюры или ценной бумаги; качество надписей, существующих на банкноте; цвет и оттенок изображений на лицевой и оборотной сторонах купюры; цвет флюоресценции в ультрафиолетовых лучах бумаги денежного знака; свойства бумаги (плотность, оттенок, цвет); наличие видимых средств защиты (водяных знаков, металлических нитей, шелковых волокон и т. д.); степень изношенности купюры; степень поврежденности купюры; загрязненность купюр.

В соответствии с приказом ЦБР и МВД РФ «Об утверждении Положения о порядке взаимодействия учреждений Центрального банка РФ и органов внутренних дел РФ в борьбе с фальшивомонетничеством» от 14 августа 1995 г. при осмотре фальшивых денежных знаков выявленных работниками банковских учреждений, следователи могут воспользоваться помощью банковских служащих, обладающих специальными знаниями в данной области.

Одной из важнейших задач следственного осмотра предметов является *осмотр компьютера, сканера и принтера*. Как показывает практика, больше 90 % подделок изготавливаются преимущественно с использованием компьютерного оборудования (компьютер, сканер и принтер).

В 2006 г. на территории Иркутской области было выявлено 1347 поддельных денежных знака ЦБ России. Из них 1119 банкноты были изготовлены с использованием капельно-струйного принтера, 228 — капельно-струйного принтера и электрофотографии.

Прибыв на место происшествия, следователь, в первую очередь, должен запретить и проконтролировать, чтобы никто из присутствующих в помещении лиц не включал компьютер. До начала следственного осмотра компьютера необходимо произвести обзорную фотосъемку осматриваемого помещения и находящегося в нем компьютерного оборудования.

Результаты анкетирования следователей и оперативных работников, специализирующихся на раскрытии и расследовании фальшивомонетничества, выглядит следующим образом. 15 % опрошенных всегда проводят осмотр самостоятельно; 19 % респондентов указали, что к участию в проведении осмотра компьютерного оборудования всегда привлекают специалистов; 76 % опрошенных приглашают специалистов лишь иногда. При этом, как показывает исследование, следователи привлекают специалистов лишь для использования правильных терминов при описании компьютера в протоколе осмотра, а не в целях сохранения важнейшей информации, которая может быть использована в качестве доказательств. Приведенные факты очень печальны, на наш взгляд.

Дело в том, что жесткий диск «винчестер», находящийся в системном блоке компьютера, хранит в себе доказательства интеллектуальной подготовки фальшивомонетчика в совершенном преступлении, в виде информации о фактических обстоятельствах содеянного. Изъятие такой информации и предотвращение попыток уничтожения является одной из первостепенных задач следователя. Осмотр компьютера рекомендуется проводить с участием специалиста в области судебной компьютерно-технической экспертизы, который, обладая определенными знаниями в данной области, поможет следователю избежать попытки умышленного уничтожения информации, что может произойти, если в компьютере установлены специальные средства от несанкционированного доступа, которые срабатывают в случае не введения специального кода и автоматически уничтожает всю информацию. Кроме того, специалист может предотвратить неосторожное уничтожение следов в результате непрофессионального обращения с программно-аппаратными средствами следователем или други-

ми участниками следственно оперативной группы. Обладая специальными знаниями и терминами, специалист поможет следователю грамотнее составить протокол осмотра компьютера.

При осмотре компьютера специалистом производятся следующие действия: фиксируется в протоколе осмотра место нахождения компьютера и его периферийных устройств; производится фиксация пальцев рук и иных следов, оставленных на компьютере и на его периферийных устройствах; если компьютер не включен то его включают, если же он включенный, то устанавливается, какая программа выполняется на момент осуществления осмотра; после производится вход в оперативную систему, для выяснения программы, выполнявшейся в последний раз; рекомендуется копировать информацию, интересующую следователя на флеш-карту или на другой компьютер с целью ее дальнейшего исследования и сохранения.

Так, например, в 2006 г. при осмотре компьютера специалист сохранил все сведения, интересующие следствие на электронный носитель (флеш-карту). Однако во время экспертизы жесткий диск компьютера был испорчен, и сведения, сохраненные на флеш-карту специалиста, явились основными доказательствами по данному делу¹.

После изучения необходимой информации, компьютер отключается от электросети и подлежит к изъятию.

Все действия при осмотре компьютера рекомендуется фиксировать путем видеосъемки. Протокол осмотра подписывается следователем, специалистом, понятыми, членами следственно оперативной группы и лицом, у которого был произведен обыск. Все обнаруженное в ходе осмотра следы и улики, которые в суде могут выступать в качестве средств доказывания виновности лица, должны быть сфотографированы по правилам криминалистической фотосъемки, описаны в протоколе следственного действия, упакованы соответствующим образом и изъяты.

Таким образом, при изготовлении поддельных денежных знаков или ценных бумаг, осмотр места происшествия осуществляется почти всегда. Однако при сбыте подделок осмотр места происшествия осуществляется в основном формально либо совсем не производится. Осмотр места сбыта зачастую производится без привлечения специа-

---

¹ Уголовное дело № 6-675 // Архив Кировского районного суда г. Иркутска.

листов. Следователи, пренебрегая их помощью, составляют протокол следственного осмотра самостоятельно, упаковывают соответствующие образцы, изымают и отправляют на экспертизу.

Не используются во время осмотра денежной купюры специальные приборы, которые могут выявить при осмотре отличительные признаки банкноты и в дальнейшем найти свое отражение в протоколе осмотра денежных знаков. Причиной являются субъективные и объективные факторы. В первом случае следователи, самоуверенно опираясь на опыт, предпочитают обходиться без них, таким образом, некачественно осуществляют следственный осмотр денежных знаков. К объективным факторам можно отнести плохую оснащенность правоохранительных органов.

М. В. Васильева

ТАКТИКА ПРОВЕДЕНИЯ ПРОВЕРОЧНЫХ ДЕЙСТВИЙ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО ФАКТУ НЕЗАКОННОГО БАНКРОТСТВА КРЕДИТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

На сегодняшний день ни один из коммерческих банков надежным назвать нельзя, поскольку принимаемые ими на себя риски находятся вне какого-либо контроля со стороны клиентов, кредиторов и вкладчиков и слишком часто невыполнение обязанностей руководителем банка приводит к его банкротству.

По данным банковской статистики на 1 апреля 2008 г. в Российской Федерации действует 1132 кредитных организаций, имеющих право на осуществление банковских операций (из них 1087 — коммерческие банки), у 150 отозвана лицензия на осуществление банковских операций. При этом большинство из ликвидируемых кредитных организаций (банков) с признаками преднамеренного банкротства (согласно статье 196 Уголовного Кодекса Российской Федерации).

Банкротство кредитных организаций как одна из форм принудительной ликвидации имеет, как показывает практика, стремительный и необратимый характер. Активы банка быстро уменьшаются либо теряют свою ликвидность. Именно в момент принудительной ликвидации и проявляется особая уязвимость имущества банка, на которое претендуют, часто не имея на это каких-либо прав, недобросовестные

руководители банков, а также кредиторы, большую часть которых составляют физические лица — вкладчики банка.

Практика расследования свидетельствует о том, что деятельность правоохранительных органов в борьбе с преступлениями, совершаемыми в процессе банкротства банка, малоэффективна. Оперативные работники зачастую несвоевременно отслеживают криминальные процессы в деятельности кредитных организаций в силу их специфики, а следователи зачастую неспособны собрать необходимые доказательства по уголовным делам.

Судебная практика свидетельствует о сложности доказывания данной категории дел и о высоком проценте их прекращения. Данный факт объясняется наличием многих причин, одной из которых является крайне низкий анализ качества первоначального материала.

В соответствии со ст. 140 УПК РФ поводами для возбуждения уголовного дела служат: заявление о преступлении, явка с повинной, сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников. Основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления.

В некоторых случаях одного сообщения о преступлении недостаточно для возбуждения дела, в связи с чем необходимо собрать дополнительные сведения.

В соответствии со ст. 144 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) материалы, свидетельствующие о фактах совершения преступлений, требуют доследственной проверки, которая уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации не предусмотрена, однако, широко проводится на практике и в большинстве случаев является залогом наиболее полного и эффективного расследования дела.

Доследственная проверка предшествует предварительному следствию и дознанию. Криминалистической и следственной практикой определены цели этого следственного действия: получение, сбор информации, ее накопление, анализ и оценка для установления достаточных данных, указывающих на наличие признаков преступления.

Судебно-следственная практика свидетельствует о том, что поводами к возбуждению уголовных дел о незаконном банкротстве в большинстве случаев является: заявление кредиторов (вкладчиков) Банка; заявление учредителей Банка; заявление Банка России; заявле-

ние временной администрации; заявление ликвидационной комиссии (ликвидатора) кредитной организации; заявление конкурсного управляющего; заявление Федеральной налоговой службы.

Временная администрация определяет наличие признаков преднамеренного банкротства путем анализа операций и сделок кредитной организации, повлекших существенные изменения в структуре и стоимости имущества (активов) кредитной организации.

В случае обнаружения указанных признаков временная администрация направляет в территориальное учреждение Банка России ходатайство о направлении Банком России в правоохранительные органы заявления о выявленных фактах.

Информацию, собранную в ходе проверочных действий, оценивают с нескольких позиций:

- ее относимость к целям и задачам расследования;
- допустимость и целесообразность использования (в качестве доказательственной, в качестве ориентирующей);
- достаточность полученных данных для возбуждения уголовного дела и принятия процессуальных решений;
- перспективы расследования¹.

Значительное число уголовных дел возбуждают на основании материалов проверки конкурсного управляющего.

В соответствии со ст. 50²⁰ Федерального закона от 25.02.1999 г. № 40-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» (далее – Закон) конкурсным управляющим при банкротстве кредитных организаций, имевших лицензию Банка России на привлечение денежных средств физических лиц во вклады, является Агентство по страхованию вкладов. Согласно Постановлению Правительства РФ от 27.12.2004 г. № 855 «Об утверждении временных правил проверки арбитражными управляющими наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства», Агентство, осуществляя функции конкурсного управляющего, обязано на основании изучения имеющихся документов сделать вывод о наличии или отсутствии признаков фиктивного или преднамеренного банкротства. При установлении таких признаков конкурсный управляющий составляет со-

---

¹ Аверьянова, Т. В. Криминалистика: Учебник для вузов / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е. Р. Россинская / Под ред. проф. Р. С. Белкина.– 2-е изд. – М., 2004.

ответствующее заключение, которое направляется в орган предварительного расследования.

В рамках исполнения функций, предусмотренных ст. 50.21 Закона, конкурсным управляющим проводится работа по выявлению обстоятельств банкротства Банка, в том числе документально-правовой анализ деятельности Банка, с целью выявления сомнительных сделок, заключенных бывшими руководителями банка, фактов причинения Банку убытков, для установления лиц, виновных в доведении Банка до банкротства, а также оснований для привлечения к субсидиарной ответственности лиц виновных в банкротстве Банка.

Указанные задачи конкурсный управляющий выполняет во взаимодействии с правоохранительными органами, наделенными правом сбора доказательств, розыска скрывшихся от ответственности лиц. Анализ практики показывает, что схемы умышленного доведения банка до банкротства, в т.ч. вывода их активов, при определенной однотипности в каждом конкретном случае достаточно разнообразны. Нередки случаи, когда в банке отсутствуют не только активы, но и имущество, документы, ценности.

ООО КБ «РОСКОМВЕТЕРАНБАНК» (далее — Банк) признан решением Арбитражного суда г. Москвы по делу А40-9725/06-124-31Б от 07.04.2006г. несостоятельным (банкротом). В ходе проверки конкурсным управляющим выявлено, что в преддверии банкротства Банк осуществил сделку по продаже высоколиквидных векселей кредитных организаций ЗАО «Газпромбанк», АКБ «Росбанк» на сумму 35 млн. руб. Данные векселя кредитных организаций составляли значительную часть ликвидных активов Банка, конкурсный управляющий посчитал, что имеются признаки вывода наиболее ликвидных активов Банка, в связи с чем, конкурсным управляющим в Арбитражных суд г. Москвы 21.03.2007 г. направлено заявление об установлении вины указанных лиц в доведении Банка до банкротства¹.

В Следственный Комитет МВД России по данному делу направлено заключение конкурсного управляющего о наличии признаков преднамеренного банкротства Банка. Возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 196 УК РФ. Следствие пока не завершено.

---

¹ <http://www.asv.org.ru/liquidation/detail.php> Государственная корпорация «Агентство по страхованию вкладов» — Сведения о ходе конкурсного производства.

Не менее показателен пример о привлечении к ответственности лиц, виновных в преднамеренном банкротстве КБ «АКА–Банк». Изучение имеющейся в банке документации показало, что до принятия решения о его ликвидации было совершено большое количество операций по обналичиванию денежных средств. За 5 месяцев (с сентября 2004 г. по февраль 2005 г.) объем таких операций в банке превысил 129 млрд. рублей. Ежедневно три некоммерческие организации — клиенты банка получали из кассы в общей сумме до одного млрд. рублей. В схеме по обналичиванию денежных средств были задействованы более двадцати банков-контрагентов. Все средства, полученные клиентами банка в виде кредитов и платы за векселя, обналичивались по отработанной схеме через фирмы, зарегистрированные, как правило, по фиктивным адресам. Документы финансовой отчетности, имеющиеся в кредитных досье, были поддельными.

В итоге действия руководителей банка привели к тому, что при заявленных требованиях кредиторов на сумму более 170 млн. рублей оценочная стоимость реальных активов банка составила лишь 7,6 млн. рублей¹.

На данном этапе следователю необходимо проанализировать количество и суть сделок, направленных на вывод активов банка, необходимость и экономическую обоснованность их заключения; проверить наличие документов, подтверждающих проведение сомнительной сделки и отражающих движение денежных средств в связи с ее осуществлением; изучить круг банков и организаций, принимавших участие в выводе активов кредитной организации; выполнить другие действия, направленные на проверку достаточности данных для возбуждения уголовного дела².

Следственная практика свидетельствует о том, что полностью избежать ошибок при установлении наличия признаков заведомо ложного банкротства Банка, при решении вопроса о возбуждении

---

¹ Панкратов, С. С. О взаимодействии государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов» с правоохранительными органами в процессе конкурсного производства и ликвидации кредитных организаций / С. С. Панкратов // Банковское право. — 2006. — №1. — С 61–63.

² Ларичев, В. Д. Расследование преднамеренного банкротства и неправомερных действий при банкротстве кредитных организаций / В. Д. Ларичев, П. Е. Власов, Е. И. Ложкина, В. В. Улейчик / Под ред. проф. В. Д. Ларичева. — М., 2006.

уголовного дела довольно затруднительно, так как материалы проверки, как правило, несут информацию лишь об объективной стороне, т.е. о механизме совершения преступления, и не позволяют получить необходимое представление о субъективной стороне. Поэтому в большинстве случаев уголовные дела по факту заведомо ложного банкротства Банка возбуждаются лишь на основе предположительных выводов о наличии в действиях субъектов всех признаков состава преступления. Снизить вероятность необоснованного принятия решения о возбуждении уголовного дела можно лишь путем тщательного изучения следователем всех первичных материалов, углубленного анализа и оценки всех фактических данных, содержащихся в материалах. Следователю на стадии решения вопроса о возбуждении уголовного дела целесообразно получить объяснения конкурсного управляющего, проводившего проверку Банка на наличие признаков преднамеренного и фиктивного банкротства. Кроме того, перед возбуждением уголовного дела, в случае необходимости, следует получить объяснения у лиц, которые были ответственны за финансовую деятельность Банка в предбанкротный период.

На данном этапе уполномоченным на то органам и должностным лицам надлежит проанализировать информацию о преступлении и принять процессуальное решение о начале предварительного расследования либо об отказе в возбуждении уголовного дела.

В заключении следует отметить, что неопределенность и отсутствие должного законодательного регулирования вопросов, возникающих в процессе расследования, предопределены прежде всего проблемами взаимодействия правоохранительными органами и конкурсным управляющим. Отсутствие установленного порядка проведения следственных мероприятий вызывает реальные практические проблемы как в ходе доследственной проверки, так и в процессе расследования преступлений рассматриваемой категории. В настоящее время известны лишь единичные случаи привлечения к уголовной ответственности лиц, виновных в умышленном банкротстве банка.

Не способствует расследованию преднамеренного банкротства и отсутствие научно-методической литературы, профильной подготовки и повышения квалификации специалистов различного уровня.

Успешное расследование преступлений во многом зависит от эффективности взаимодействия между различными подразделениями и службами. Это связано с тем, что возможности и методы, силы и

средства, присущие отдельным субъектам уголовно-процессуальной деятельности неодинаковы, а для решения задач доследственной проверки, в частности, они должны применяться в комплексе. Таково неременное условие всестороннего, полного и объективного расследования. На основании изложенного в рамках проведения проверочных действий о незаконном банкротстве кредитной организации необходима разработка тактики взаимодействия правоохранительных органов, Банка России, Агентства по страхованию вкладов, с целью сохранения доказательств преступной деятельности и их процессуальному закреплению.

А. Х. Кунижев

ПОНЯТИЕ РАСКРЫТИЯ НЕЗАКОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ТЕОРИИ ОПЕРАТИВНО- РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Приоритетным направлением деятельности как органов внутренних дел в целом, так и оперативных подразделений МВД России является совершенствование противодействия преступным посягательствам. Поскольку ведущей сферой жизнедеятельности общества является экономическая, мероприятия по борьбе с незаконной предпринимательской деятельностью имеют особое значение.

Своевременное выявление, пресечение и раскрытие преступлений обеспечивает охрану законных прав и интересов граждан, а также оказывает определенное воспитательное воздействие на виновных лиц, на их окружение, тем самым предупреждая совершение новых преступлений.

Попытки определить сущность раскрытия преступления предпринимались криминалистами и практическими работниками еще в двадцатых годах прошлого столетия.

Так, И. Н. Якимов писал, что уголовно-розыскные органы существуют для предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений. Однако главной их обязанностью является раскрытие преступлений, а предупреждение — случайная задача деятельности, поскольку осуществляется не столько уголовными, сколько социальными мероприятиями. Он отмечал, что расследование преступления складывается из следующих этапов: обнаружение личности совершителя преступления, обнаружение объекта его посягательства и установления суще-

ства его преступной деятельности по тем изменениям, которые она внесла в природу и соотношение вещей между собою¹.

Первым нормативным актом, определяющим понятие «раскрытое преступление» был приказ милиции № 288, изданный в 1921 г., в котором отмечалось, что преступление должно считаться раскрытым, если:

- а) преступник задержан, сознался и похищенное найдено;
- б) преступник задержан, не сознался, но уличается всеми обстоятельствами дела;
- в) преступник задержан и сознался, похищенное не разыскано².

В Инструкции по составлению трехмесячных квартальных отчетов административных отделов, 1924 г. было добавлено еще одно основание: преступление считается раскрытым и в том случае, когда преступник не задержан, но известен и изобличается всеми обстоятельствами дела.

Инструкция о едином учете преступлений и статистической отчетности МВД союзных республик, 1961 г. раскрытие преступления связывала с установлением личности преступника и с фактом, исключающим его привлечение к уголовной ответственности.

Согласно Инструкции по составлению статистических отчетов о состоянии преступности и результатах борьбы с ней, раскрытым считалось зарегистрированное в отчетном периоде преступление, по которому были установлены виновные в его совершении лица. Об установлении в этих целях круга обстоятельств совершенного преступления Инструкция не упоминала³.

В научной литературе по определению содержания «раскрытое преступление» можно выделить несколько основных мнений:

---

¹ См.: Якимов, И. Н. Руководство по уголовной технике и тактике / И. Н. Якимов. – М., 1925. С. 330.

² Подробнее см.: Тагер, С. Статистика раскрытия преступлений / С. Тагер // Административный вестник. – 1925. – № 7. – С. 18–20; Знаменский, Е. Статистика раскрытия преступлений / Е. Знаменский // Административный вестник. – 1925. – № 11. – С. 68; Шумахер, Л. О методах исчисления раскрываемости преступлений / Л. Шумахер // Административный вестник. – 1925. – № 11. – С. 65–68.

³ См.: Лекарь, А. Г. Правовые и методологические основы раскрытия преступлений / А. Г. Лекарь, Р. К. Безруких. – М., 1976. – С. 12.

1) это обнаружение преступления и установление виновных лиц¹;

2) это установление события преступного деяния, виновных в его совершении лиц и обеспечение их справедливого наказания²;

3) это установление обстоятельств совершенного преступления, входящих в предмет доказывания по уголовному делу³;

4) это установление всех подлежащих доказыванию обстоятельств, изобличение всех виновных в совершении преступления лиц, их привлечение к предусмотренной законом ответственности⁴.

Существует подход к пониманию раскрытого преступления в узком и широком смысле. Так, в узком смысле под раскрытием преступления понимается установление лица, его совершившего. В широком же смысле под раскрытием преступления понимается установление и доказывание участия лица в совершении противоправного деяния, времени, места, способа совершения преступления и ряда других обстоятельств, относящихся к составу преступления. Таким образом, можно сделать вывод, что под раскрытием преступления в уголовном процессе следует понимать установление обозначенных выше тем доказывания⁵.

---

¹ См.: Васильев, А. Н. Введение в курс советской криминалистики / А. Н. Васильев. – М., 1962. – С.4.; Герасимов, И. Ф. О понятии раскрытия преступлений / И. Ф. Герасимов // Материалы конференции по итогам научно-исследовательской работы за 1966 г. – Свердловск, 1968. – С. 115–117; Жогин, И. В. Прокурорский надзор за предварительным расследованием уголовных дел / И. В. Жогин. – М., 1968. – С. 99; Бородин, С. В. Советский уголовный процесс. Возбуждение уголовного дела и предварительное расследование / С. В. Бородин, М. М. Гуткин, И. Д. Перлов, В. М. Петренко. – М., 1968. – С. 24.

² См.: Научно-практический комментарий к основам уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. – М, 1961. – С. 26.

³ См.: Гельфанд, И. А. Значение быстрого и полного раскрытия преступлений для предупреждения повторной преступности / И. А. Гельфанд // Материалы теоретической конференции по итогам научно-исследовательской работы за 1968 год. – Киев, 1969. – С. 147–152; Научно-практический комментарий УПК РСФСР / Под ред. Л. И. Смирнова. – М, 1970. – С. 24.

⁴ Советский уголовный процесс. Особенная часть. – Саратов, 1967. – С. 24.

⁵ См.: Михайлов, А. И. Процессуальная сущность раскрытая преступлений / А. И. Михайлов, Л. А. Сергеев // Советское государство и право. – 1971. – № 4. – С. 113.

Для полного уяснения понятия «раскрытое преступление» необходимо уяснить цели раскрытия в общем комплексе задач, выполняемых правоохранными органами.

Прежде всего, раскрытое преступление — это сумма знаний об обстоятельствах его совершения, объем и содержание которых должны быть достаточными для привлечения виновных к уголовной ответственности и определения наказания. При этом следует исходить из того, что раскрытие преступления — лишь одна из конечных целей деятельности государственных органов по факту раскрытия совершенного преступления, поскольку она обеспечивается в результате различных видов деятельности (оперативно-розыскной, следственной, судебной), каждой из которых соответствует свое понятие раскрытия преступления. Таким образом, окончательно раскрытым преступление может считаться, когда в отношении виновных вынесен обвинительный приговор суда, вступивший в законную силу.

Теория оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел под раскрытием преступлений понимает:

- организацию дознания и предварительного следствия в пределах представленной компетенции;
- осуществление оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий по обнаружению признаков преступлений, установлению всех обстоятельств их совершения, выявлению совершивших их лиц и принятию к ним предусмотренных законом мер¹.

Принимая за основу данное положение и анализируя практическую деятельность оперативных подразделений МВД России, можно констатировать, что в новых сложившихся условиях данное определение нуждается в некоторых уточнениях.

Как свидетельствует практика, не всегда успешное предварительное расследование гарантирует установление истины по делу. Недооценка важности всеобъемлющего обеспечения раскрытия рассматриваемого вида преступлений способствует избежанию наказания или его смягчению. Мы имеем в виду оказание воздействия как на потерпевших и свидетелей, производящих расследование лиц, так

---

¹ См.: Гребельский, Д. В. Сущность и социальная роль раскрытия преступлений оперативно-розыскными аппаратами органов внутренних дел / Д. В. Гребельский. – М., 1979; Лукашов, В. А. Комплексные меры ОВД по повышению эффективности раскрываемости преступлений прошлых лет / В. А. Лукашов. – М., 1975.

и на представителей судебной власти, в результате чего доказательства преступной деятельности зачастую оказываются «потерянными». Данное положение вызывает необходимость включить в понятие «процесс раскрытия», в качестве элемента содержания, создание условий обеспечения неотвратимости наказания за содеянное преступление путем нейтрализации оказываемого ими противодействия.

Таким образом, в теории оперативно-розыскной деятельности раскрытие преступления — это комплекс оперативно-розыскных, следственных и иных действий правоохранительных органов, направленных на:

- 1) обнаружение уголовного правонарушения;
- 2) выявление лиц, установление фактов и обстоятельств, связанных с его совершением;
- 3) нейтрализация противодействия преступников в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства в целях обеспечения применения к виновным предусмотренных законом мер.

Применительно к преступлениям в сфере незаконного предпринимательства раскрытие включает в себя:

1. Обнаружение преступления, связанного с незаконной предпринимательской деятельностью: осуществление предпринимательской деятельности без регистрации или с нарушением правил регистрации, представление в орган государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей содержащих ложные сведения документов, осуществление предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии) или с нарушением лицензионных требований и условий, создание коммерческой организации без намерения осуществлять предпринимательскую деятельность и т.д.

2. Выявление лиц, установление фактов и обстоятельств, связанных с совершением преступлений в сфере предпринимательской деятельности:

- установление лиц, совершивших преступления;
- установление круга лиц, которые в силу особенностей механизма совершения преступления, являются очевидцами криминальных событий, для их дальнейшего допроса в качестве свидетелей по уголовному делу (сотрудники предпринимательских структур на определенной территории, сотрудники организаций и учреждений, находящихся с предпринимательскими структурами в тесных экономи-

ческих связях, сотрудники государственных органов осуществляющих контроль в сфере предпринимательской деятельности);

- выявление необходимых документов и различных предметов, использовавшихся в период подготовки к преступлению и в ходе совершения преступления;

- получение информации о местонахождении материальных ценностей, ставших непосредственным объектом преступного посягательства;

- обеспечение сохранности документов, предметов, материальных ценностей до их изъятия в уголовно-процессуальном порядке;

- фиксирование оперативно-техническими средствами проверяемых и разрабатываемых по делу действий, причинно связанных с событиями преступления.

3. Нейтрализация противодействия преступников, в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства, в целях обеспечения применения к виновным предусмотренных законом мер (наблюдение; контроль почтовых отправлений; прослушивание телефонных переговоров и другие законодательно предусмотренные мероприятия¹).

---

¹ См., например: Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12 августа 1995 г. (в редакции от 24.07.07 г.) № 144-ФЗ // Российская газета. – 1995. – № 160.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Р. А. Ражков

ОБ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

В соответствии с п. 1 ст. 105 Конституции РФ Федеральные законы принимаются Государственной Думой. Однако на самом деле законодательный процесс значительно богаче по своему содержанию. А. В. Малько определяет законодательный процесс как юридическую процедуру, регламентирующую основные его стадии и порядок осуществления: законодательная инициатива, обсуждение законопроекта, принятие закона, его опубликование¹. О. Е. Кутафин также говорит о законодательном процессе как о совокупности действий, посредством которых осуществляется законодательная деятельность Федерального Собрания.² В Российской Федерации законодательный процесс состоит из нескольких стадий. Причем непосредственно формирование текста закона осуществляется при разработке законопроекта, на стадии рассмотрения законопроекта в Государственной думе (при прохождении второго чтения), в стадии преодоления разногласий, возникших между Советом Федерации и Государственной Думой в связи с отклонением Советом Федерации принятого Государственной Думой закона, а также при отклонении Президентом РФ федерального закона.

При рассмотрении законопроекта в государственной думе он проходит правовую и лингвистическую экспертизы. Также законопроект может быть подвергнут специальной экспертизе: например, экологической³, гендерной¹. В 2001 г. в Государственную Думу был

---

¹ Матузов, Н. И., Малько, А.В. Теория государства и права: Учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. – М.: Юристъ. – 2004. – С. 64.

² Козлова, Е. И., Кутафин, О. Е. Конституционное право России: Учебник. 3-е издание, переработанное и дополненное / Е. И. Козлова, О. Е. Кутафин. – М.: Юристъ. – 2004. – С. 214.

³ Федеральная служба по надзору в сфере природопользования организует и проводит в порядке, определяемом законодательством Российской Федерации, государственную экологическую экспертизу проектов правовых актов, между-

внесен законопроект «Основы законодательства об антикоррупционной политике», где в качестве одной из мер предупреждения коррупционных нарушений предусматривалась антикоррупционная экспертиза правовых актов, были определены приоритетные направления антикоррупционной политики (соответственно определен круг общественных отношений, правовое регулирование которых предполагало обязательное проведение антикоррупционной экспертизы соответствующих законопроектов), определены антикоррупционные стандарты в сфере правотворчества. Однако Законопроект был снят с рассмотрения Советом Государственной Думы Федерального Собрания РФ.

Отличительным признаком коррупциогенного законодательства является наличие норм, допускающих их произвольные трактовку и применение государственными (муниципальными) служащими.

Депутат государственной думы генерал-майор запаса МВД России А. Н. Волков отмечает, что «как правило, инициаторы законопроектов смотрят на них с точки зрения государственного интереса и законопослушных граждан, а не с точки зрения нарушителей закона и часто не замечают имеющихся в них слабых мест. Зато такие места сразу после принятия закона и вступления его в юридическую силу находят преступники. Правка же действующего закона иногда растягивается на годы. Отсюда вытекает необходимость криминологической экспертизы законопроектов на предмет их возможного использования правонарушителями, в том числе в преступных целях. В этой связи в Госдуме создана Комиссия по противодействию коррупции, одной из задач которой является исследование законопроектов и действующего законодательства на предмет лоббирования частных интересов и коррупции. Деятельность Комиссии курирует Комитет Госдумы по безопасности»².

Согласно Положению о Комиссии Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по противодействию

народных договоров Российской Федерации, реализация которых может привести к негативным воздействиям на окружающую среду.

¹ Межведомственная комиссия по вопросам обеспечения равенства мужчин и женщин в Российской Федерации осуществляет гендерную экспертизу законов (других нормативных правовых актов) в части вопросов, имеющих существенное значение для обеспечения равенства мужчин и женщин в социально-экономической, политической и культурной сферах.

² Волков, А.Н. Закон и воля / А.Н. Волков, Л. Казакова, А. Орлов // Закон и армия. – 2005. – № 10.

коррупции от 20 апреля 2004 г. названная Комиссия проводит работу по комплексному исследованию федерального законодательства в целях выявления положений, способствующих возникновению и распространению коррупции, изучает законопроекты при подготовке их к рассмотрению Государственной Думой в первом чтении в целях выявления положений, способствующих возникновению и распространению коррупции, представляет в профильные комитеты Государственной Думы свои отзывы, предложения и замечания.

Однако даже успешная работа Комиссии не всегда приводит к желаемому результату. Так при рассмотрении законопроекта о поправках к ФЗ «О лекарственных средствах» после отрицательного заключения Комиссии по противодействию коррупции при Комитете ГД по охране здоровья была создана рабочая группа по доработке законопроекта, однако в силу ряда обстоятельств работа некоторых членов рабочей группы была расстроена. Углубленного обсуждения не было, и в результате законопроект практически без изменений был вынесен на первое чтение в Государственную Думу, и в последний день весенней сессии был принят Госдумой в первом чтении¹.

Определенные сложности вызывает то, что коррупция склонна к самовоспроизводству, и влиянию на законотворческий процесс. Особенно это проявляется в банковском секторе. «Коррупция невозможна без наличия в стране неучтенных денежных средств. Большие масштабы коррупции говорят о том, что теневая экономика перешла уже все пределы, основные средства в копилку коррупции идут от нефтедолларов, криминального рынка, рынка услуг»². «Нет сомнения в том, что одними карательными мерами не удастся свести на нет незаконную банковскую деятельность. Нужны усилия законодателей по совершенствованию законов, регулирующих банковскую деятельность, координация действий в этом вопросе всех работников правоохранительных органов. Нужно ужесточение законов в банковской сфере и принятие законов о противодействии коррупции и взяточничеству. Как нам представляется, необходимо также совместно с Генеральной прокуратурой, Министерством внутренних дел, Централь-

---

¹ Бобошко, С. А. Цели благие, но достигать их надо иными средствами / С.А. Бобошко // Московские аптеки. – 2005. № 7–8. См. также Поправки к закону: борьба с брендами? // Московские аптеки. – 2005. – № 7–8.

² Киц, А. Взаимосвязь коррупции и экономики / А. Киц // Безопасность бизнеса. – 2006. – № 3.

ным Банком, Министерством финансов, Министерством экономики, ВЭКом и Госдумой создать специальную постоянно действующую комиссию по борьбе с преступностью в банковской сфере»¹. Одним из направлений деятельности такой комиссии могло бы быть проведение антикоррупционной экспертизы действующего банковского законодательства и принимаемых законов и подзаконных НПА.

Также идею антикоррупционной экспертизы содержит Концепция административной реформы в РФ в 2006–2008 гг., одобренная распоряжением Правительства РФ от 25 октября 2005 г. № 1789-р. Одним из направлений реформы на 2006, 2007 годы является внедрение практики антикоррупционной экспертизы законопроектов, иных нормативных правовых актов. В Концепции отмечается, что в ряде органов исполнительной власти возникают дополнительные условия для коррупции. В группу органов исполнительной власти с повышенным коррупционным риском входят те, для которых характерно: наличие полномочий, связанных с распределением значительных финансовых средств; высокая степень свободы действия, вызванная спецификой их работы; высокая интенсивность контактов с гражданами и организациями. В связи с этим в целях оптимизации функций органов исполнительной власти и противодействие коррупции предполагается создание специальных антикоррупционных механизмов в сферах деятельности государственных органов с повышенным риском коррупции, внедрение экспертизы нормативных правовых актов и их проектов на коррупциогенность. В Концепции зафиксировано, что в рамках мероприятий по внедрению экспертизы нормативных правовых актов на коррупциогенность будут разработаны методики первичной и специализированной (предметной) экспертизы действующих нормативных правовых актов и вносимых проектов.

В 2004 г. на площадке Центра стратегических разработок в результате серии дискуссий был выработан единый согласованный документ — Памятка эксперту по первичному анализу коррупциогенности законодательного акта². В 2006 г. при поддержке Всемирного

---

¹ Коротков, А. П., Гусев О. Б., Завидов, Б. Д., Попов, И. А. Преступления в сфере экономической деятельности и против интересов службы в коммерческих и иных организациях (главы 22 и 23 Уголовного кодекса РФ / А. П. Коротков, О. Б. Гусев, Б. Д. Завидов, И. А. Попов // Право и экономика. – 2000. – № 5.

² См.: Анализ коррупциогенности законодательства: Памятка эксперту по первичному анализу коррупциогенности законодательного акта. – М., 2004.

банка документ был существенно дополнен и переработан, что позволило применять его при анализе и подзаконных актов. Э. В. Талапина (один из авторов Методики) коррупционные факторы сгруппировала следующим образом:

А. Коррупционные факторы, связанные с реализацией властных полномочий в качестве дискреционных: широта дискреционных полномочий, определение компетенции по формуле «вправе», завышенные требования к лицу, предъявляемые для реализации принадлежащего ему права, злоупотребление правом заявителя, выборочное изменение объема прав, чрезмерная свобода подзаконного нормотворчества, юридикто-лингвистическая коррупциогенность, принятие нормативного правового акта органа исполнительной власти «сверх компетенции», заполнение законодательных пробелов при помощи нормативного правового акта органа исполнительной власти.

Б. Коррупционные факторы, связанные с наличием правовых пробелов: наличие пробела в регулировании, отсутствие административных процедур, отсутствие конкурсных (аукционных) процедур, отсутствие запретов и ограничений для государственных (муниципальных) служащих в конкретной области деятельности, отсутствие ответственности государственного (муниципального) служащего за правонарушения, отсутствие контроля, в том числе общественного, за государственными (муниципальными) органами и служащими, отсутствие информации (нарушение режима прозрачности информации).

В. Коррупционные факторы системного характера: ложные цели и приоритеты, нормативные коллизии, нарушение баланса интересов, «навязанная» коррупциогенность.

Г. Проявления коррупциогенности: формально-техническая коррупциогенность, Непринятие нормативного правового акта (бездействие)¹.

Методика разрабатывалась в практических целях и после апробирования применена для проведения конкретных антикоррупционных экспертиз в течение 2005–2006 гг. На сегодняшний день уже накоплен опыт анализа проектов федеральных законов и законов субъектов РФ, административных регламентов федеральных и региональных органов исполнительной власти. Методика использовалась экспертами, привлекаемыми комиссией Государственной Думы РФ по

---

¹ Талапина, Э. В. Об антикоррупционной экспертизе / Э. В. Талапина // Журнал российского права. – 2007. – № 5.

противодействию коррупции при проведении антикоррупционной экспертизы федеральных законопроектов, таких как «О лекарственных средствах», «О защите конкуренции», «Об организации азартных игр», «Об основах туристской деятельности» и др.

«Именно сейчас, в свете принятия ряда нормативных документов, у антикоррупционной экспертизы открылись наиболее реальные перспективы. В 2006 г. Россия ратифицировала две международные Конвенции — Конвенцию Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г. и Конвенцию ООН 2003 г. против коррупции. Одновременно вместо учрежденного в 2003 г. Совета при Президенте РФ по борьбе с коррупцией (который фактически не функционировал) Указом Президента РФ создана межведомственная рабочая группа для подготовки предложений по реализации в законодательстве Российской Федерации положений указанных Конвенций. Именно в результате ее работы будет определен специализированный орган, уполномоченный на координацию работы по борьбе с коррупцией»¹.

Предпосылка для оценки коррупционных рисков в законодательстве содержится в Конвенции ООН против коррупции (ст. 5 Конвенции): каждое государство-участник стремится периодически проводить оценку соответствующих правовых документов и административных мер с целью определения их адекватности с точки зрения предупреждения коррупции и борьбы с ней. Представляется, что такая широкая формулировка позволяет государству самостоятельно вырабатывать собственные методы такой оценки.

Конвенция Совета Европы предусматривает, что каждая Страна принимает такие законодательные и иные меры, которые могут потребоваться для того, чтобы квалифицировать в качестве уголовных преступлений в соответствии с ее внутренним правом обещание, предложение или предоставление каким-либо лицом, прямо или косвенно, какого-либо неправомерного преимущества любому из ее государственных должностных лиц для самого этого лица или любого иного лица, с тем чтобы оно совершило действия или воздержалось от их совершения при осуществлении своих функций, когда это сделано преднамеренно, испрашивание или получение кем-либо из ее государственных должностных лиц, прямо или косвенно, какого-либо неправомерного преимущества для самого этого лица или любого

---

¹ Талапина, Э. В. Указ. статья.

иною лица, или же принятие предложения или обещания такого преимущества, с тем чтобы это должностное лицо совершило действия или воздержалось от их совершения при осуществлении своих функций, когда это сделано преднамеренно, когда это касается любого лица, являющегося членом какого-либо национального государственного собрания, осуществляющего законодательные или административные полномочия (ст. 4 Конвенции). Таким образом, Российская Федерация приняла на себя обязательства, исполнение которых может привести к минимизации лоббирования при принятии законов, и как следствие снижению вероятности принятия коррупциогенных законов.

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ

И. В. Смолькова

ВЕЛИКИЕ И ЗНАМЕНИТЫЕ О ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ РАССЛЕДОВАНИИ

За долгие годы преподавания уголовно-процессуального права на юридических факультетах различных вузов у меня накопилась удивительная коллекция, состоящая из изречений великих, знаменитых и просто хорошо известных людей (политиков, философов, юристов, социологов, педагогов) о праве, законе, законности, суде, правосудии, судоустройстве и судопроизводстве. Это поистине золотая коллекция! Но любая коллекция мертва, если она недоступна людям. Поэтому я решила систематизировать и опубликовать собранные мною изречения и афоризмы, полагая, что они будут интересны и полезны всем, кто изучает проблемы, связанные с судопроизводством.

В настоящем сборнике я предлагаю подборку изречений, посвященных предварительному расследованию (дознанию и предварительному следствию).

Дознание

Полиция, произвольно расправляющаяся со своими гражданами и не руководствующаяся законами, превращается в ужасное бедствие для народа, стесняет его и доставляет ему гораздо больше неудобств, чем сама анархия. Далекая от того, чтобы облагораживать и очищать нравы, она, напротив, развращает их, поощряет доносчиков, мошенников, мелких притеснителей, наводняя ими общество и позволяя им угнетать граждан. Вынужденная использовать в своих гнусных преследованиях невинных только низкие и продажные души, такая полиция становится пугалом честных людей.

Для того, чтобы быть полезной, полиция должна подчиняться только законам, руководствоваться только законами, заботиться о безопасности подданных. Без ее помощи общество оказалось бы во власти анархии.

Гольбах, П. А. О полиции // Гольбах, П. И. Избранные произведения: в

2 т. – Т. 2. – М.: Изд-во соц.-экон. лит., 1963. – С. 435.

Наука Полиции выводит следующий закон: *во всех случаях, когда отдельное лицо собственными силами и средствами не может создать таких условий безопасности и благосостояния, без которых развитие его невозможно, на помощь ему должна явиться деятельность других, называемая полицейскою.*

Андреевский, И. Е. Полицейское право: в 2 т. – Т. первый: Введение и часть I: Полиция безопасности. – СПб.: Тип. В. В. Платц, 1874. – С. 17.

Так как лица, совершающие преступления или проступки, кроме частного вреда, наносимого преступлением лицу, над которым оно учинено, наносят вред, так сказать общий, подрывая в глазах общества значение закона и установленных понятий о правах людей, то в противоположность процессу гражданскому, где суд рассматривает только те доказательства, которые представлены тяжущемся, — уголовное судопроизводство требует содействия не только частных лиц, но и еще особых должностных лиц, на обязанности которых отнесено собрание для суда доказательств, необходимых для правильного разрешения дела в интересах не только отдельного лица, но и целого общества...

...в общем порядке уголовного судопроизводства оно [дознание]¹ главным образом имеет значение вспомоществования судебной власти добыть те данные, на основании которых с большею или меньшею вероятностью можно было бы подозревать кого либо в совершении преступления, следовательно, не смотря, повидимому, на свою скромную роль, оно в сущности представляет собою главное основание дела, или, так сказать, здание, выстроенное вчерне, которое впоследствии разными должностными лицами только отделяется и достраивается; отсюда понятно, что по справедливости дознание должно заслуживать особого внимания всех тех, кто, разумеется, в правильном исходе дела заинтересован.

Гисси, С. А. Дознание, его цели и способы производства: Руководство для чинов

---

¹ В квадратные скобки помещено словоупотребление — примечание автора-составителя.

полиции, волостного и сельского начальства: в двух частях. – Казань: Тип. М. А. Гладышевой, 1878. – С. 1, 9.

Предварительное следствие

Расследование преступлений требует строгости: это война, которую человеческое правосудие ведет со злобой, но великодушие и сострадание существуют даже на войне. Храбрец сострадателен; нужно ли, чтобы юрист был жестоким?

Вольтер, Ф. М. Комментарий к книге о преступлениях и наказаниях // Ф. М. Вольтер. Избранные произведения по уголовному праву и процессу. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1956. – С. 92.

Следствие есть первая безусловно необходимая часть уголовного судопроизводства, которая объемлет в себе все действия необходимые для того, чтобы убедиться в действительности какого либо преступления и привести все обстоятельства его в возможно-полную известность...

...Из самого определения уголовного следствия видно, что цель его состоит в том, чтоб посредством его привести в возможно полную известность все обстоятельства, которые обуславливают приложение уголовного закона к известному случаю и на основании которых можно сделать решительный приговор, т. е. обвинительный, или освобождающий совершенно, или только в известном отношении...

...*Предмет* уголовного следствия составляет полное уяснение и приведение в известность того, действительно ли и в какой мере нарушена правда, выраженная в известном законе, деянием или недеятельностью лица, и должны ли пасть на него последствия этого нарушения, или наказание.

Баршев, Я. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. – СПб.: Тип. Отделения Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1841. – С. 71–72.

...Следствие, как одно из средств правосудия, не может никогда быть обращено в орудие притеснения.

Ф. Эли // Цит. по: Платонов, С. О русской адвокатуре // Журнал гражданского и уголовного права. – 1875. – Книжка третья. – С. 209.

Нам приходилось встречать следователей, у которых с давно минувшего дня вступления в должность не побывало *ни одной* книги в руках, кроме Устава и Уложения; которые не имели понятия о крупнейших произведениях литературы, с которыми мало-мальски серьезная беседа оказывалась делом невозможным...

...Обратимся ... к несовершенствам нашего предварительного следствия, от которых страдает не только само следствие, как задача всестороннего раскрытия внешней и внутренней правды события, а и «прикосновенный к делу» обыватель.

Здесь тремя радиусами от центра к окружности идут три категории прикосновенных: потерпевший, обвиняемый и свидетель.

Обнинский, П. Н. Закон и быт: Очерки исследования в области нашего рекомендуемого права. – Вып. Первый. – М.: Тип. А. И. Снегиревой, 1891. – С. 82-83.

Принципиальный недостаток предварительного следствия коренится в инквизиционном начале, проникающем эту стадию процесса, противоречащему состязательному принципу, который проходит весьма заметно через окончательную стадию уголовного судопроизводства. Инквизиционный характер предварительного следствия сказывается: А) в тройственной роли, приданной следователю законом, и В) в смещении дознания (собственно розыска), его целей и средств с предварительным следствием, с задачами и средствами последнего.

А) Следователь призван играть роли самые разнохарактерные, или совершенно несовместимые в одном лице, или трудно совместимые, всегда с ущербом для дела, и, при всем том, роли, которые он обязан выполнять одновременно. Следователь является: а) *судьей*, так как он чинит определения и постановления, совершенно судебного свойства. Так, следователь ... обязан во многих случаях «оценивать собранный им материал, определять свойства и характер улик, постановлять определения о привлечении в качестве обвиняемых и о принятии против тех или других мер пресечения...

...в) следователь является еще *обвинителем*... Он «приводит в известность обстоятельства, уличающие обвиняемого» (ст. 265 Уст.)...

...Кроме того, с) следователь *защитник* и обвиняемого (ст. 256 УС) так как он обязан с «полным беспристрастием» приводить в известность и «обстоятельства, обвиняемого оправдывающие». Притом, по заключении лиц обер-прокурорского надзора, следователь, выступая обвинителем и защитником, должен еще «действовать по собственной инициативе, вне указаний обвинительной власти или обвиняемого»...

...В итоге получается нарушение двух основных требований судопроизводства: 1) об отделении суда от сторон, 2) о разделении ролей сторон, то есть о противопоставлении, на началах равенства, обвинителя обвиняемому... [Следователь] должен быть беспристрастен и независим от сторон, но представляет в своем лице и стороны, и судью.

В) Если следователь, не переставая быть судьей, должен собирать доказательства «изобличающие» и «оправдывающие», то логика должна была привести законодателя к *смешению предварительного следствия с розыском*. Следователь является по преимуществу органом розыска, который представляется существенной составной частью нашего предварительного производства...

...Едва ли мыслимо для одного лица быть в деле и обвинителем и защитником. *Эти функции принципиально противоположны и не согласуемы*, особенно в том случае, когда они сосредоточены в лице, принимавшем *активное участие* в собирании доказательств, обличающих и оправдывающих. Созданное законом положение следователя – *психологически фальшиво*: очень трудно в деле, исследуемом по отношению к определенному лицу, *одновременно* сосредоточить внимание, *равномерно напряженное, на двух различных сторонах дела*; не легко составить себе *две противоположные точки зрения*, которые находились бы в состоянии *равновесия* и проверялись бы следователем с одинаковою ревностью, убежденностью и силой логического мышления. *Равновесие неизбежно должно нарушиться*, преимущественное внимание и энергия исследователя должны постепенно обратиться в ту или другую сторону. Говорят, что положение следователя *тождественно* с положением исследователя в области науки: последний вынужден, добываясь истины, сам собирать доказа-

тельства *pro* и *contra*, устанавливать точки зрения и гипотезы, взаимно друг друга исключаящие, оценивать собранный материал и давать решение спорного научного вопроса. А если, при всем этом, ищущий научной истины может оставаться беспристрастным и нередко находить истину, то в таком же положении беспристрастного исследователя мыслим и судья-следователь. Но такая аргументация исходит из отождествления положения следователя с положением научного исследователя. На самом деле между положением того и другого существует лишь *подобие* (сходство), а не тождество. Судья-следователь действует в предварительном следствии розыскного типа под давлением презумпции против обвиняемого; в этом процессе все, служащее против привлеченного, должно создать и направить господствующую у следователя точку зрения, так как сама должность следователя в процессе этого типа создана для собирания доказательств совершившегося преступления и к открытию его виновника. Следственный судья в инквизиционном процессе может быть отождествляем лишь с тем научным исследователем, который, оставив себе заранее определенную гипотезу, принялся за ее дальнейшую разработку и доказывание и, подбирая явления положительного свойства, укрепляющие эту гипотезу, откинул другие гипотезы, противоречащие принятой им, после поверхностной или чисто формальной их проверки. И если в науке далеко не всегда встречаются строго объективные исследования, а истина в ней открывается чаще всего после ряда исследований, производимых многими лицами, взаимно друг друга проверяющими, нередко после продолжительной работы, не стесняемой временем, и часто откладываемой до собрания большого материала и до его проверки, то объективное розыскание истины должно встретиться с неизмеримо большими препятствиями в уголовном деле. В последнем к открытию истины стремится одно лицо (следователь), лишенное почти всегда возможности воспроизводить явление исследуемого события, стесняемое временем, количеством и качеством материала, — лицо, направление и план изысканий которого не встречают серьезного противодействия или помощи со стороны других исследователей (обвиняемого и его защитника). Вот почему и результаты такого исследования дальше от истины, возможность же ошибок еще значительнее.

Следственный судья должен, по всем законам вероятности, склониться туда, куда толкают его органические условия его деятель-

ности, существо которой лежит в розыскных функциях. Следователь создан нашим законодательством для отыскания преступлений и преступников. Поэтому господствующий характер его деятельности, поддерживаемой прокуратурой, отправляющей главным образом обвинительные функции, создает из умного, энергичного следователя хорошего сыщика, склонного к обвинению и усматривающего в привлеченном не только объект исследования, но и виновного. Такой взгляд на обвиняемого вырабатывает и соответствующие приемы предварительного следствия, не встречающие противодействия в организованной *форменной* защите обвиняемого. С допущением такой защиты увлечения следователя встретили бы в ней законное противодействие; требования защиты, например, о допросе свидетелей обвиняемого, опирающиеся на закон и охраняемые правом обжалования в суд действий и распоряжений, могли бы уравновесить или значительно смягчить обвинительное настроение и деятельность следователя. Материал, собранный следователем, по указаниям защиты, образовал бы в совокупности с данными обвинения, итог, при оценке которого власть, придающая суду, могла бы постановлять определения, отличающиеся от тех, которые встречаются в настоящее время, когда следователю противопоставляется обвиняемый — тёмный и малограмотный, невежда в законах, не имеющий понятия о своих правах, а если он подвергнут личному задержанию, то часто еще напуганный или с «упавшим духом». Может ли такой субъект постоять за себя, настаивать на требованиях, обжаловать следственные действия суду?!

Даневский, В. П. Наше предварительное следствие: его недостатки и реформа. — М.: [Б. м.], 1895. — С. 6–12.

Главным недостатком нашего предварительного следствия считается то, строго проведенное в отношении к следствию законах ... инквизиционное сыскное начало, по которому главная цель предварительного следствия добиться законными способами, не прибегая, ни к обещаниям, ни к угрозам, ни к ухищрениям, ни к вымогательствам (405 ст. у.у.с.), *сознания обвиняемого*. Такая главная цель предварительного следствия нередко лишает лиц, производящих следствие должной объективности и ставит иных на скользкий путь в смысле легкой возможности увлечься и перейти границу законных мер. ... вообще инквизиционное сыскное начало противоречит основному

принципу наших судебных уставов, — принципу состязательному, принципу равенства и самостоятельности сторон перед судом ...

...самый принцип держать в секрете от общества данные предварительного следствия не состоятелен и сохраняется, лишь как наследие далекого прошлого, когда следствия производились в глухих застенках и сопровождалась пытками, угрозами и пристрастными допросами. Интерес к новостям, данным и результатам предварительного следствия, — особенно по сенсационным делам, волнующим общество, или по каким-нибудь тяжким и зверским преступлениям, всегда очень силен у общества, и в этом интересе нет ничего дурного и предосудительного. Общество всегда стоит за правосудие; оно приветствует успех следствия и требует кары виновному...

...Нужно довериться такту и осмотрительности судебного следователя, разрешая ему сообщать ежедневной прессе только такие данные, которыми преступник не мог бы воспользоваться во вред успеху следствия и правосудия...

...Какие способности и качества наиболее необходимы следователю. Таковы: величайший такт, благоразумие, проницательность, сдержанность, а вместе — неусыпная бдительность, твердая воля и отсутствие всяких предубеждений...

...С другой стороны, в руках следователя, как участь обвиняемого, так и достоинство правосудия находятся в гораздо большей степени, чем в руках прокурорского надзора или судебной палаты.

Птицын, В. В. Пересмотр наших судебных законов. — СПб: Правовая скоропечатня «Надежда», 1895. — С. 16–17, 25, 27, 30–31..

...нет области в сфере судебного воздействия, которая представляла бы не только хаос воззрений и предъявляемых на их основании требований, которая грешила бы такими вопиющими из недр ее противоречиями, и которая так мало поддавалась бы законодательной обработке, как та, в которой работает судебный следователь, и которая разворачивается затем перед судом, сторонами и присяжными заседателями, проверяется, устанавливается и ложится в основание того или иного приговора.

Отсюда — неизбежность колебаний в началах, которыми руководится следователь, приступая к своему делу, необычайная уязвимость его для всевозможных упреков в исходе следствия и крайняя

затруднительность сразу ответить всем обращенным к нему требованиям.

Он, этот краеугольный камень процесса, базис, дающий тон и направление всему дальнейшему производству не имеет соответствующего цели своей руководства, или, что того хуже, получает его вне меры и разума. А между тем это руководство ему необходимее, нежели всякому иному органу правосудия; он ближе всех прочих стоит к жизни, ее пестрота, ее неустойчивость, ее разнообразие то и дело мелькают пред его испытующим взором; разобраться в них, ответить каждому явлению, каждому факту свое место без такого руководства нельзя; а руководством в данном случае могут оказаться только общие, теоретические, подвижные, всеобъемлющие и удобоприложимые принципы да собственное понимание следователя, развитое всесторонним образованием и хорошим опытом. Ни закон, ни «наблюдение за следствием» лиц прокурорского надзора таким руководством здесь быть не могут: первый никогда не в состоянии исчерпать все содержание этой области, своеобразной **почти** для каждого **почти** дела, а второе, наоборот, отправляясь от случайных указаний, лишается единства и качественно и количественно; дробясь чуть не по числу лиц этого надзора.

Обнинский, П. Н. Область исследования в предварительном и судебном следствии, ее значение в вердикте и границы / П. Н. Обнинский // Сборник статей / Под ред. П. Н. Обнинского; со вступит. Статьей А. Ф. Кони. – М.: Тип Тов-ва Рябушинских, 1914. – С. 155.

...в следователе, этом всеобъемлющем органе, соединяются вместе обязанности судьи, обвинителя, защитника и даже органа судебной полиции. В деятельности следователя, прежде всего, слиты две трудно совместимые функции — судьи и административного органа... Следователю приходится, с одной стороны, производить следствие и заботиться о достаточной его полноте, а с другой — постановлять решения о различных следственных действиях и о правах сторон. Часто ему приходится быть своим собственным судьей. Он, например, решает вопрос о силе улик, которые собрал он сам; он решает о допустимости обыска, будучи сам, прежде всего, заинтересован в собирании уличающих доказательств, он определяет должен

ли обвиняемый присутствовать на следствии, тогда как он сам заинтересован временно парализовать деятельность обвиняемого, и т. д. Словом, он решает не как судья относительно чужих действий и чужих интересов, а как административный орган относительно предстоящих ему действий и относительно интересов, представителем которых является он сам...

...Полная неорганизованность у нас полицейского розыска превратила следователя в орган судебной полиции, у которого розыскная сторона стоит далеко впереди судебной...

...Другое противоречие в положении следователя... заключается в соединении в его руках функций обвинителя и защитника. Как обвинитель следователь обнаруживает следы преступного деяния, оценивает их значение для обвинения, принимает все меры к закреплению их. В этой своей роли он помощник прокурора... Иногда на него прямо возлагаются обвинительные функции, как, например, п. 5 ст. 297 [Устава уголовного судопроизводства], в силу которого следователь сам вправе возбуждать преследование. Одновременно с этим следователь обязан собирать обстоятельства, оправдывающие обвиняемого (ст. 265) и не домогаться сознания (ст. 405)...

...Если предварительное следствие все же существует и приводит к цели, то это объясняется тем, что следователь давно отрешился от этой двойственности и определенно занял сторону обвинительной власти.

Люблинский, П. И. // Систематический комментарий к Уставу уголовного судопроизводства / Под ред. М. Гернета. – М., 1915. – С. 612–613.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреева Т. А. — ассистент кафедры специальных юридических дисциплин факультета права, социологии и СМИ Иркутского государственного технического университета.

Архипова А. Н. — старший преподаватель кафедры специальных юридических дисциплин факультета права, социологии и СМИ Иркутского государственного технического университета.

Асатрян Х. А. — аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики БГУЭП.

Базюк М. Л. — аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики БГУЭП.

Бокарев М. А. — соискатель кафедры криминалистики Сибирского федерального университета (г. Красноярск).

Васильева М. В. — аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики БГУЭП.

Зеленская Т. В. — кандидат юридических наук, Восточно-Сибирский институт МВД России.

Карепанов Н. В. — кандидат юридических наук, доцент, Уральская государственная юридическая академия.

Карепанов Г. Н. — работник Железнодорожного отделения № 6143 Уральского Банка Сбербанка России.

Китаев Н. Н. — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры специальных юридических дисциплин факультета права, социологии и СМИ Иркутского государственного технического университета.

Корнакова С. В. — старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики БГУЭП.

Кузнецова А. П. — аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики БГУЭП.

Кунижев А. Х. — аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики БГУЭП.

Магданов П. А. — соискатель кафедры уголовного процесса и криминалистики БГУЭП.

Мазюк Р. В. — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики БГУЭП.

Образцов В. А. — доктор юридических наук, профессор, Московская государственная юридическая академия.

Ражков Р. А. — кандидат юридических наук, преподаватель кафедры ГрПД СибЮИ МВД России.

Рукавишников П. П. — судья Иркутского областного суда.

Рыжачков А. П. — кандидат юридических наук, профессор, Тульский филиал Международного юридического института при Министерстве юстиции РФ.

Смирнов О. М. — соискатель кафедры уголовного процесса и криминалистики БГУЭП.

Смолькова И. В. — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики БГУЭП.

Степанова В. Г. — преподаватель Восточно-Сибирский институт МВД России.

Турчин Д. А. — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Юридического института Дальневосточного государственного университета.

Фойгель Е. И. — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики БГУЭП.

ПРИГЛАШЕНИЕ К СОТРУДНИЧЕСТВУ

Уважаемые коллеги!

Кафедра уголовного процесса и криминалистики Судебно-следственного факультета Байкальского государственного университета экономики и права (г. Иркутск) приглашает Вас принять участие в формировании сборника научных трудов «СИБИРСКИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ». Главным редактором сборника является Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Владимир Иванович Шиканов.

Предполагаемая периодичность издания сборника 2 раза в год.

Основные требования для публикуемых материалов:

1. Объем статьи не должен превышать 8 страниц машинописного текста, выполненного в текстовом редакторе MS Word, 16 шрифтом Times New Roman, с полуторным интервалом, поля 25 мм со всех сторон.

2. Название статьи печатается строчными буквами, жирным шрифтом. Ниже названия (через пустую строку) в правом углу указывается фамилия и инициалы автора (жирным курсивом), ученая степень и звание, место работы.

3. Сноски автоматические постраничные, 14 шрифтом Times New Roman, с одинарным интервалом, оформляются в соответствии с требованиями, предусмотренными ГОСТ 7.1-2003.

4. После статьи указывается следующая информация об авторе: ФИО, полное наименование организации, в которой работает (учиться) автор, занимаемая должность, ученая степень, ученое звание, адрес электронной почты, контактный телефон.

5. Для аспирантов и соискателей необходима рецензия научного руководителя.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отклонить материалы, не отвечающие тематике сборника, оформленные не по требованиям, исполненные с низким научным качеством, не имеющие электронной версии.

**СИБИРСКИЕ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ
И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ
ЧТЕНИЯ**

Сборник научных трудов

Выпуск 1

Издается в авторской редакции

ИД № 06318 от 26.11.01.

Подписано в печать 11.11.08. Формат 60х90, 1/16. Бумага офсетная.

Печать трафаретная. Усл. печ. л. 10,9. Тираж 100 экз. Заказ

Издательство Байкальского государственного университета
экономики и права.

664003, Иркутск, ул. Ленина, 11.

Отпечатано в ИПО БГУЭП.